

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (23) 2016

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2016

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (23)
Июнь 2016**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 20.06.2016 г.

Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 13,25

Тираж 300 экз.

Заказ № 00000000

Отпечатано в типографии «Артикул»
620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б
Тел.: +7 (343) 251-61-77
http://www.artikul.ru

**Журнал индексируется
в базе данных системы Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс
в Объединенном каталоге «Пресса России»
71227**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

ФИЛОСОФИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартянов – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Уральский финансово-юридический институт, Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. М. Андрияшина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

О. К. Шевченко – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Парадигмы и процессы

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков
 Великая Отечественная война
 и политика исторической памяти.
 Часть II 8

А.В. Скиперских
 «В тесноте, да не в обиде»:
 дискурс тесноты и протестные практики
 (зарисовки русской культуры) 18

Е.Г. Дьякова
 Общественные советы при органах
 исполнительной власти субъектов
 федерации: как выполняется функция
 общественного контроля 28

Тропы метода

Я.Ю. Моисеенко
 Феноменология мобильности:
 методологический аспект 34

К.В. Корсаков
 Женщина
 в призме уголовной ответственности..... 42

В.А. Корнеева
 Палитра национальных ресурсов
 института Soft Power 49

Ю.П. Чусовитина
 Образы политического процесса России
 и роль массовой коммуникации
 в формировании политической
 идентичности студенческой молодежи
 г. Екатеринбурга 61

И.А. Боков
 Мягкая сила Уругвая..... 70

Типпакди Лагкана, Вирийяпханич Мук
 Soft power Таиланда..... 77

**Современная логика
 и интеллектуальные технологии**

В.О. Лобовиков
 Две новые аксиомы
 рационалистической эпистемологии
 (взаимосвязь доказуемости, истинности,
 невыразимости, непоколебимой веры
 и непроверяемого знания: Г.В. Лейбниц;
 К. Гёдель; А. Тарский; Дж. Мур)..... 82

Персона

С.Б. Булекбаев
 Штрихи к творческому портрету философа:
 А.Х. Касымжанов 89

Энциклопедия «Дискурсология»

Статьи

Т.Н. Астафурова, И.К. Кириллова
 Англоязычный университетский
 дискурс 95

Т.Н. Астафурова, О.В. Шевченко
 Англоязычный песенный дискурс..... 98

Т.Н. Астафурова, Н.А. Акименко
 Англосаксонский сказочный дискурс 102

Т.Н. Астафурова, А.С. Джумагалиева
 Дискурс англосаксонского
 ландшафтного дизайна 105

К.С. Романова
 Анекдот как дискурс..... 108

Дискурс имиджа..... 109

Дискурс имени 111

Published four times a year

Founded by
The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 20.06.2016
Format 60x84 1/8
Reference sheet area 13,25
Issues – 300
Order № 00000000

Printed by Typography «Artikul»
ul. Belinskogo 71 B
Ekaterinburg, 620026, Russia
Phone: +7 (343) 251-61-77
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

**The journal is included
into the «CyberLeninka» database**

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Board:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**All issues of the journal are available on the website
www.madipi.ru**

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press»
71227**

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Y.G. Yershov – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia)

S.G. Zyryanov – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia)

K.V. Kiselev – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

E.A. Kozhemyakin – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia)

N.A. Komleva – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia)

O.V. Korkunova – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia)

V.O. Lobovikov – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.S. Martianov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

S.V. Moshkin – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

K.S. Romanova – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.M. Rusakov – Doctor of Philosophy, Professor (Ural Institute of Finance and Law, Ekaterinburg, Russia)

E.M. Olovu – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

A.D. Trachtenberg – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

I.B. Fan – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.G. Fishman – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia)

M.V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

A.D. Korolyov – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia)

K.N. Lubutin – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Mikhail Malyshev – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico)

O.Y. Malinova – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

L.N. Sinelnikova – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

E.A. Stepanova – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.N. Timofeyeva – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia)

V.E. Khvoshchev – PhD, Associate Professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia)

A.N. Chumakov – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

O.K. Shevchenko – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

D.M. Kovba – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

Paradigms and Processes

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov
The Great Patriotic War and Politics
of Historical Memory. Part II..... 8

A.V. Skiperskikh
«There Is Always Room for One More»:
Discourse of Narrowness and Protest Practices
(Sketches of Russian Culture)..... 18

E.G. Djakova
Social Councils at Enforcement Authorities
of Subjects of the Russian Federation: How
Public Control Function Is Carried Out..... 28

Tropes of Method

Y.Y. Moiseenko
Phenomenology of Mobility:
Methodological Aspect 34

K.V. Korsakov
The Woman
in the Prism of Criminal Responsibility..... 42

V.A. Korneeva
The Palette of National Resources
of the Institute of Soft Power 49

Y.P. Chusovitina
Images of the Political Process in Russia
and the Role of Mass Media in Shaping
Political Identity of Students of Ekaterinburg 61

I.A. Bokov
Soft Power of Uruguay 70

Lakkhana Tipphakdee, Muk Viriyahbhanij
Soft Power of Thailand 77

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov
Two New Axioms
for Rationalistic Epistemology
(Interconnection of Provability, Truthfulness,
Inexpressibility, Not-Revisable Belief and
Irrefutable Knowledge: G.W. Leibniz; K.
Gödel; A. Tarski; G. Moore) 82

Person

S.B. Bulekbaev
Strokes to a Creative Portrait
of the Philosopher: A.H. Kasimdzhanov 89

Encyclopedia «Discoursology»

Articles

T.N. Astafurova, I.K. Kirollova
The English-Speaking
University Discourse..... 95

T.N. Astafurova, O.V. Shevchenko
English Songs Discourse..... 98

T.N. Astafurova, N.A. Akimenko
Anglo-Saxon Fairy Discourse..... 102

T.N. Astafurova, A.S. Dzhumagalieva
The Discourse of the Anglo-Saxon
Landscape Design 105

K.S. Romanova
Anecdote as a Discourse 108

The Discourse of Image..... 109

The Discourse of Name 111

УДК 327

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ. ЧАСТЬ II

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ),
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

АНОО Уральский финансово-юридический институт,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Рассматриваются наиболее характерные мифы неолиберальной историографии Второй мировой войны о равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание войны, о «сговоре» Гитлера и Сталина по поводу раздела демократической Европы. Эти мифы призваны оправдать предвоенную политику Запада и сегодня нанести второе морально-политическое поражение России после уничтожения Советского Союза с целью обеспечения безоговорочного господства транснационального капитала.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Советский Союз, Россия, Западная Европа, тоталитаризм, политика исторической памяти, фальсификация современной истории, победа СССР в Великой Отечественной войне.

Другое важное направление политики исторической памяти, активно осуществляемой сегодня, как и 70 лет назад – извращение характера Великой Отечественной войны. Помимо того, что общим местом такого системного похода против истории является

полное извращение роли и значения СССР в победе над фашизмом, в последние десятилетия культивируется тезис о том, что Великая Отечественная война была такой же агрессией, как и гитлеровская, имела захватнический или даже колониальный характер – о чем

свидетельствовала «освободительная борьба» украинских, прибалтийских и кавказских националистов. Со времен Холодной войны давно Запад так открыто не возносил на пьедестал «борцов» и «освободителей» – карателей и пособников нацистских преступников из числа всевозможных вспомогательных националистических батальонов и частей СС. Официально лидеры современных западноевропейских стран не могут приветствовать этих преступников, а потому либо стремятся всеми силами не замечать их оживление, их беспрецедентную активность [3].

Но вот провести некий «апгрейд» давней темы, особенно на фоне катастрофически уничтожаемого неолиберальными «псевдо-реформами» массового образования – можно попытаться. Как отмечают современные авторы: «Начиная с 1980-х – 1990-х годов на волне очернения всего «советского» публицисты-русофобы, а вслед за ними авторы желтой прессы, продвигали в массы тренд, что «Великой Отечественной войны» якобы не было, а была «гражданская» – так как на стороне Гитлера якобы воевало от миллиона до двух миллионов «русских». Со временем, по ходу восстановления исторической справедливости в 2000-е, этот тренд «отошел в тень», но в 2014 году он был актуализирован уже «под новым соусом». Силам «Майдана» на Украине, героизирующим Шухевича, Бандеру и других гитлеровцев, нужно было срочно доказать, что главный коллаборационист – «кто-то другой», лучше всего – «москаль» (мол, у бедных украинцев – всего одна дивизия СС «Галичина», а у русских – ой-ой-ой). И с этим вопросом нужно разобраться поподробнее» [7]. Разумеется, спекулируют на численности советских военнопленных, армии генерала А. Власова и др.

Действительно, цифры, которые называются различными историками, колеблются от 800 тысяч до 1,5 миллионов (коллаборационистов – О.Р., В.Р.): «Самой подтвержденной считается сегодня оценка в 1,2 миллиона человек. Относительно того, кто это был

на самом деле, есть прекрасная статья Игоря Куртукова «Сколько русских воевало на стороне Гитлера». Ссылаясь, в свою очередь, на подсчеты Сергея Дробязко, он приводит такую численность коллаборационистов-представителей различных народов СССР:

- 250 000 украинцев;
- 70 000 белорусов;
- 70 000 казаков;
- 150 000 латышей;
- 90 000 эстонцев;
- 50 000 литовцев;
- 70 000 среднеазиатов;
- 12 000 волжских татар;
- 10 000 крымских татар;
- 7 000 калмыков;
- 40 000 азербайджанцев;
- 25 000 грузин;
- 20 000 армян;
- 30 000 северо-кавказских народностей.

На долю русских в этом случае приходится чуть более 300 тысяч...» [7].

В плане нынешнего оголтелого анти-русского курса украинского режима, пришедшего к власти в результате инспирированного из-за рубежа вооруженного государственного переворота, цинично названного «революцией достоинства», прославляющего карателей и преступников, нужно заметить: «Самым омерзительным из всех украинских коллаборационизмов, если можно так сказать, была массовая служба украинцев в подразделениях так называемой «украинской народной милиции», вспомогательной охранной полиции, шуцманшафт-батальонах, подчинявшихся то полиции, то СД, и выполнявших карательные функции против своих соотечественников. В 1942 году общее количество их личного состава в Восточной Европе достигло 300 тысяч человек. Огромный процент в них составляли именно украинцы. Наполнением этих подразделений занималась та самая Организация украинских националистов (ОУН), которую сегодня героизировала Верховная Рада Украины» [7].

И людей, клянувшихся в верности этому жуткому человеческому материалу, неолиберальные политики важно и с ученым видом призывают уважать, – так как «каждый народ имеет право на свою историческую память», такую, какой они ее понимают. Однако необходимо напомнить, какого рода были эти герои, по стопам которых нынешние собираются следовать: «Только к концу осени 1941 года батальоны «украинской милиции» уничтожили до 200 тысяч евреев на территории Рейхскомиссариата Украина! <...> Только в Бабьем Яру нелюди – украинские коллаборационисты под руководством немцев – уничтожили около 150 тысяч человек» [7].

Приходится только согласиться с множеством таких и подобных им суждений: «В советские времена тему коллаборационизма не очень любили обсуждать. Во-первых, чтоб не показывать масштабы предательства. Во-вторых, чтоб попытаться установить мир между народами. Увы, в определенной мере, это в перспективе дало обратный эффект, облегчив наследникам фашистских убийц собственную «реабилитацию» и установление нового околофашистского режима...» [7].

Над «уроками» войны размышляли и будут размышлять, и будут неизбежно различные политические позиции, что не означает, что все они автоматически («толерантно») одного достоинства. Историк Ю. Жуков в качестве примера приводит книжку «бывшего мэра Москвы Гавриила Попова – «41–45 – одна война или три» («Три войны Сталина» – в Интернете): «Попов пытается доказать, что была на самом деле не одна война, а целых три! Одну мы проиграли. Ту, которая была в самом начале. <...> Вторая война – это Отечественная, когда поднялся весь народ. И, наконец, третья война, это уже 44–45-й годы. Ее автор называет «экспансией социализма». Значит, по Гавриилу Попову, освобождение от нацистских захватчиков Польши, Балкан, Венгрии, Чехословакии – это все «экспансия социа-

лизма». А почему тогда не экспансия капитализма – высадка союзников в Нормандии? И какие же делает выводы Гавриил Попов? Он предлагает поставить в России много военных памятников» [5]. На вопрос «Кому же ставить памятники?» представитель неолиберальной идеологии и политики последовательно отвечает: «Нашим пленным, солдатам и офицерам. Но пленные были разные: кто-то из них мужественно вынес все страшные условия концлагерей, а кто-то пошел работать на немецкие заводы, чтобы делать пушки и танки, самолеты и «Фау»... Затем – памятник холокосту. Но причем тут холокост? Какое отношение Россия имеет к холокосту? Дальше – памятник репрессированным народам. Но Гавриил не говорит о том, что крымские татары помогли немцам захватить Севастополь. Создали охранные полицейские отряды, которые боролись с партизанами. Не говорит о том, что некоторые народы Северного Кавказа, не все целиком, но частично, надели немецкую форму и воевали против Красной Армии... Мало этого. Попов, не моргнув, предлагает поставить памятник генералам Власову и Краснову. Изменникам, которые пытались формировать свои вооруженные силы. <...> Они занимались полицейскими операциями. И тут стоит вспомнить, что латыши, надевшие немецкую форму, эсэсовскую форму, сожгли Хатынь. Да, при Советском Союзе, чтобы не разжигать страсти, об этом не говорили. Но сегодня про это нужно говорить! Когда по улицам Риги маршируют эти самые эсэсовцы. Напомнить, что они делали» [8].

Смысл исторических упражнений в политике памяти довольно наглядно виден на примере 100-летнего юбилея начала Первой мировой войны [12]. Неизбежно встал вопрос о характере той войны: «Анализ источников дает возможность ответить на «вопрос вопросов» о характере Первой мировой войны, в том числе для России. Как известно, в советской историографии ее называли «империалистической», и сегодня это

вызывает возражения, но они едва ли обоснованы: война 1914–1918 гг. действительно была войной империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской, Британской, Османской; даже республиканская Франция была, в конечном счете, колониальной империей» [12]. Поэтому попытки искусственной героизации ее предстают прямым извращением смысла исторических событий. Только вот в чьих интересах это делается?

Автор справедливо подчеркивает, что «Характер войны определяют цели и задачи воюющих сторон («главных игроков»), полнее всего отраженные во внешнеполитических документах. <...> Публикация секретных договоров царского правительства, осуществленная по решению II съезда Советов Н.Г. Маркиным, убедительно показала захватнический характер мировой войны. Впоследствии многотомные издания архивов дипломатических ведомств воевавших государств полностью подтвердили этот вывод и для Антанты, и для Германии и ее союзников: Первая мировая война, действительно, велась ее участниками ради захвата и раздела чужих территорий» [12]. Документы также достоверно показывают, что «опираясь на займы и связанные с ними финансовые обязательства, Англия и Франция заставили Россию «платить по счету» и погнать миллионы своих подданных на убой. Получается парадоксальная ситуация: это не Ленин и большевики были платными агентами германского империализма (что не доказано никогда, нигде и никем) – напротив, это царское правительство оказалось в роли платных агентов англо-французских империалистов, что надежно засвидетельствовано подлинными и достоверными документами» [12]. Приходится, как минимум, усомниться в правомерности ее «патриотической» концепции.

В этом примере отчетливо просматривается смысл недавних попыток уравнять Первую мировую войну и Великую Отечественную, да еще и ранжировать: Первая Отечественная – 1812 г., Вторая

Отечественная – 1914 г. и, наконец, Отечественная 1941–45 гг., то ли Великая, то ли Третья. Империалистическую, захватническую чудовищную по своей бессмысленности войну, в которую правящая монархическая клика ввергла страну – предлагают называть то «Великой неизвестной», то «Второй Отечественной». Когда солдаты воюют за Отечество – они не братаются в окопах с врагом; человечность, милосердие к врагу – да, но представить «братание» советского солдата даже с солдатом Вермахта (не эсэсовцем) категорически невозможно, не оболгав этой войны.

И в этом пункте мы подходим к еще одной важной стороне истории Великой Отечественной – ее органической связи с Великой Октябрьской социалистической революцией. Именно эту связь неолиберальная критика всеми силами стремится разрушить, а государственно-политическая машина – порвать, выкорчевать из памяти народа. Тем самым обесмысливается главное содержание – за что же так беззаветно, так самоотверженно воевал советский солдат (заметим, не русский, не украинец или иной какой представитель многонационального советского народа). Что воевал, а не сдался – о том говорит Победа; что не из страха перед заградотрядами НКВД и штрафбатами (как нас стремятся убедить и «фактами», и фильмами); что не за «веру» (как в киношных выдумках про «боевых попов»), не «за Сталина», хотя и в народном, массовом сознании эти понятия тесно увязаны, как бы это ни нравилось либеральной историографии и политике.

Тогда за что? За ту, оказывается, новую жизнь, путь к которой лишь открыла Октябрьская революция, которая в желаемых формах была так далека от осуществления и которую, тем не менее, советский народ увидел, почувствовал. Общество без эксплуатации человека человеком, общество фактического социального равенства и социальной справедливости, общество, где че-

ловек человеку друг, брат, а не «конкурент», не объект купли-продажи, «слабое звено», подлежащее непременно уничтожению.

Вот почему для неолиберальной правящей «элиты» (как она любит себя называть) красное знамя Победы с коммунистическими символами – источник крайнего раздражения; Мавзолей Ленина – для нее «камера хранения мумии», ежегодно стыдливо заколачиваемая фанерой; «парад 7 ноября 1941 года» – невеста откуда взявшаяся дата «отправления войск прямо на фронт» (как будто в другие даты войны они не уходили туда). Поэтому с точки зрения «общества тотального потребления» (точнее, «всеобщей продажности») – все это: гибели и смерти, страшные муки, жесточайшее горе, невероятное напряжение сил и самоотверженность, – абсолютно непонятны (иррациональные, дикие, неразумные, алогичные и пр.). Вот почему сегодня одно из самых разрушительных средств для сути и смысла Победы – это ее социально-политическое и социально-экономическое выхолащивание. Новым поколениям никогда не усвоить сути Великой войны только через сражения, битвы, орудия, машины и т. п. Неизбежно повиснет в воздухе вопрос – «А зачем все это было, да еще такое страшное?». Вот и задают провокационные вопросы о «цене» войны, сражений, подвигов, наград и т. п. В этом кроется прямая опасность превращения праздника Победы во все более трескучий, бессмысленный ритуал, бюрократически освящаемую процедуру – то ли «бряцания оружием», то ли праздничной «тусовки», то ли «явления сакральной власти» народу.

Теория двух тоталитаризмов легко справляется с ответами на все вопросы: не было бы СССР, советского коммунизма, – не было бы гитлеров, фашизмов, были бы «общечеловеческие ценности» и все бы сами жили и другим давали жить, без этого фанатизма, жертв и пр. В конце концов, Россия была бы частью «общеевропейского дома».

Одним из назойливых мотивов в толковании Второй мировой войны и Великой Отечественной современной неолиберальной историографии, особенно из числа «новых европейских демократий», новоиспеченных членов ЕС и НАТО, является тема советских репрессий различных народов и их массовых переселений (в период «советской оккупации»), за которые России необходимо не просто каяться, а расплачиваться звонкой монетой (аппетиты постоянно растут, и цифры «возмещения ущерба» обрастают невероятным количеством нулей). Тема этих трагедий грозит обратиться в нечеловеческий фарс – на фоне применяемых процедур в духе «институтов национальной памяти» – когда один народ начинает гипертрофированно выпячивать свою трагедию, боль, стремясь во что бы то ни стало доказать, что его боль – самая больная из всех болей. Тогда естественное человеческое сочувствие и сопереживание не менее естественно слабеет. Но особенный привкус всем подобным камланиям придают специфические манипуляции, приемы, которые применяются при этом.

Оставим в покое моральную сторону вопроса (она здесь не является предметом) и сосредоточимся на знании: а так ли принципиальны сами призывающие всех и вся повсеместно каяться и молить о прощении? Примером, частным случаем здесь может быть рассмотрено то, как после войны поляки решали «немецкий вопрос» [6]. Очень не понравилась в Польше книга Геннадия Матвеева «Польский плен» (2011), посвященная судьбе 28 тысяч красноармейцев, взятых в плен во время советско-польской войны 1919–1920 годов и сгинувших в польских лагерях. И это – лишь малая часть того печального знания, которое ожидает еще своих объективных исследователей: «Есть что вспомнить: пачификации, осадничество, страшную бедность и голод среди крестьян Западной Белоруссии и Западной Украины, концлагерь в Березе-Картузской, разграбление еврейского имущества во время немец-

кой оккупации и другие подобные моменты. Нелишне упомянуть и об изгнании более чем семи миллионов немцев сразу после окончания Второй мировой войны с территории восточнее рек Одер-Нейсе (Одра-Ниса Лужицка, по-польски) [6].

И, как это характерно для всех наставников и мастеров приватизированной исторической памяти, – «Историческая патетика стала обоснованием для самой настоящей этнической чистки и насильственного изгнания немецкого населения. Масштабы этой этнической чистки были колоссальными. По переписи 1939 года на территориях, расположенных восточнее линии Одер-Нейсе, и потом вошедших в Польшу, проживало 7,2 млн. немцев. В 1948 году на этой же территории осталось всего 100 тысяч человек немецкого населения» [6]. Сегодня в польской литературе по этому поводу нет недостатка во всевозможных увертках и двоемыслии, однако «в специальной работе Б. Пасиерба, выпущенной во Вроцлаве в 1969 году и посвященной миграции немцев, прямо указывается, что в 1945 году было выселено 449,8 тысяч, в 1946 году – 1 млн. 102,9 тысяч, в 1947 году – 217,7 тысяч человек... Все это было организовано именно как захват территории, под лозунгом: «Нет места для немцев в Польше» [6]. Не менее показателен для современной польской истории и другой прецедент: «В связи с этим стоит вспомнить знаменитый еврейский погром в Кельце 4 июля 1946 года... После погрома из Польши выехало 35 тысяч евреев, чудом переживших страшную немецкую оккупацию и лагеря смерти» [6]. Могут ли политические деятели, уклоняющиеся от знания всего этого, а тем более – искажающие его, претендовать на роль «зеркал нравственности», на некое высшее судейство, призывающее других к ответу? [1].

Как уже было сказано, история войн будет всегда рассматриваться с социально-политических позиций до тех пор, пока будут существовать социальные группы с диаметрально противоположными интересами.

Поэтому действительная история войн подвергается искажению и извращению в угоду этим интересам, и в этом нет ничего нового или удивительного. В.И. Ленин точно сформулировал мысль: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [2]. Поэтому идет самая ожесточенная борьба за противоположные картины Великой Отечественной войны. Глава МИД России Сергей Лавров указал, чем занимаются западные пропагандисты: «Мы стали объектом беспрецедентной конфронтационной кампании в целях давления на Россию, не только экономической и финансовой, но и информационной, пропагандистской в худшем смысле этого слова» [8].

Но есть еще один весьма важный аспект современной исторической памяти о войне – это роль государственно-политической системы, власти, которая организует и направляет мощное идеологическое воздействие на сознание и поведение людей. Как мы видим, в зависимости от того, какая будет выбрана государственная политика, такому давлению будет подвергаться сознание населения. Сегодня общим местом стали констатации: «Все зашло так далеко, что значительная часть наших соотечественников очень слабо представляет себе разницу между Великой Отечественной и Второй мировой войной. Еще в 2009 году правильно назвать дату начала Второй мировой войны могли только 22% россиян» [8]. Катастрофически слабо представляют себе то главное, что СССР внес решающий вклад в разгром фашизма. Нельзя забывать о том, что «сражаться Советскому Союзу приходилось далеко не только с Третьим Рейхом, а, по сути дела, с объединенными силами всей Европы. Кто-то участвовал в войне непосредственно, отправляя на фронт войска, кто-то – прикрывая тылы, кто-то – оказывая экономическую поддержку. Тем не менее, СССР против-

стояли совместные силы Германии, Италии, Испании, Румынии, Венгрии, Болгарии (без прямых боевых столкновений на территории СССР), Словакии, Финляндии. А кроме того, мощные коллаборационистские силы, оказывавшие поддержку Гитлеру, действовали (либо как марионеточные правительства, либо как просто политические силы) в оккупированных Франции, Хорватии, Греции, Норвегии, Нидерландах, Дании, Австрии, Бельгии» [8].

Более того, «американские промышленники открыто безнаказанно финансировали в 30-е годы Гитлера и НСДАП! Прямо перед войной «Стандарт ойл», «Дженерал моторз», «ИТТ» и «Форд» инвестировали в экономику Германии баснословные суммы. Даже после официального вступления США в войну некоторые американские корпорации умудрились сотрудничать с Германией и ее союзниками. К огромному неудовольствию Вашингтона, некоторые из этих фактов всплывали даже на Нюрнбергском процессе» [8]. Книжки американских авторов, в которых раскрываются эти чудовищные стороны бизнеса, готового ради прибылей сотрудничать с величайшими преступниками в истории человечества, потрясают, но остаются неизвестными большинству населения, учащейся молодежи [15].

Невозможно обойти вниманием тот факт, что «уникальность российской ситуации состоит в том, что в отечественной элите есть влиятельная группировка, кровно заинтересованная в развенчании Победы. Кроме того, есть не менее влиятельная группировка абсолютно незаинтересованная в противодействии фальсификации истории, и есть еще более многочисленная и влиятельная группировка, интересы которой препятствуют организации эффективного отпора фальсификаторам» [16].

Совсем неслучайно в основу государственной программы борьбы с тоталитарным наследием, призванную «модернизировать» сознание общества (разработана Советом при Президенте РФ по гражданскому обществу и правам человека), положены тезисы об от-

ветственности СССР за Вторую мировую войну, о тождестве «сталинизма» и нацизма, о беспросветном прошлом («вся Россия – Катынь») [10]. Все то, с чем призвана бороться учрежденная тем же самым Президентом Комиссия по противодействию фальсификации истории.

Если обратиться к результатам противодействия пересмотру истории Великой Отечественной войны на внутрироссийском поле, то придется признать, что по количеству кино- и телефильмов, книг и статей, в которых «доказывается» тождество сталинского СССР с гитлеровской Германией, Россия по-прежнему уверенно сохраняет пальму первенства и способна дать фору любым зарубежным фальсификаторам. Показательно, в 2010 г. уже каждый третий (!) гражданин России был согласен с утверждением о том, что наша страна несет равную ответственность с Германией за начало Второй мировой войны (3). За пять лет до этого, в 60-ю годовщину Победы, такую точку зрения разделяло на шесть процентов меньше. В 2011 году соответствующий опрос еще не проводился, но тенденция однозначная [16].

Сегодня все более крепнет не просто убеждение или точка зрения, а знание о том, что «В основе зарубежной кампании по пересмотру роли СССР во Второй мировой войне лежит не неожиданно проснувшаяся у политиков и журналистов тяга к историческим изысканиям, а интересы глобальной элиты... Глобальная элита, ориентированная на построение однополярного мира по вполне естественным причинам одну из главных угроз своим целям видит в России. Запад не забыл того, что к XIX веку весь мир уже был его колонией или полукolonией (острая конкуренция колонизаторов позволяла некоторым народам и государствам еще сохранять независимость). Совместно с США, в рамках ялтинско-постдамских договоренностей, создала современную мировую политическую систему. Благодаря СССР рухнула колониальная система, результат многовековых усилий

Запада, и почти половина мира на десятилетия вышла из-под его контроля...» [16].

Поэтому примитивные заклинания о необходимости «декоммунизации», «десталинизации», избавления российского общества от наследия «совка» [13] – это процесс, призванный превратить Россию из субъекта мировой политики в объект реализации интересов транснационального финансового капитала.

В интересах исторической памяти надо говорить о том, что пострадавшие от фашизма народы Восточной, да и Западной Европы участвовали в войне на стороне Германии: Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Норвегия, Хорватия, Австрия, Испания и Дания приняли участие в походе на Восток. Другие государства направили добровольцев и поставили на службу Рейху (добровольно или принудительно) свою экономику, тоже принимали участие в уничтожении евреев. Надо помнить и о ядерной бомбардировке японских городов, и о нанкинской бойне, которую учинили японцы, и в которой погибли миллионы китайцев [9].

Самое же печальное в сегодняшней российской ситуации, когда официальная пресса деланно возмущается разгулом фашиствующего национализма на Украине и зоологическим выкорчевыванием общей памяти народов России и Украины под лозунгом уничтожения фашистской и коммунистической символики и пр., правящая верхушка занята, фактически тем же самым: «15 августа 2015 года распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» [4]. Что же здесь опасного? Четыре года назад «программа, подготовленная для одобрения Д. А. Медведевым в его бытность президентом, называлась «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Теперь акцент «смещён с личности И. В. Сталина на предстоящее в 2017 году столетие двух русских революций – февральской и октябрьской. Ясно, однако, что

инвективы авторов документа направлены только в адрес второй, хотя толкнули страну в пропасть устроители первой, в то время как власть, возникшая после октября 1917-го, её из этой пропасти вытащила» [4]. Авторы лицемерно печалются по поводу раскола, якобы возникшего в стране в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, ставя все с ног на голову! Опирируя антиисторическим и крайне двусмысленным термином «жертвы репрессий» (как в Польше, Прибалтике, на Украине, а недавно и в Румынии), они подводят псевдоконцептуальную базу под полное зачеркивание советского периода нашей истории, пытаясь даже ввести «ответственность за отрицание репрессий и жертв!» [4].

Таким образом, приближающийся столетний юбилей российских революций неизбежно показывает острое желание правящего класса, тоскующего не по капитализму и «свободе конкуренции», а по бесконтрольному господству – взвалить вину за катастрофы в истории страны (Первая мировая война и Гражданская война) на Октябрьскую революцию, имеющую вопреки их желаниям, настоящее и глубочайшее всемирно-историческое значение, и любой ценой оправдать нынешнее ограбление собственной страны.

Подводя итоги экскурсу в круг проблем современной политики исторической памяти, посвященной Второй мировой войне, приходится признать, что история была, есть и будет орудием политической борьбы в обществе, где ничтожная часть его жаждет не только присваивать подавляющую часть богатства, но и жесточайшим образом подавлять всех, кто вздумает этому сопротивляться. Современный транснациональный финансовый капитал жаждет нанести второе сокрушительное морально-политическое поражение России – после развала СССР, приравняв ее к гитлеровскому агрессору, лишив права на Победу и обеспечив себе беспрекословное подчинение (лидерство) во всем мире. Чем чреват популизм к мировому господству – мы слишком хорошо знаем.

1. «Западу, который нас, вместе с нашими либералами, учит демократии, мы можем многое напомнить и предложить отмечать. Например, День жертв колониализма и империализма. День жертв индийского голодомора, до которого довела Индию колониальная политика Британии в XVIII и XIX веках и от которого, по разным подсчетам, погибло до 40 млн. человек, <...> жертв восстания сипаев, которых расстреливали, привязывая к пушкам. <...> Неру прямо называл политику Британии по существу нацистской, <...> жертв опиумных войн в Китае, <...> жертв фактической войны США с индейцами, которых, по разным подсчетам, было уничтожено до 3 млн., <...> жертв Вьетнамской войны, вначале французской, потом американской, в ходе которой США не постеснялись использовать химическое оружие, скромно называя его ядохимикатами, <...> жертв Алжирской войны и пыток, которым подвергались инсургенты во французских лагерях и тюрьмах. О них ведь красочно написал известный франко-алжирский журналист Анри Аллег в книге «Допрос под пыткой», <...> Аленде, свергнутого по прямому указанию американского руководства, и жертв диктатуры Пиночета, столь любимого российскими либералами. Во времена Советского Союза Запад вынужден был считаться с тем, что СССР постоянно напоминал ему обо всем этом» // www.expert.ru/expert/2013/21/oni-ne-ravnyi/.

2. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 47.

3. Гувевич Владислав. Так есть ли на нацизм на Украине? Ответ очевиден // <https://interaffairs.ru/news/show/11440>: См. позорные потуги западноевропейских и украинских властей не замечать распоясавшихся неонацистов. «У украинского обывателя вошло в привычку дурашливо отмахиваться от сравнений элементов нынешней государственной идеологии украинского государства с гитлеровской. Но факты говорят сами за себя».

4. Демури Михаил. Десталинизация Дмитрия Медведева и смердяковское лобби // <http://regnum.ru/news/polit/1956363.html>.

5. Историк Юрий Жуков: «Нашу Победу пора спасать» // <http://www.vlkrf.ru/info/9831>.

6. Как после войны поляки решали «немецкий вопрос» // <http://www.e-news.su/info/18859-kak-posle-voyny-polyaki-reshali-nemeckiy-vopros.html>.

7. Князев Святослав. Правда о предателях. Коллаборационизм во Второй мировой и Великой Отечественной войне // <http://politrussia.com/istoriya/pravda-o-predatelyakh-856/>.

8. Князев Святослав. Пропаганда США замахнулась на Победу // <http://politrussia.com/istoriya/budni-informatsionnoy-voyny-634/>.

9. Копосов Николай «Память строгого режима: история и политика в России» // http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/155125/brand_id/20903/.

10. Общенациональная государственно-общественная программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении» // http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/the_program_of_historical_memory.php.

11. Правда о предателях. Коллаборационизм во Второй мировой и Великой Отечественной войне.

12. Пудалов Б. История Первой мировой войны: взгляд архивиста // www.archiv.nnov.ru.

13. Сравним, как по одним лекалам кроются лозунги:

на Украине – это «ватники», «колорады».

14. Там же. См. также: «Десятилетиями Европа избегала этого неприятного разговора. Разговора об украинских надзирателях, латышских полицейских, венгерских железнодорожниках, польских крестьянах, французских мэрах, румынских солдатах и норвежских министрах – всех тех, кто помимо немецких нацистов принял участие в Холокосте. По подсчетам историков, больше 200 тысяч человек, не имевших отношения к немцам, участвовали в массовых убийствах во время Второй мировой войны в Европе» // Семён Кац: Нобель для Гитлера. О Нобелевском лауреате Гамсуне // <http://www.stihi.ru/diary/simonkats/2012-04-15>.

15. Хайэм, Чарльз. Торговля с врагом // http://militera.lib.ru/research/highham_c/index.html.

16. Шишкин И. Фальсификация истории и интересы российской элиты // <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTрq>.

1. «Zapadu, kotoryj nas, vmeste s nashimi liberalami, uchit demokrati, my mozhem mnogoe napomnit' i predlozhit' otmechat'. Naprimer, Den' zhertv kolonializma i imperializma. Den' zhertv indijskogo golodomora, do kotorogo dovela Indiya kolonial'naya politika Britanii v XVIII i XIX vekax i ot kotorogo, po raznym podschetam, pogiblo do 40 mln. chelovek, <...> zhertv vosstaniya sipaev, kotoryx rasstreivali, privyazyvaya k pushkam. <...> Neru pryamo nazyval politiku Britanii po sushhestvu nacistskoj, <...> zhertv opiumnyx vojn v Kitae, <...> zhertv fakticheskoy vojny SShA s indejcami, kotoryx, po raznym podschetam, bylo unichtozheno do 3 mln., <...> zhertv V'etnamskoj vojny, vnachale francuzskoj, potom amerikanskoj, v xode kotoroj SShA ne postesnyalis' ispol'zovat' ximicheskoe oruzhie, skromno nazyvaya ego yadoximikatami, <...> zhertv Alzhirskoj vojny i pytok, kotorym podvergalis' insurgenty vo francuzskix lageryax i tyur'max. O nix ved' krasochno napisal izvestnyj franko-alzhirskij zhurnalist Anri Alleg v knige «Dopros pod pytkoj», <...> Al'ende, svergnutogo po pryamomu ukazaniyu amerikanskogo rukovodstva, i zhertv diktatury Pinocheta, stol' lyubimogo rossijskimi liberalami. Vo vremena Sovetskogo Soyuzza Zapad vynuzhden byl schitat'sya s tem, chtо SSSR postoyanno napominal emu obo vsem e'tom» // www.expert.ru/expert/2013/21/oni-ne-ravnyi/.

2. V.I. Lenin. Poln. sobr. soch. T. 23. S. 47.

3. Gulevich Vladislav. Tak est' li na nacizm na Ukraine? Otvet ocheviden // <https://interaffairs.ru/news/show/11440>: См. позорные потуги западноевропейских и украинских властей не замечать распоясавшихся неонацистов. «У украинского обывателя вошло в привычку дурашливо отмахиваться от сравнений элементов нынешней государственной идеологии украинского государства с гитлеровской. Но факты говорят сами за себя».

4. Demurin Mixail. Destalinizaciya Dmitriya Medvedeva i smerdyakovskoe lobbі // <http://regnum.ru/news/polit/1956363.html>.

5. Istorik Yuriy Zhukov: «Nashu Pobedu pora spasat'» // <http://www.vlkrf.ru/info/9831>.

6. Kak posle vojny polyaki reshali «nemeckij vopros» // <http://www.e-news.su/info/18859-kak-posle-voyny-polyaki-reshali-nemeckiy-vopros.html>.

7. Knyazev Svyatoslav. Pravda o predatelyax. Kollaboracionizm vo Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj

vojne // <http://politruussia.com/istoriya/pravda-o-predatelyakh-856/>.

8. Knyazev Svyatoslav. Propaganda SShA zamaxnulas' na Pobedu // <http://politruussia.com/istoriya/budni-informatsionnoy-voyny-634/>.

9. Kopusov Nikolaj «Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii» // http://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/155125/brand_id/20903/.

10. Obshhenacional'naya gosudarstvenno-obshhestvennaya programma «Ob uvekovechenii pamyati zhertv totalitarnogo rezhima i o nacional'nom primireнии» // http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/the_program_of_historical_memory.php.

11. Pravda o predatelyax. Kollaboracionizm vo Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj vojne.

12. Pudalov B. Istoriya Pervoj mirovoj vojny: vzglyad arxivista // www.archiv.nnov.ru.

13. Sravnim, kak po odnim lekalam kroyatsya lozungi: na

Ukraine – e'to «vatniki», «kolorady».

14. Tam zhe. Sm. takzhe: «Desyatiletiyami Evropa izbegala e'togo nepriyatnogo razgovora. Razgovora ob ukrainskix nadziratelyax, latyshskix policejskix, vengerskix zheleznodorozhnikax, pol'skix krest'yanax, francuzskix me'rax, rumynskix soldatax i norvezhskix ministrax – vse'x tex, kto pomimo nemeckix nacistov prinyal uchastie v Xolokoste. Po podschyotam istorikov, bol'she 200 tysyach chelovek, ne imevshix otnosheniya k nemcam, uchastvovali v massovyx ubijstvax vo vremya Vtoroj mirovoj vojny v Evrope» // Semyon Kac: Nobel' dlya Gitlera. O Nobelevskom laureate Gamsune // <http://www.stihi.ru/diary/simonkats/2012-04-15>.

15. Xaje'm, Charl'z. Torgovlya s vragom // http://militera.lib.ru/research/highham_c/index.html.

16. Shishkin I. Fal'sifikaciya istorii i interesy rossijskoj e'lity // <http://regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTpq>.

UDC 327

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND POLITICS OF HISTORICAL MEMORY. PART II

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Institute of Finance and Law,
Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The most typical myths of neo-liberal historiography of the World War II on the equal responsibility of Nazi Germany and the USSR for the outbreak of the war, the «conspiracy» of Hitler and Stalin over the division of democratic Europe. These myths are intended to justify the pre-war policy of the West, and now the second cause of moral and political defeat of Russia after the destruction of the Soviet Union in order to ensure the unconditional domination of transnational capital.

Key words:

The Second World War, the Soviet Union, Russia, Western Europe, totalitarianism, politics of historical memory, falsification of modern history, the Soviet victory in the Great Patriotic War.

УДК 323

«В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ»: ДИСКУРС ТЕСНОТЫ И ПРОТЕСТНЫЕ ПРАКТИКИ (зарисовки русской культуры)

Скиперских Александр Владимирович,

Научно-исследовательский университет,
Высшая школа экономики,
доктор политических наук,
профессор,
Пермь, Россия,
E-mail: avskiperskikh@hse.ru

Аннотация

В рамках данной работы нас интересует вопрос производства протестной культуры в специфических пространствах, где актуализирует своё творчество человек протеста. На ряде сюжетов, относящихся к русской культуре, мы постараемся показать, как протестное поведение выступает следствием физической тесноты пространства, либо, наоборот, содержит в себе стремление к уединению и рационализации. Тесные пространства в культуре, с одной стороны, привлекают человека, чувствуящего их тёплую энергию, но, с другой стороны, наоборот, выталкивают человека из них, высвобождая его. С точки зрения автора, русская культура, отчасти, может быть определена как культура, производимая в условиях тесноты – всевозможных регламентаций, ограничений, дефицита. Автор пытается определить, как дискурс тесноты оказывает влияние на продукты русской культуры.

Ключевые слова:

бунтующий человек, власть, дискурс, культура, протест.

Поведение человека предопределяется культурным контекстом, в рамках которого человек производит собственный культурный продукт. В полной мере это связано и с отношениями власти. Ни одна культура не исключает необходимость сопротивления самой власти, определённым образом располагая человека к протестным действиям. Как когда-то отмечал М. Фуко, «никакая власть не способна сделать восстание полностью невозможным» [18, с. 16].

В данной статье нас интересует пространство, в котором функционирует сопротивление, вырабатывая актуальный протестный текст. Ряд сюжетов, используемых автором, определённо свидетельствует о неких пространственных закономерностях производства протестного действия. К числу их автор может отнести тесноту, выступающую физической спецификацией конкретного пространства.

Казалось бы, физические характеристики пространства в России не должны

актуализировать вопрос о стеснённости и зажатости человека. Наоборот, простор должен освобождать и предоставлять дополнительные возможности для творчества, для реализации смелых планов. Но именно в этом и отмечается некая парадоксальность. Широта и простор в контексте русской культуры почему-то не актуализируют в человеке страсти к обретению публичности. Наоборот, простор предполагает сосредоточение в себе, группирование в максимально компактном пространстве. Стремление к тесному и тёплому месту заключает в себе некое преодоление специфического предначертания русской культуры, её физической широты и просторности, убегающего горизонта, стояния на сильном ветру. В 1903 г. К. Победоносцев признается Д. Мережковскому: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» [5, с. 16].

Сам факт производства протеста вне официальной культуры и на максимальной дистанции от публичных пространств изначально задаёт «тесные» координаты хронотопам протеста. В русской культуре, как правило, это может быть комната, переулок, лестница, лестница, чёрный ход. В подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народовольцы. Через подъезды можно убежать от преследования. Преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащает их дыхание. Теснота данных хронотопов оказывается спасительной для человека протеста, потому как позволяет ему сохранять свою анонимность. Как отмечает норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [12, с. 55]. Вспомним, как умело использует проходные дворы и подъезды Санкт-Петербурга герой С. Бодрова в фильме «Брат».

Обращение к ряду текстов русской культуры показывает выстроенную зависимость тесноты пространства и положения самого человека, оказывающего достаточно подчинённым, что и вызывает в нём скрытное

и бережливое существование. Данная зависимость не может не проецироваться и на саму культуру, приобретающую «крепостной» характер. На наш взгляд, это обстоятельство объясняет те или иные поведенческие выборы, происходящие в самой культуре. Именно с этим обстоятельством и может быть связано отсутствие возможности возразить и публично противопоставить себя – системе. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью и экономностью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Бунтаря выдворяют на периферию, в азиатскую степь, лишая его возможности присутствовать в крупных городах, дабы не распространять крамольный вирус в сознание своих последователей и широких масс. Случай О. Мандельштама с его ссылкой в 1934 г. в Чердынь и Воронеж, здесь, является более чем показательным. Санкции системы необратимы, и страх их способствует воцарению ледяного молчания. Культура начинает молчать, не комментировать, соглашаться и одобрять. Возможно, именно это и имел в виду и английский политический философ И. Берлин, когда определял русскую культуру, как «молчащую» в целом [3]. Конечно, к молчащей культуре могли быть отнесены и довольно крупные и сильные фигуры, но соглашательская позиция в отношении власти на фоне раздавленных и распятых репрессивной машиной видных деятелей культуры и науки, моментально снижает их гуманитарное и миротворческое значение.

Само существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [6, с. 106]. В этом смысле показательна одна из акций российского художника-акциониста Петра Павленского, зашившего себе рот, тем самым, символизировавшего отсутствие свободы слова в современной России.

Случай России показывает, что человек оказывается в состоянии выбора либо продолжения сопротивления, либо заключения контракта с системой, превращения самого

себя в её соглядатая и исполнителя. Проблема в отсутствии компромиссных вариантов. Отсутствие большого количества «средних людей», о которых М. Пришвин напишет как о проблеме России, заставляет субъекта выбирать индивидуальный бунт в качестве наиболее вероятной жизненной траектории: «Вся беда России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек – это существо, прежде всего удовлетворённое всей жизнью, и там, где концы её с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться богу, начальству или закону» [14, с. 47].

Вместе с этим, «средние люди» как раз и отличаются повышенным чувством бережливости и осторожности, что как раз и заставляет их чересчур бдительно охранять свою культурную тесноту. Поэтому, если необходимость сопротивления будет периодически волновать их ум, то оно будет приобретать какие-то невероятно завуалированные формы, тяготеет к бытовому и производственному дискурсу. Но даже «среднему человеку» может быть периодически известно чувство разочарования своей жизнью, спрятанной от жизни окружающей. Показательна мысль А. Чехова, высказанная им в «Крыжовнике»: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился». Как мы видим, периодически и «средний человек» в русской культуре может довольно трезво оценивать риски спокойного бережливого существования.

Сопротивление в русской культуре (имперской, тоталитарной, в целом, репрессивной) изначально обречено на некую компактность, на тесноту, человек протеста должен скрывать свои намерения, опасаясь разоблачения. Но, вместе с этим, он мечтает и о лучшей доле. Грёзы о лучшей жизни посещают

бунтующего человека в момент присутствия в пространстве, требующем незамедлительного улучшения.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», – так описывает лестницу, по которой поднимается и спускается герой «Гранатового браслета» А. Куприна – чиновник контрольной палаты Желтков.

Вообще, хронотоп лестницы очень часто фигурирует в качестве пространства, в котором отмечает себя человек протеста в русской культуре. Исследователь текста «Преступления и наказания» С. Белов подсчитал, что Раскольников взбирается и спускается с лестницы 48 раз. Это подъёмы и спуски из своей чердачной комнаты на улицу, к Мармеладову, к квартире старой процентщицы, до полицейской конторы, до комнаты Сони [2].

Лестница – полноценное жизненное пространство. Достаточно вспомнить, как у О. Мандельштама: «Я на лестнице чёрной живу».

Каждый шаг человека протеста является своего рода испытанием – провокацией. Он практически не стоит на месте, вынужденный находится в постоянном динамическом поиске. Его психологическое равновесие, кажется, и заключается в постоянном движении «вверх» и «вниз», предваряемом долгим раздумьем, либо электрическим, внезапным устремлением.

Лестница представляется порогом, на котором принимается решение. Перед субъектом открывается несколько перспектив, связанных с выбором собственного движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [1, с. 397].

Порог ещё и черта, разделяющая два мира – два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, равно, как и освещённость дома при откры-

тии двери вступает в конфликт с темнотой за пределами жилья.

Лестничный порог предваряет ещё и выход из светлого пространства в тёмное, и наоборот. «Узкая лестница ведёт в светлое помещение», – так обобщает И. Берлин свои впечатления от посещения Фонтанного дома, где ему придётся провести полную впечатлений и переживаний ночь в беседе с А. Ахматовой.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из предопределённости, из сдавленности бытием. Протестующий против предначертанности бытия, против статичного положения, бунтующий человек притязает на свободу.

Казалось бы, бунтующий человек некоторое время терпел сложившееся положение и только в последний момент решился отказаться от сдавливающей его невыносимости бытия. Именно об этом напишет А. Камю в «Бунтующем человеке»: «Нередко бывало так, что он безропотно выполнял распоряжения куда более возмутительные, чем то последнее, которое вызвало бунт. Раб терпеливо принимал эти распоряжения; в глубине души он, возможно, отвергал их, но, раз он молчал, значит, он жил своими повседневными заботами, еще не осознавая своих прав. Потеряв терпение, он теперь начинает нетерпеливо отвергать все, с чем мирился раньше» [9, с. 124].

По поводу этого момента достаточно примечательно вопрошание французского философа А. Глюксмана: «какой гарантией обладает хозяин, что раб при первом же случае не сбежит или не взбунтуется?» [7, с. 96].

Феноменология отношений власти и сопротивления достаточно красноречиво выражается в различных детализациях власти/подчинения. Власть и сопротивление всегда следуют друг за другом, притязая друг на друга, причём, претензия и одной стороны, и другой стороны, зачастую, раскрывается в необходимости обладания большим пространством для манёвра. Сложность взаимодействия между властью и её ропотливым визави от-

чётливо представляется в постоянной борьбе за независимую позицию. В этом смысле, положение подчинённого всегда предполагает преодоление тесноты, превозмогание сжатого, стеснённого состояния.

В политическом дискурсе современной России становится популярной метафора «вставания с колен», связывающаяся с самостоятельной политикой России на международной арене, и преодолением национальных унижений 1990-х гг. Вместе с тем, метафора «вставания с колен» по умолчанию признаёт подчинённое положение человека, предшествовавшее периоду вставания. Действительно, в позе стояния на коленях закодирована мольба и пощаде и величайшая милость в отношении того, волею которого над головой стоящего на коленях заносится карающий меч. Переход в позицию «стояния», по справедливому замечанию австрийского философа Э. Канетти, означает, что человек «горд тем, что свободен и не нуждается в опоре» [10].

В этом смысле, история русской культуры может быть историей борьбы за позицию, предполагающую более комфортные условия собственной объективации.

В русской культуре имеется достаточно сюжетов, чтобы оценить всю скромность бытовых условий человека, склонного к производству протестной культуры. Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только для времени хрущёвской оттепели, продолжаясь во времени брежневского застоя. Кухня является особым пространством и в коммунальной квартире, где пересекаются интересы жильцов, и, стало быть, поэтому, в ней так часто конфликтуют люди. Предметы спора варьируются от каких-то абстрактных вопросов и тем – до бытовых, вполне конкретизированных проблем. Кухня являлась неким альтернативным пространством для протестных объективаций.

Советская кухня не отличалась внушительными размерами, но это давало ей другое преимущество. Люди проникались особой чувствительностью друг к другу. В моменты тревоги и перед долгим расставанием люди притягиваются друг к другу. Данное состояние довольно чётко схватывается в русской поговорке: «В тесноте, да не в обиде». Теснота не важна, наоборот, важно, какой климат формируется между людьми, насколько доверительны отношения между ними.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Теснота будет характерна не только для кухни. Тесное пространство с трудом вмещает в себя гостей. Гостеприимство – характерная черта русской культуры, проецирующаяся на повседневные практики.

Однажды В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым – то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро» [16].

Важность прихожей как отправной точки диалога в русской культуре отмечает и А. Ремизов, как бы вторящий В. Розанову: «по русскому обычаю самые разговоры начинаются в прихожей. Под калошами» [15].

Образ тесноты жизненного пространства уже советского человека поразительно точно будет схвачен А. Родченко в фотографии «Прихожая», на которой нам предстают массивные, угловатые пальто и плащи на вешалке, фактически заполняющие весь коридор прихожей.

Циркулирование культуры в тесноте становится необходимой данностью, и даже копируется, ориентируясь на бывшие примеры. Наверняка, русская поэтесса И. Одоевцева, устраивая в Париже свои «междусобойчики», могла вспоминать поэтические вечера у Мережковских, проходившие в условиях

невероятной тесноты пространства, когда за чаем вокруг стола сидящие гости образовывали два кольца. Отсюда, и признания самой И. Одоевцевой в том, что в её «крошечной комнате за столом сидело по 18 человек, и никто не жаловался на тесноту» [13, с. 317].

Так уже выходит, что человек в русской культуре зачастую предрасположен к бытию в маленьких комнатках. Но является ли это основанием для артикуляции протестных действий? В каком-то смысле, да.

Вспомним, в каких стеснённых и оскорбительных для человека условиях жил Раскольников у Ф. Достоевского. Его место жительства больше напоминало шкаф, но только не квартиру. Отсутствие полноценной мебели, подчёркивающее невозможность принимать гостей, усиливает невыносимость бытия. Гости Родиона Романовича обычно не вмещались в его каморку полностью – кому-то приходится постоянно вести диалог, стоя в дверях. Ф. Достоевский неслучайно подчёркивает тесноту бытия своего героя.

Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих в стоимости аренды, комнат, само пространство которых обладает такой же угловатостью и странностью. Теснота в текстах Ф. Достоевского – это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; его спальня, на кровати которой лежит труп Настасьи Филипповны; каморка Ипполита; дача Лебедева» [11, с. 85].

Чиновник контрольной палаты Желтков – влюблённый герой «Гранатового браслета» А. Куприна живёт также в удивительно стеснённых условиях: Его «комната была очень низка, но очень широка и длинна, почти квадратной формы. Два круглых окна, совсем похожих на парходные иллюминаторы, еле-еле ее освещали. Да и вся она была похожа на кают-компанию грузового парохода. Вдоль одной стены стояла узенькая кровать,

вдоль другой очень большой и широкий диван, покрытый истрепанным прекрасным текинским ковром, посередине – стол, накрытый цветной малороссийской скатертью». В подобном интерьере живёт любящая, страдающая натура, поэтому со временем, жизнь в подобных условиях становится невыносимой.

Как правило, в довольно стеснённых условиях живут и прогрессивные студенты. Вспомним, как герой «Подвига» В. Набокова – Мартын, биографический опыт которого очень напоминает опыт самого автора, греется в своей холодной студенческой комнате у камина, проглатывающего номера газеты «Таймс». Газета вылетает в каминную трубу, рассыпаясь в туманном городе блестящими искрами и обращая внимание полисмена. Эмигрантская судьба В. Набокова вряд ли может не вписывать в себя практики сопротивления новой власти, и отсутствия стремления выстраивать с ней какой-либо диалог.

Бунтующему человеку часто приходится менять место жительства. В этом случае, все варианты жилья оказываются адекватны друг другу, но это ни в коем случае не обнуляет протестный потенциал самого субъекта.

Воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г. – Н. Штемпель вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта, где ему пришлось некоторое время жить со своей женой: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дермантином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [8, с. 58]. Необходимо отметить, что повседневная жизнь человека, продуцирующего протестную культуру, не предполагает окружения какими-то дорогостоящими предметами материального мира. Причём, начиная от самого места жительства, и заканчивая интерьерными

особенностями. Печально выглядит дом, который снимали Мандельштамы для дачного лета в г. Задонске в 80 километрах от Воронежа (теперь Липецкая область). Покосившийся дом с маленькой верандой, который вряд ли заинтересовал бы не то, чтобы состоятельных арендаторов, но и даже самых обыкновенных советских тружеников.

Подобная лаконичность и компактность бытия транслируется и на другие культурные продукты. Экономность бытия бунтаря чувствуется и применительно к современной России. Вспомним, на каких съёмных квартирах живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в популярном фильме «Брат». Бытие человека, склонного к протестным объективациям лаконично и сдержанно, да и запросы у него изначально не являются чересчур завышенными.

Теснота имеет и температурное изменение. Получается так, что чем теснее, тем теплее. В тесноте скрывается особый мир – частный и экономный, противопоставляемый холоду публичного пространства, связывающемуся с непониманием и отчуждённостью. Теплота в помещении является производным определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта.

Как однажды отметил М. Пришвин в своих «Дневниках»: «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [14, с. 124].

Вроде бы, в подобной обстановке должны жить достаточно добрые и кроткие люди. Натопленная печь, сладкий дымок, самовар, теплота и теснота, казалось бы, должны намекать на удивительную благость жизни, её уютную компактность, что следует проеци-

ровать и на самих обитателей подобных жилищ. Подобная обстановка должна выдавать в людях особое усердие, стремление к труду и преобразованию пространства для благочестивой, экономной жизни. Русская культура разворачивает нами некий парадоксальный опыт протестных объективаций. В самом характере русского человека скрывается парадоксальность, являющаяся тайной бунта, его таинственных истоков. Возможно, именно в этой обстановке и происходит обдумывание зловещих планов. Удивительная лёгкость, с которой он отказывается от определённой картины мира в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [12, с. 45]. Именно это, в дальнейшем, и способствует частым переходам от тёплого – к холодному в отношениях между людьми.

По этому поводу вспомним искреннее недоумение Л. Толстого в «Воскресении», как «самые кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страданий живых существ, спокойно готовились к убийствам людей, и все почти признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижение высшей цели общего блага, законным и справедливым» [17, с. 386].

Показательно, что теснота в русской культуре, может выступать характеристикой не только приватного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда рабская зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо [19, с. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся

перед молчаливыми исполнителями господской воли, как правило, отличается теснотой.

Можно представить, как могло быть невыносимо нахождение в производственном пространстве работникам блоковской фабрики, образ которой схвачен им в одноимённом стихотворении «Фабрика»:

В соседнем доме окна жёлты
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты.

Труд в русской культуре – очень методичен и самозабвенен. Это невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанное А. Блоком, это упрямое вкапывание в землю, её методическая разработка, имеющая цель производство котлована, как в одноимённом романе А. Платонова. Человек в России изначально отмечен необходимостью труда, несмотря на существование в русской фольклорной традиции героев-антиподов, прожигающих жизнь до поры до времени. О необходимости труда убедительно высказался М. Пришвин: «Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут» [14, с. 58].

Если рабочий класс (масса) занят трудоёмким процессом преобразования, то и интеллигалы создают свой вклад в это преобразование. А. Блок в «Стихии и культуре» заметит, что «цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство с пеной у рта, с падениями. Один сорвался – лезет другой, другой сорвался – лезет третий. И муравейник растёт. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен аэропланами» [4, с. 356–357].

А. Блок противопоставляет людям науки и других людей – созерцателей и мистиков, бунт которых пульсирует внутри ровными, глубокими толчками. Теснота муравейника

приобретает как бы мистический, религиозный смысл, философское оправдание.

Человеку в русской культуре может казаться, что таком неустанном, бесконечном ходе и движении есть смысл, что необходимо переработать как можно больше породы, чтобы оставить задел будущим поколениям. Все инфраструктурные проекты (каналы, железные дороги и т. д.), связанные укрощением природы, в русской культуре грандиозны по своему характеру. Необходимо учитывать и тот факт, что их исполнителями могли являться обычные люди, заряженные какой-либо идеей о «котловане».

Как раз именно здесь содержится ещё одно отличие культурного контекста бунта. Если в западной традиции, восходящей к деятельности героев мифов, бунтующий человек притязает на природу в одиночку, намереваясь подарить результаты своих преобразований людям, то в русской культурной традиции, наоборот, человека *бросают* на природу. Тем самым, человек исполняет чью-то волю. Субъектом запроса на преобразование является не человек, а государственная машина. Природу укрощают с помощью обычного человека, продвигающегося вглубь природы по пояс в воде и ночуя на земляном полу. Большое количество отданных за это человеческих жизней не является чем-то обращающим на себя внимание, потому как власть понимает, что труд всегда репродуктивен в тоталитарной системе. Ценность человеческой жизни в России остаётся по-прежнему достаточно низкой. Большое количество отданных жизней за какой-то громкий проект попросту не вызывает эмоциональной реакции.

В данном смысле следует особо обратить внимание на культурный ландшафт, в котором формируется индивид. Следуя мысли М. Фуко, жизнь индивида с момента рождения «схватывается» властью, сопровождающей и контролирующей его на уровне его включения в различные социальные институты, что в конечном итоге и создаёт особую тесноту и невыносимость бытия. Несмотря

на тот факт, что жизнь человека распадается на хронотопы – места, где он расходует своё время, приобретая социальные и культурные навыки, способность коммуникации и переживания повседневности, каждый хронотоп отмечается властью. Её хватка не ослабевает даже в приватном пространстве, редуцируя ощущения сдавленности и тесноты. В то же время, при всех культурных ограничениях, человек преодолевает тесноту некоей возвышенностью мысли, творческим актом, ощущением близости с другим. В данном смысле, поговорка «В тесноте, да не в обиде» оказывается некоей оптимальной культурной рамкой, схватывающей важную проблему позиционирования человека в русской культуре.

Культура как бы дисциплинирует индивида, заставляя играть по правилам, сформулированным властью. Именно теснота ограничивает выборы индивида, рано или поздно актуализируя перед ним вопрос либо о продолжении зависимого существования, либо о преодолении сложившейся данности.

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.

2. Белов С. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий» – Л.: Просвещение, 1979. – 240 с.

3. Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.

4. Блок А.А. Собрания сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. – М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – Т. 5. – Проза: 1903–1917 / Подгот. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. – 799 с.

5. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Живые лица. Воспоминания [Текст] / З. Гиппиус. – Тбилиси: Мериани, 1991. Т. 1. – 398 с.

6. Гиппиус З. Петербургский дневник. – М.: Советский писатель, 1991. – 127 с.

7. Глюксман А. Достоевский на Манхэттене. – Екатеринбург: У – Фактория, 2006. – 224 с.

8. Гордин В.Л. Мандельштамовский Воронеж. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 53–60.

9. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. (Пер. с фр.) – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

10. Канетти Э. Масса и власть. // <http://gtmarket.ru/>

laboratory/basis/5454/5464 (дата обращения: 24.12.2014).

11. Никольский С.А. Достоевский и явление «подпольного человека». // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 77–88.

12. Нильсен Ф.С. Глаз бури / Пер. с норв. яз. А. Ливановой и Е. Прохоровой. – СПб.: Алетейя, 2004. – 348 с.

13. Одоевцева И. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 333.

14. Пришвин М.М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. Дневники, 1905–1954. – М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.

15. Ремизов А. Кукха. Розановы письма. – СПб.: Наука, 2011. – 609 с.

16. Розанов В. Уединённое. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (дата обращения: 24.11.2014).

17. Толстой Л. Воскресение. – М.: Современник, 1977. – 461 с.

18. Фуко М. Восставить бесполезно? // Неприкосновенный запас. – № 5 (79). – С. 16–20.

19. Kolchin P. American Slavery. 1619–1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.

15. Remizov A. Kukha. Rozanovy pis'ma. – SPb.: Nauka, 2011. – 609 s.

16. Rozanov V. Uedinyonnoe. // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> (дата обращения: 24.11.2014).

17. Tolstoj L. Voskresenie. – M.: Sovremennik, 1977. – 461 s.

18. Fuko M. Vosstavat' bespolezno? // Neprikosnovennyj zapas. – № 5 (79). – S. 16–20.

19. Kolchin P. American Slavery. 1619–1877. – New York: Hill and Wang, 2003. – 328 p.

1. Baxtin M. Voprosy literatury i e'stetiki. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.

2. Belov S. Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie»: Kommentarij – L.: Prosveshhenie, 1979. – 240 s.

3. Berlin I. Istoriya svobody. Rossiya. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. – 544 s.

4. Blok A.A. Sobranij sochinenij: V 8 t. / Pod obshh. red. V.N. Orlova, A.A. Surkova, K.I. Chukovskogo. – M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1962. – T. 5. – Proza: 1903–1917 / Podgot. teksta i prim. D.E. Maksimova i G.A. Shabel'skoj. – 799 s.

5. Gippius Z. Dmitrij Merezhkovskij // Zhivye lica. Vospominaniya [Tekst] / Z. Gippius. – Tbilisi: Merani, 1991. T. 1. – 398 s.

6. Gippius Z. Peterburgskij dnevnik. – M.: Sovetskij pisatel', 1991. – 127 s.

7. Glyuksman A. Dostoevskij na Manxe'ttene. – Ekaterinburg: U – Faktoriya, 2006. – 224 s.

8. Gordin V.L. Mandel'shtamovskij Voronezh. // Zhizn' i tvorcestvo O.E'. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stixi». Kommentarii. Issledovaniya. – Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. – S. 53–60.

9. Kamyu A. Buntuyushhij chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo. (Per. s fr.) – M.: Politizdat, 1990. – 415 s.

10. Kanetti E'. Massa i vlast'. // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464> (дата обращения: 24.12.2014).

11. Nikol'skij S.A. Dostoevskij i yavlenie «podpol'nogo cheloveka». // Voprosy filosofii. – 2011. – № 12. – S. 77–88.

12. Nil'sen F.S. Glaz buri / Per. s norv. yaz. A. Livanovoj i E. Proxorovoj. – SPb.: Aletejya, 2004. – 348 s.

13. Odoevceva I. Na beregax Seny. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1989. – S. 333.

14. Prishvin M.M. Sobranie sochinenij v vos'mi tomax. T. 8. Dnevnik, 1905–1954. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 759 s.

UDC 323

«THERE IS ALWAYS ROOM FOR ONE MORE»: DISCOURSE OF NARROWNESS AND PROTEST PRACTICES (Sketches of Russian Culture)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich,

National Research University,
Higher School of Economics,
Doctor of Political Science,
Professor of Humanities Department,
Perm, Russia,
E-mail: avskiperskikh@hse.ru

Annotation

In this work we are interested in the production of the protest culture in specific areas where data are updated by the creativity people protest.

On a number of subjects related to Russian culture, author shows how the protest behavior serves a consequence of the physical closeness of the space, or, on the contrary, contains a desire for solitude and rationalization. Cramped space in the culture, on the one hand, involve a person who feels warm their energy, but, on the other hand, conversely, are pushed human releasing it.

From the point of view of the author, Russian culture, in part, can be defined as the culture produced in crowded conditions - all kinds of regulations, restrictions deficit. The author tries to determine how the discourse tightness affects the products of Russian culture.

Key words:

rebel, power, discourse, culture, protest.

УДК 323

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ: КАК ВЫПОЛНЯЕТСЯ ФУНКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Дьякова Елена Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается, каким образом общественные советы как институты гражданского общества выполняют функцию общественного контроля на федеральном и на региональном уровне. Ввиду рамочного характера федерального закона № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» он не урегулирует исчерпывающим образом всех отношений, связанных с осуществлением общественного контроля, что дает широкие возможности региональным законодателям. На федеральном уровне, в соответствии с базовым «Стандартом деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение)» 2015 года, основными направлениями деятельности общественных советов по общественному контролю являются экспертиза значимых нормативно-правовых актов, участие в мониторинге качества оказания государственных услуг, антикоррупционная работа и участие в работе аттестационных и конкурсных комиссий. Как показал Мониторинг формирования и эффективности деятельности общественных советов при органах исполнительной власти субъектов федерации Уральского федерального округа, проведенный в I квартале 2016 года, на региональном уровне в Положениях об общественных советах в качестве направлений деятельности чаще всего указываются обеспечение взаимодействия с гражданским обществом, экспертиза нормативно-правовых актов, информирование граждан о деятельности органов власти, при которых создан общественный совет, и поддержка гражданских инициатив. Единые подходы к определению основных направлений деятельности общественных советов на региональном уровне только формируются.

Ключевые слова:

общественные советы, общественный контроль, органы исполнительной власти.

В самом общем плане контроль в системах социального управления – это вид деятельности, в процессе которой субъекты власти получают информацию о фактическом

положении дел, о выполнении решений [10, с. 20]. Контроль может быть как государственным, когда вышестоящие органы власти проверяют и оценивают работу нижестоящих,

так и общественным, когда такая проверка и оценка осуществляется институтами гражданского общества.

Общественный контроль отличается от государственного своим функциональным назначением, формами осуществления и социально-правовой природой. В литературе выделяются следующие основные характеристики общественного контроля: он не обладает властно-правовым характером, не является строго обязательным, его субъектами не могут являться органы государственной власти и органы местного самоуправления, и он осуществляется от имени общественности и граждан [5]. С.М. Зубарев определяет общественный контроль как системную деятельность уполномоченных институтов гражданского общества по установлению соответствия функционирования государственных органов нормативно-правовым стандартам и корректирование выявленных отклонений [7]. Достаточно близкие определения дают Н.Н. Кулешова [8] и О.С. Забралова [6].

Институциональная база для развития системы общественного контроля задана принятым в 2014 году федеральным законом № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [2]. В законе впервые были определены цели, задачи, принципы и формы общественного контроля. До этого на федеральном уровне существовали только правовые нормы, регулирующие отдельные формы общественного контроля (такие, например, как общественная экологическая экспертиза), однако специальных законов о формах и институтах общественного контроля, в том числе об общественных советах, не было.

Согласно закону, под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответ-

ствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [2, ч. 1 ст. 4]. Основными субъектами общественного контроля являются общественные палаты и общественные советы всех уровней [2, ч. 1 ст. 9], но законодатель предусмотрел и возможность иных организационных структур общественного контроля [2, ч. 2 ст. 9].

В то же время, ввиду рамочного характера, многие положения федерального закона об общественном контроле являются недостаточно конкретизированными, и нуждаются в развитии в соответствующих подзаконных актах. Это касается формирования и деятельности конкретных субъектов общественного контроля. В настоящее время федеральным законом регулируется только деятельность такого специфического субъекта, как общественные наблюдательные комиссии [1]. Что касается общественных советов, то на федеральном уровне механизмы их формирования и деятельности определяются «Стандартом деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение)» (далее – Стандарт) [3], утвержденным Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства, что, конечно, представляет собой подзаконный акт достаточно невысокого уровня. Фактически «Стандарт» носит рекомендательный характер. Однако, несмотря на это, в 2015–2016 гг. он активно использовался при «переформировании» общественных советов в целом ряде федеральных органов исполнительной власти.

Общественные советы определяются в Стандарте как постоянно действующие совещательно-консультативные органы общественного контроля, которые призваны (ст. 2.2.):

1. рассматривать проекты общественно значимых нормативных правовых актов

и иных документов, разрабатываемых федеральным органом исполнительной власти;

2. участвовать в мониторинге качества оказания государственных услуг федеральным органом исполнительной власти;

3. участвовать в антикоррупционной работе, оценке эффективности государственных закупок и кадровой работе федерального органа исполнительной власти;

4. принимать участие в работе аттестационных комиссий и конкурсных комиссий по замещению должностей.

В какой мере нормы, заданные федеральным законом № 212-ФЗ и Стандартом деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, реализуются на региональном уровне? Следует учесть, что ввиду рамочного характера федерального закона он не урегулирует исчерпывающим образом всех отношений, связанных с осуществлением общественного контроля, что дает широкие возможности региональным законодателям. Мы не согласны с мнением, что региональные законы, принятые в развитие федеральных, недалеко отклоняются от них и по большей части их копируют [9]. Наоборот, можно говорить о весьма активной работе региональных законодателей по конкретизации отношений общественного контроля. Например, как показали Е.В. Герасимова и И.Л. Ландау, проекты законов об общественном контроле, разработанные в Московской и Ленинградской областях, предполагают определение общественного контроля как контроля за соответствием деятельности власти общественным интересам и включают более широкий спектр форм контроля (включая такие формы, как опрос общественного мнения и публичный отчет руководителя органа власти) [4].

О большом разнообразии подходов свидетельствует и проведенный нами в рамках Мониторинга формирования и эффективности деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти (далее – РОИВ) в субъектах федерации,

входящих в состав Уральского федерального округа (завершился 1 апреля 2016 г.) анализ 4 Типовых положений и 156 конкретных положений об общественных советах при региональных органах власти Уральского федерального округа.

Так, в положениях об общественных советах при РОИВ Свердловской области подчеркивалась в первую очередь необходимость информирования граждан о деятельности органов власти. В положениях об общественных советах при РОИВ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры чаще всего указывалось, что общественные советы призваны осуществлять экспертизу нормативно-правовых актов и участвовать в антикоррупционной работе (ХМАО-Югра – единственный субъект федерации, где данное направление деятельности вошло в число лидеров). В положениях об общественных советах при РОИВ Челябинской области самым упоминаемым было такое направление деятельности, как выдвижение, обсуждение и поддержка гражданских инициатив. Особое внимание в деятельности общественных советов ЯНАО уделялось повышению прозрачности и открытости в деятельности органов власти, что резко отличало Ямал от остальных субъектов федерации Уральского федерального округа.

Какие направления деятельности чаще всего указывались в положениях об общественных советах при региональных органах исполнительной власти – см. таблицу 1.

Примечание 1: Сумма по столбцу превышает 100%, так как в каждом положении присутствует несколько направлений деятельности общественных советов.

Примечание 2: Косым курсивом выделены направления, указанные в федеральном Стандарте деятельности общественного совета 2015 года.

Как видим, основной акцент в положениях делался на:

– обеспечении и оптимизации взаимодействия с гражданским обществом, обще-

Таблица 1 – Направления деятельности общественных советов при региональных органах исполнительной власти Уральского федерального округа (на 1 апреля 2016 года).

Направления деятельности	Количество упоминаний в положениях об общественных советах	Доля от общего количества положений об общественных советах в% ¹
Обеспечение и оптимизация взаимодействия с гражданским обществом, общественными объединениями/гражданами	104	66,6
Рассмотрение проектов общественно значимых нормативных правовых актов, разрабатываемых региональным органом исполнительной власти	81	51,9
Информирование граждан о деятельности РОИВ	71	45,5
Повышение эффективности и качества деятельности РОИВ	57	36,5
Выдвижение, обсуждение, обобщение и поддержка гражданских инициатив	49	31,4
Повышение открытости и прозрачности деятельности РОИВ, формирование «Открытого правительства»	34	21,7
Участие в антикоррупционной работе	31	19,9
Мониторинг качества государственных услуг (независимая оценка качества и контроль качества услуг)	31	19,9
Общественный контроль	29	18,5
Изучение, анализ и учет общественного мнения	24	15,4
Обсуждение ключевых социально-значимых вопросов по профилю совета	22	14,1
Участие в работе аттестационных и конкурсных комиссий по замещению должностей	21	13,5
Защита прав граждан	10	6,4
Сбор и анализ информации о деятельности РОИВ	5	3,3
Обмен опытом и его популяризация	3	1,9
Работа с обращениями граждан	1	0,6

¹ Общее количество Положений совпадает с количеством общественных советов при РОИВ – 156.

ственными объединениями/гражданами (такие пункты имеются в положениях 66,6% общественных советов);

– экспертизе общественно-значимых нормативно-правовых актов (51,9%);

– информировании граждан о деятельности органов власти, при которых создан общественный совет (45,5%);

– выдвижении, обсуждении, обобщении и поддержке гражданских инициатив (31,4%);

– повышении открытости и прозрачности деятельности РОИВ (21,7%).

Что касается основных направлений деятельности общественных советов, указанных в федеральном стандарте, то рассмотрение проектов общественно значимых нормативных правовых актов, разрабатываемых региональным органом исполнительной власти, упоминается в 51,9% положений. Участие в мониторинге качества оказания государственных услуг региональным органом исполнительной власти включили в свои положения 19,9% общественных советов. Участие в антикоррупционной работе присутствует в положениях такого же

количества (19,9%) общественных советов. Участие в работе аттестационных комиссий и конкурсных комиссий по замещению должностей рассматривается в качестве обязательной функции общественного совета в 13,5% положений.

Таким образом, пока единые подходы к определению основных направлений деятельности общественных советов в Уральском федеральном округе отсутствовали. Каждый субъект федерации формировал собственные предпочтения. При этом федеральные тренды, связанные с акцентом на экспертизу нормативно-правовых актов, мониторинг качества государственных услуг, участие в антикоррупционной работе и работе аттестационных и конкурсных комиссий на региональном уровне учитывались далеко не в полной мере.

1. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2008. – 10 июня – URL: <http://rg.ru/2008/06/18/prava-cheloveka-dok.html> (дата обращения: 15.06.2016).

2. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2014. – 22 июля – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010> (дата обращения: 15.06.2016).

3. Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти (Типовое положение) (утв. Протоколом № 3 заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 года), ст. 1, п. 1.3. [Электронный ресурс] // URL: <http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert/> (дата обращения: 15.06.2016).

4. Герасимова Е.В., Ландау И.Л. Правовое регулирование общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. Вып. 9. С. 5–16.

5. Грив В.В. Общественная палата Российской Федерации как орган общественного контроля // Юридический мир. 2010. № 3. С. 32–39.

6. Забралова О.С. Развитие общественного контроля в сфере деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... к.ю.н. М.,

2012. 26 с.

7. Зубарев С.М. Понятие и сущность общественно-го контроля за деятельностью государственных органов // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 7–13.

8. Кулешова Н.Н. О современном состоянии общественного контроля в России // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 21–24.

9. Михеев Д.С., Михеева Т.Н. Правовой вектор в развитии общественного контроля // Юридический мир. М.: Юрист, 2014, № 9 (213). С. 16–19.

10. Носов С.И. Административная реформа в России: нужны новые импульсы // Социология власти. 2007. № 2. С. 15–26.

1. Federal'nyj zakon ot 10 iyunya 2008 g. № 76-FZ «Ob obshhestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestax prinuditel'nogo soderzhaniya i o sodejstvii licam, nahodyashhimsya v mestax prinuditel'nogo soderzhaniya» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [E'lektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 2008. – 10 iyunya – URL: <http://rg.ru/2008/06/18/prava-cheloveka-dok.html> (data obrashheniya: 15.06.2016).

2. Federal'nyj zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ «Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii» [E'lektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – 2014. – 22 iyulya – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220010> (data obrashheniya: 15.06.2016).

3. Standart deyatel'nosti obshhestvennyx sovetov pri federal'nyx organax ispolnitel'noj vlasti (Tipovoe polozhenie) (utv. Protokolom № 3 zaochного golosovaniya Pravitel'svennoj komissii po koordinacii deyatel'nosti otkrytogo pravitel'stva ot 24 iyunya 2015 goda), st. 1, p. 1.3. [E'lektronnyj resurs] // URL: <http://mert.tatarstan.ru/file/File/alsu%20mert/> (data obrashheniya: 15.06.2016).

4. Gerasimova E.V., Landau I.L. Pravovoe regulirovanie obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta, 2015. Vyp. 9. S. 5–16.

5. Grib V.V. Obshhestvennaya palata Rossijskoj Federacii kak organ obshhestvennogo kontrolya // Yuridicheskij mir. 2010. № 3. S. 32–39.

6. Zabalova O.S. Razvitie obshhestvennogo kontrolya v sfere deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... k.yu.n. M., 2012. 26 s.

7. Zubarev S.M. Ponyatie i sushhnost' obshhestvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu gosudarstvennyx organov // Administrativnoe pravo i process. 2011. № 5. S. 7–13.

8. Kuleshova N.N. O sovremennom sostoyanii obshhestvennogo kontrolya v Rossii // Yuridicheskaya nauka. 2011. № 2. S. 21–24.

9. Mixeev D.S., Mixeeva T.N. Pravovoj vektor v razvitii obshhestvennogo kontrolya // Yuridicheskij mir. M.: Yurist, 2014, № 9 (213). S. 16–19.

10. Nosov S.I. Administrativnaya reforma v Rossii: nuzhny novye impul'sy // Sociologiya vlasti. 2007. № 2. S. 15–26.

UDC 323

SOCIAL COUNCILS AT ENFORCEMENT AUTHORITIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HOW PUBLIC CONTROL FUNCTION IS CARRIED OUT

Djakova Elena Grigorevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
leading scientific employee,
Doctor of political sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Annotation

In article it is considered, how social councils as institutes of a civil society carry out public control function on federal and at regional level. In view of frame character of the federal law № 212-FZ «About public control bases in the Russian Federation» it will not settle in the exhaustive image of all relations connected with realization of public control that gives ample opportunities to regional legislators. At federal level, according to «the Standard of activity of social councils at federal enforcement authorities (Typical position)» 2015, the basic directions of activity of social councils on public control examination of significant regulatory legal acts, participation in monitoring of quality of rendering of the state services, anticorruption work and participation in work of the attestative and competitive commissions are base. As has shown Monitoring of formation and efficiency of activity of social councils at enforcement authorities of subjects of federation of the Ural federal district, spent in I quarter 2016, at regional level in Positions about social councils as activity directions maintenance of interaction with a civil society, examination of regulatory legal acts, informing of citizens on activity of authorities at which the social council is created, and support of civil initiatives more often are specified. Uniform approaches to definition of the basic directions of activity of social councils at regional level only are formed.

Key words:

social councils, public control, enforcement authorities.

УДК 316.4

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МОБИЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается место и роль «мобильного поворота» в социологии и философии постмодерна, теоретико-методологический инструментарий школы «мобильной социологии», а также развивается феноменологический взгляд на «мобильность» в рамках фундаменталь-онтологического метода Мартина Хайдеггера.

Ключевые слова:

Мобильный поворот, мобильность, постмодерн, феноменологический метод, Фундаменталь-онтология, Мартин Хайдеггер.

Всесторонний анализ развёртывания европейской интеллектуальной мысли в XX в. приводит многих авторитетных исследователей (М. Фуко, Д. Белл, М. Кастельс и др.) к выводу, что с конца 50-ых – начала 60-ых гг. в философии справедливо констатировать некий мировоззренческий сдвиг, что в научном дискурсе принято связывать с переходом от парадигмы Модерна к Постмодерну. Отмеченная трансформация европейского логоса, безусловно, находилась во взаимозависимости со структурными изменениями в области человеческого бытия, что наиболее эксплицитным образом нашло выражение

в процессе глобализации: транснационализации капиталистических систем в мировой экономике, создании открытых, трансграничных политических зон (Евросоюз), медиатизации общественной жизни и конвергенции «индустрии развлечений» с политическими процессами (политические talk-show и пр.).

Поскольку настоящий процесс «размягчения» Модерна и «размытия» традиционных для него установок остаётся открытым по настоящий момент, различные заявления о подведении каких-либо итогов постмодернистских трансформаций едва ли имеют какое-либо неопровержимое обоснование,

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ»

но могут быть сформулированы в виде прогнозов эсхатологического характера. В подобном ключе можно интерпретировать концепцию «Конца истории» [15] и «Великого разрыва» [14] Ф. Фукуямы, «Конца знакомого мира» И. Валлерстайна [4], «Конца философии» [8] и «Конца экономики» [9] А.Г. Дугина. В связи с этим к концу 90-ых – началу 2000-ых гг. сформировалась несколько серьёзных научных школ, целая плеяда отдельных исследователей, которые предприняли попытку парадигмального осмысления смещения философских оснований гуманитарных наук. В качестве отправных пунктов рефлексии по этому поводу можно привести гносеологически новаторский подход Мишеля Фуко в работе «Археология знания» [13], переосмысление структурализма концепцией «ризоматических структур» и «шизоанализом», разработанными Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в «Капитализме и шизофрении» [6], в диалогах Ж. Делёза и М. Фуко, включённых в книгу «Переговоры» [7]. Не менее важны и философские изыскания, развенчивающие онтологические основания парадигмы Модерна: среди них ироническое предположение Б. Латура о том, что «Нового времени не было» [11], теория «дереализация реальности» Вирильо [5], представление о «дезорганизованном капитализме» С. Лэша и Дж. Урри [20].

В контексте настоящего исследования, интерес представляет ракурс на описываемый парадигмальный сдвиг с точки зрения социальной философии, а также социологии постмодерна. Наиболее яркими представителями этого направления являются такие самобытные мыслители как З. Бауман («Текущая современность») [1], П. Бурдьё («Социология социального пространства») [3], М. Кастельс («Информационная эпоха») [10], У. Бек («Общество риска») [2], но не стоит и недооценивать важность новаторской школы «мобильной социологии», полноценно сложившейся к концу XX–XXI вв. Это во многом неординарное направление включает ряд, преимущественно, английских ис-

следователей, чьи имена, может быть, не столь широко известны публике: Т. Крессуэл [16], Ф. Кауфман [19], П. Адей, М. Шеллер [22], однако по масштабам вклада в развитие этой школы, по степени влиятельности в научном мире, социолога Дж. Урри стоит упомянуть отдельно.

Программными работами, в которых Урри сформулировал основные положения своей социальной онтологии, можно считать «Социологию за пределами общества», «Всеобщую сложность», сравнительно новую работу «Мобильности», переведённую на русский язык и изданной в 2012 г. группой «Праксис» [24; 23; 12]. В фокусе внимания последней, ставшей для Дж. Урри промежуточным итогом его научных изысканий, оказываются т.н. «системы мобильностей», под которыми автор подразумевает «комплекс социальных отношений и материальной инфраструктуры, который делает определённый вид перемещения акторов возможным» [12, с. 24]. Стоит заметить, что эти системы включают в себя не только движущихся людей и объекты, но «всевозможные идеи, связи, неподвижные объекты инфраструктуры, всё, что их обслуживает и обеспечивает» [12, с. 24]. В таком подходе к пониманию «мобильности» ещё прослеживается причастность автора к структурализму, системному функционализму, методологию которых Урри использовал на заре научной карьеры. Однако к моменту написания книги «Мобильности», находящейся в фокусе внимания нашего исследования, он уже пересмотрел прежний взгляд на природу и основы «социальности», но при этом сохранил преемственность классической школы социологии О. Конта и Э. Дюркгейма.

Принципиальной особенностью подхода Урри (равно как большинства представителей школы «мобильностей») к социальной онтологии стало ясное понимание того, что постмодернистское распыление «социальности», равно как её интерпретация через призму полиморфных, ризоматических текстур, или относительно произвольным образом генери-

руемых продуктов «машины желаний» Делёза и Гваттари, может быть чреватым. Дж. Урри делает даже специальный акцент на том, что он, следуя постмодернистским трендам, не собирается порывать с дискурсом «социальной реальности» или утверждать неизбежность и необратимость миграции «социальности» в виртуальную среду [12].

Описываемые им различные «мобильности» – миграционные потоки, финансовые транзакции, обмены терабайтов информации в Интернете или локальные практики движения индивидов (автомобильные поездки, пешие прогулки, утренние пробежки), всегда, и вне зависимости от их масштабов сплетены с реальностью *присутствия* в конкретных местах, даже если актора движения сложно идентифицировать более или менее определённо. Причём важно заметить, что речь едва ли идёт о собственной значимости тех мест, где происходит то или иное перемещение в пространстве, равно как и не о важности того, *кто* или *что* конкретно движется, но о ценности социальных отношений, конституируемых (*со-*) *присутствием* акторов в тех или иных пространственных локациях в моменте времени. Иллюстрацией этого тезиса может служить широта диапазона исследуемых схожими методами объектов. В фокус внимания Урри и Крессуэла легко попадают как приложения для смартфона и автомобильная электроника, так и популярные туристические маршруты и сети нефтепроводов. Всё это свидетельствует, в первую очередь, о том, что содержание «мобильных систем» хоть и привязано к материальной инфраструктуре, но не детерминируется напрямую техническими аспектами, а определяется соотношением в них различных мобильностей, их сочетанием и конфигурацией.

Претензия на столь широкий охват человеческого бытия и попытка его осмысления в парадигмальном масштабе во многом обоснована системным характером методологии «мобильных» исследований, как прикладных, так и сугубо теоретических. Во многом, с по-

дачи именно Дж. Урри, «мобильная социология» стала тотально интерпретировать любой социальный факт через призму совокупности систем мобильностей, которые оказывают влияние на индивида, вступающего в подобную социальную коммуникацию, фиксируя его *присутствие* средством вовлечения в те или иные мобильные практики. В этом отношении отдельную значимость приобретает смысл атрибутивного элемента, лежащего в основании любой из мобильных систем – *мобильности* как таковой. Однако вопрос осмысления этого понятия по-прежнему остаётся открытым, даже в рамках непосредственно школы «мобильной социологии».

Показательным в этом отношении является и то, что во введении к книге «Мобильности» отечественный социолог Н. А. Харламов отмечает, что «краеугольными камнями», на которых Урри выстраивает свою философию, являются «движение как социальный феномен» и «понимание организации социальной жизни через конкретно-исторические исследования социальных и технических систем, обеспечивающих это движение» [12, с. 8]. Однако понятие «движение» («movement») не тождественно понятию «мобильности» («mobility») по широте своего диапазона. Подобный вывод можно сделать уже хотя бы потому, как сам Урри многократно пытался дать определение «мобильности»: и через обозначение того, что движется, и как преодоление бездвиженности, и даже через изменение социального статуса. [12, с. 74–75]. И в первом, и во втором, и в третьем случае, он прибегал к описанию, пытаясь определить сущность объекта исследования через перечисления его свойств, одним из которых, предсказуемо, становилось движение. Тем не менее, всё это не является сколько-нибудь исчерпывающим ответом на вопросы: «Чем является мобильность как таковая?», «Что есть такого общего у различных её форм, что позволяет нам объединять их все под понятием «мобильности»?»

Озаботившись поиском ответов на эти немаловажные вопросы, вновь обратимся

к «краеугольным камням» мобильной социологии. Очевидно, что в то время как второй из них свидетельствует о неприкрытом обращении Дж. Урри к опыту структуралистов и постструктуралистов, первый призывает нас исследовать «феномены», что подразумевает совершенно иной философский взгляд. Таким образом, можно сделать вывод, что *возможность* рассмотреть «мобильность» феноменологически заложена в основании этой социологии, пусть она и не выражена эксплицитно (Урри не пишет о феноменологии как об одном из своих методов прямо), что отчасти компенсируется обилием приводимых примеров – *феноменов*, с помощью которых иллюстрируются повседневные практики движения.

Помимо того, что Урри и Крессуэл сами неоднократно выступают как феноменологи в своих исследованиях, выход на это популярное в философии XX в. направление мысли становится возможным и ещё по одной, не менее весомой причине. Ещё в своей работе «Социология за пределами общества», Дж. Урри многократно обращался к философии М. Хайдеггера, уникального автора в феноменологической традиции, который разрабатывал идеи своего учителя Э. Гуссерля в ключе собственной версии новой онтологии, известной как «Фундаменталь-онтология». В частности, Урри неоднократно ссылаясь на статью Хайдеггера «Строить, жить, думать» («Bauen, Wohnen, Denken»), где тот демонстрировал на примере комбинации экзистенций «жить» (wohnen) и «строить» (bauen) возврат к аутентичному *проживанию* человека вместе с вещами, которые находятся [17]. Урри эта идея показалась крайне важной, так как она коррелировала с его собственной аналитикой процессов «субъект-объектной глобализации» (subject-object globalization). Хотя стоит заметить, что, в отличие от Мартина Хайдеггера, который подходил к этой проблематике с точки зрения двух режимов экзистирования Dasein, Джон Урри делал это сугубо в постмодернистском ключе, стирая границы

между «субъектом» и «объектом», вовлекая их в различные мобильные системы. Примером может служить система «автомобильности» («automobility»), а также производный от неё концепт «truck-driver» [24, p. 132].

Отправной точкой феноменологического взгляда на «мобильность» в нашем исследовании может стать метафора моста (die Brücke), которую Урри заимствовал из той же статьи Хайдеггера в целях иллюстрации того, как мобильности способны конструировать и преобразовывать реальность вокруг себя. Если следовать интерпретации Хайдеггера/Урри, то «функция» моста – организовывать «проживание» (dwelling) людей в данной локации, выступая своего рода «актантом» (der Aktant), то есть, иницируя различные формы социальных отношений в диапазоне от «встреч незнакомцев на мосту» до «логистики грузоперевозок» [12, с. 111–112]. Разумеется, «проживание на мосту» («wohnen» Хайдеггера) как «обживание», превращение в «подручное средство», подразумевают «движение» (moving) по мосту от одного берега к другому. Однако М. Хайдеггер подчёркивал, что мост «не соединяет берега, которые уже есть *до него*, напротив, берега появляются только после того, как мост был перекинут через ручей» [17, s. 105–106]. Всё это наталкивает Урри на своеобразный вывод о том, что мост не просто встроен в мобильную систему по факту, но и a priori является «резервуаром» разных мобильностей.

Какого же соотношение мобильности и конкретных практик движения? Что именно делает всевозможные «мобильности» тем, чем они являются в своей сути, а мосты, дороги, проезды, автострады, мобильные телефоны – имманентными элементами различных мобильных систем? В стремлении пролить свет на эти и другие проблемные вопросы, последуем призыву М. Хайдеггера «Назад к самим вещам!» («Back to the Things themselves!») и обратимся за помощью к его фундаментальной работе «Sein und Zeit» (далее ссылки на англоязычный перевод Дж. Маквайера

и Э. Робинсона «Being and Time» [18]), где он излагает программные взгляды на ключевые вопросы философии, интересовавшие его в ходе всей последующей жизни. Помимо принципиальной для Хайдеггера аналитики Dasein и его экзистенциалов (Being-in-the-World, Being-in, Care и др.), во второй главе этой книге он подробно останавливается на факте, что окружающие человека предметы могут быть обнаружены в двух состояниях: «находящимися под рукой» (being-present-at-hand) и «готовыми к использованию» (being-ready-to-hand) [18, p. 98].

Первый тип свидетельствует о повседневном, онтическом понимании бытия окружающих человека вещей, об их «наличности» в мире, второй же характеризует совершенно особый тип вещей – «оборудование» (equipment), которые не являются «вещами» в том смысле, в котором таковыми являются «подручные» вещи. Это принципиальный момент для феноменологического анализа мобильностей, поскольку содержит ключ к корректному пониманию «метафоры моста» Хайдеггера/Урри. Хайдеггер определяет «оборудование» сущностно как «нечто, существующее для чего-то» (something *in-order-to*), где «для чего-то» (*in-order-to*) следует читать как «назначение» (*assignment*) [18, p. 97].

Этот «assignment» подразумевает процесс, где нечто *X* (предмет) служит для достижения *Y* (задача). Но *X* не может существовать независимо от *Y*, что проявляется в полной мере в случае невозможности выполнения *Y*, которая тут же «снимает», абсентирует и сам предмет как «оборудование», переводя его из разряда «being ready-to-hand» в «being present-at-hand». Таким образом, сломанный мост (молоток, автомобиль, смартфон, любой другой *X*), не способный организовать переход с берега на берег, (забить гвоздь, отвезти на работу, совершить звонок или загрузить браузер Google), делает задачу *Y* невыполнимой. С одной стороны, он тут же теряет статус «equipment», но, с другой стороны открывает выход нашей мысли на то, что

Хайдеггер называл «equipmentality», а затем и на «equipmentality structures».

Хайдеггер обращает наше внимание на то, что только сломанная вещь – equipment способна наглядно продемонстрировать нам, что «назначение» (*assignment*) автономно от каждой конкретной вещи being ready-to-hand, а не возникает только вместе с ней. Сломанный мост не может быть использован, но это не отменяет его *in-order-to*, которое остаётся в нашем сознании столь ясным и прозрачным, равно как и понимание, что тому же самому *in-order-to* может служить и переброшенная через ручей доска, или натянутая канатная дорога. Это означает лишь то, что «назначения» (*assignments*) имеют своё собственное, подлинное бытие, отличное от бытия самой вещи-инструмента, посредством которой «назначение» может быть реализовано на практике – данное бытие «assignment» и есть *equipmentality* [18, p. 97].

Однако Хайдеггер утверждает, что любой «инструмент», вышедший из строя, открывает доступ не к отдельному, индивидуальному equipmentality, а к целому комплексу, получившему название *equipmentality structures*. Ведь бытие всякого «in-order-to», в случае с мостом – «чтобы-перейти-через-реку», не может просто «повиснуть в воздухе», поскольку оно всегда неразрывно связано с тотальностью других «in-order-to», как правило, предшествующих ему в цепочке логических последовательностей. Так, например, потребность передвижения через реку подразумевает строительство через неё условного «моста», что, в свою очередь, подразумевает использование в этих целях определённых материалов (дерева, железа, бетона), что также подразумевает добычу этих материалов и полезных ископаемых, и так далее. Совокупность *assignments* в их предельном разветвлении в структурах *equipmentality* даёт фундаменталь-онтологическое понимание *Мира*, обладающего собственным бытием, а не того «мира», что сводится к совокупности вещей «presented-at-hand» в рамках старой онтологии.

Итак, мы выяснили, что причина, по которой Дж. Урри считал мосты, автострады, дороги, мобильные телефоны важными элементами «парадигмы мобильности» (*mobility paradigm*), заключается в том, что все они, будучи по своей сущности «*mobile equipment*», находятся в онтологической связи («*in-order-to*») с различными практиками движения. Одновременно с этим, они являются имманентными элементами широкого спектра «*mobility systems*», так как их бытие (*движение*) не имеет своего индивидуального источника, а предстаёт лишь метонимией тотального бытия «*in-order-to*» (в данном случае – *мобильности*), подобно тому, как осколок тщится отразить ту же картину, которую целое зеркало охватывает целиком. Таким образом, предположение Урри о том, что мост (автомобиль или любой другой «*mobile equipment*») как будто является «резервуаром» мобильности, имеет серьёзные онтологические основания, поскольку бытие вещи *ready-to-hand* «приписывается» (*assigns*) ей мобильностью (*mobility*), которая и заполняет его своим смыслом. При этом сама эта «связь» (*assignment*) бытия вещи с мобильностью остаётся сокрытой для нас в обыденном мышлении, только лишь феноменологический взгляд на онтологию позволяет сделать её явной.

Между тем, Хайдеггер утверждал, что его Фундаменталь-онтология возможна только как феноменология [18, р. 62], так что необходимо дать и феноменологическую характеристику мобильности. В первую очередь, нам следует определиться, справедливо ли считать мобильность «феноменом»? Очевидно, конкретные практики движения (*movement*), часто попадающие в фокус эмпирических исследований (туризм, миграционные потоки, движение капиталов и т. д.) являются *φαινόμενα* в греческом смысле, поскольку всё это, в той или иной степени наблюдаемые события, которые отслеживаются непосредственным образом. Однако «мобильность» выпадает из этого ряда, поскольку не наблюдается напрямую и как таковая, но только посредством выражения

в различных практиках движения, будучи их нескончаемым онтологическим источником: таким образом, в традиционном понимании «феномена» ей следует отказать.

Тем не менее, феноменология Хайдеггера предлагает иной взгляд на сущность «феномена». Во-первых, феномен у него остаётся сокрытым вплоть до момента, пока не будет подвергнут феноменологическому анализу, тогда как то, что «являет себя» представляет собой «явление феномена», но не сам феномен как таковой (*appearance of phenomenon*). Во-вторых, феномен нужно понимать как «нечто, присущее тому, что являет себя, и присущее настолько фундаментально, глубоко, что полностью определяет смысл и характер этого явления». И, в-третьих, хайдеггеровский феномен является конечным, и, в то же время, отправным моментом феноменологического взгляда на бытие: «За феноменом ничего не может быть!» [18, р. 60]. В качестве иллюстрации базовых принципов своей феноменологии Хайдеггер приводит достаточно простой, но показательный пример: болезнь являет себя в симптомах, однако ошибочно считать их «феноменом», поскольку те не имеют собственного бытия, а только указывают на бытие, что остаётся сокрытым, бытие самой болезни. [18, р. 64]. Исходя из этого, симптоматика предстаёт лишь явлением «феномена» (*appearance of the phenomenon*), тогда как болезнь – им самим.

Аналогичную логику рассуждения разумно применить и к отношениям, установленным между мобильностью как таковой (*mobility*) и конкретными практиками движения (*movements*) – таким образом, получается, что как раз «движение» *феноменом* (в хайдеггеровском его смысле) и не является, а оно предстаёт его *явлением* (*appearance*), тогда как мобильность – по всем трём позициям – отвечает сущности феномена. Подобный взгляд на мобильность и формы её проявления даёт феноменологическую интерпретацию серьёзной «образной» составляющей мобильной социологии. В частности, в книгах «В пути» Т. Крессуэла, «Мобильности» и «Социология

за пределами общества» Дж. Урри уделяется огромное внимание образам «движущегося мира», также метафорике, связанной с движением (образы «Земного шара», используемые в рекламе, метафора автомагистралей как «кровеносной системы»). [16; 24]. Известно, что художественные тропы, в частности метафоры, представляют собой скрытые «отсылки», «указатели» на то, чем они сами не являются. Так что, получается, использование теоретиками мобильной социологии в своём методологическом арсенале *символизма* подспудно свидетельствует о том, что они, в большей степени, сами склонны понимать движение не буквально, а феноменологически, то есть, как форму явления феномена «мобильности» (appearance of the phenomenon of «mobility»).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что парадигмальный характер «мобильному повороту» («mobility turn») в гуманитарных науках придаёт не только наличие нескольких научных школ в разных странах мира, высокая степень теоретической проработанности или междисциплинарный характер всего направления в целом. Особую роль в этом играет как раз открытость мобильной социологии широчайшему инструментально-методологическому арсеналу, включающему в себя, как эмпирических методов исследования, так и философские – как показало настоящее исследование, и феноменологию М. Хайдеггера. Разумеется, учитывая все факторы, философия «мобильности» в своей комплексной сложности аффицировала и социологию, и политологию и психологию как теоретические дисциплины, но, ни в коем случае, нельзя забывать и о прикладных её аспектах, влиянии на экономическую географию, (в частности, урбанистику) или транспортное планирование. Совокупность этих «вложений» позволяет охватить человеческое бытие в его тотальности, реагировать на малейшие колебания его развёртывания, а также следовать «пульсу времени», то есть быть по-настоящему *современной*, что открывает пути дальнейшего исследования «мобильности»

в феноменологической или какой-либо иной философской традиции.

1. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Бурдьё, Пьер. Социология социального пространства М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI в. М.: Логос, 2013. 368 с.
5. Вирильо П. Машина зрения. Наука: Ленинградское отделение, 2004. 144 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, Изд-во «У-Фактория», 2007. 672 с.
7. Делёз Ж., Фуко М. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. 233 с.
8. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. 744 с.
9. Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010. 479 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая Школа Экономики, 2001. 608 с.
11. Латур Б. Нового Времени не было. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
12. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.
13. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2008. 480 с.
15. Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с.
16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. 342 p.
17. Handwerkheft IV Entwurf III / IV 2. Jahreskurs. Konzept und Struktur Marcello Nasso. // Heidegger M. Bauen, Wohnen, Denken, ETH Zürich, 2014. s. 102–111.
18. Heidegger M. Being and Time / translated by John Macquarrie & Edward Robinson, Blackwell Publishers Ltd, 1962. 589 p.
19. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology. Aldershot, Ashgate, 2002. 110 p.
20. Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space, London: TCS/Sage, 1994. 351 p.
21. Munday R. On reading «Being and Time»: an explication and commentary. URL: http://www.visual-memory.co.uk/b_resources/being_and_time.html (дата обращения: 25.01.2016).
22. Sheller M., Urry J., The new mobilities paradigm. Environment and Planning A 38, 2006b: 207–226.
23. Urry J. Global complexity. Global Complexity, Cambridge: Polity, 2003.
24. Urry J. Sociology beyond the society: Mobilities for the twenty first century. London and New York: Routledge, 2000. 255 p.

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
2. Bek U. Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 383 s.
3. Burd'e, P'er. Sociologiya social'nogo prostranstva M.: Institut e'ksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. 288 s.
4. Vallerstajn I. Konec znakomogo mira. Sociologiya XXI v. M.: Logos, 2013. 368 s.
5. Viril'o P. Mashina zreniya. Nauka: Leningradskoe otdelenie, 2004. 144 s.
6. Delyoz Zh., Gvattari F. Anti-E'dip. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg, Izd-vo «U-Faktoriya», 2007. 672 s.
7. Delyoz Zh., Fuko M. Peregovory. SPb: Nauka, 2004. 233 s.
8. Dugin A.G. Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli. M.: Evrazijskoe dvizhenie, 2009. 744 s.
9. Dugin A.G. Konec e'konomiki. SPb.: Amfora, 2010. 479 s.
10. Kastel's M. Informacionnaya e'poxa: e'konomika, obshhestvo i kul'tura. M.: Vysshaya Shkola E'konomiki, 2001. 608 s.
11. Latur B. Novogo Vremeni ne bylo. SPb: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2006. 240 s.
12. Urri Dzh. Mobil'nosti / per. s angl. A.V. Lazareva. M.: Praksis, 2012. 576 s.
13. Fuko M. Arxeologiya znaniya. SPb: IC «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 2004. 416 s.
14. Fukuyama F. Velikij razryv. M.: AST, 2008. 480 s.
15. Fukuyama F. Konec istorii i Poslednij chelovek. M.: AST, 2007. 588 s.
16. Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. Routledge: Taylor & Francis Group, 2011. 342 p.
17. Handwerkheft IV Entwurf III / IV 2. Jahreskurs. Konzept und Struktur Marcello Nasso. // Heidegger M. Bauen, Wohnen, Denken, ETH Zürich, 2014. s. 102–111.
18. Heidegger M. Being and Time / translated by John Macquarrie & Edward Robinson, Blackwell Publishers Ltd, 1962. 589 p.
19. Kaufmann V. Re-thinking Mobility: Contemporary Sociology. Aldershot, Ashgate, 2002. 110 p.
20. Lash S., Urry J. Economies of Signs and Space, London: TCS/Sage, 1994. 351 p.
21. Munday R. On reading «Being and Time»: an explication and commentary. URL: http://www.visual-memory.co.uk/b_resources/being_and_time.html (data obrashheniya: 25.01.2016).
22. Sheller M., Urry J., The new mobilities paradigm. Environment and Planning A 38, 2006b: 207–226.
23. Urry J. Global complexity. Global Complexity, Cambridge: Polity, 2003.
24. Urry J. Sociology beyond the society: Mobilities for the twenty first century. London and New York: Routledge, 2000. 255 p.

UDC 316.4

PHENOMENOLOGY OF MOBILITY: METHODOLOGICAL ASPECT

Moiseenko Yan Yurievich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

The article is concerned with place and role of «mobility turn» in postmodernist sociology and philosophy, theoretical and methodological instrumentarium of the «Mobile sociology» school of thought. The phenomenological method to the concept of mobility is expanded within the matter of M. Heidegger's Fundamental ontology.

Key words:

Mobility turn, mobility, postmodernity, phenomenological method, Fundamental ontology, Martin Heidegger.

УДК 343.851

ЖЕНЩИНА В ПРИЗМЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Корсаков Константин Викторович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с существованием и воспроизводством женской преступности, предупреждением преступных посягательств со стороны женщин методами уголовно-правового воздействия на современном этапе общественного развития. Автором выделены и проанализированы специфика, основные причины и предпосылки женской преступности, выявлены и описаны особенности механизма уголовно-правового воздействия на женщин-преступниц.

Ключевые слова:

женская преступность, уголовная ответственность, уголовное наказание, профилактика преступлений, причины преступности женщин, криминальная психология.

Дискурс женской преступности возник и постепенно перешел в поле злободневной, актуальной исследовательской проблематики еще в XIX веке. Так, в 1893 году один из «патриархов» науки криминологии Чезаре (Цезарь) Ломброзо в соавторстве с другим итальянским ученым, профессором Гульельмо Ферреро издал популярный и ныне труд «Женщина, преступница и проститутка», посвященный вопросам этиологии женской преступности и различным аспектам женской проституции [2].

К числу основных криминологических особенностей преступности женщин относится ее относительно стабильный и постоянный уровень. В течение всего XX столетия уровень женской преступности в Российской

Федерации был примерно в семь раз меньше преступности мужской (это около 15% в структуре всей преступности в целом), даже несмотря на то, что численность женщин в нашем государстве по статистике всегда была больше (52–53% от общей численности населения). Начиная с конца 90-х годов XX века обозначилась тенденция ежегодного прироста женской преступности (на 0,5–1,5% в год) [4].

Существует весьма тесная связь преступности женщин с ювенальной (подростковой) преступностью, так как антиобщественное поведение женщин, в особенности в те периоды, когда данное поведение перестает восприниматься в обществе как какое-то экстраординарное, не только болезненно сказыва-

ется на общем нравственно-психологическом климате, но и оказывает крайне негативное, губительно-растлевающее воздействие на малолетних детей и подростков. В данной связи следует также отметить, что в силу особенностей социальных функций и общественных ролей, выполняемых женщинами в обществе, к ним предъявляются более высокие нравственные требования и этические мерки, нежели к мужчинам; с общими тенденциями в их социальном поведении связываются уровень и динамика общественной морали. Именно поэтому женщины-преступницы, а равно женщины-наркоманки и падшие, опустившиеся женщины («бомжихи», нищенки) вызывают у большинства современных культурных людей более интенсивные негативные реакции и эмоции, чем такие же точно мужчины.

В области своей детерминации и причинности женская преступность, в отличие от мужской, проявляет большую зависимость от ряда региональных и местных общественно-экономических факторов (в некоторых регионах России женская преступность более явно выражена, чем в других, причем городская женская преступность во много раз превышает сельскую).

Также криминологами и психологами была выявлена более сильная зависимость женской преступности от криминогенных по своей социальной сути процессов алкоголизации и наркотизации. В современной психологии и медицине доказано, что процесс деградации личности под воздействием алкоголя и наркотиков протекает у женщин гораздо более интенсивно, нежели у мужчин. В настоящее время в России из общего числа преступниц-женщин примерно 1/3 совершает преступные посягательства в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Сегодня все больше женщин и девушек, немалая часть из которых – алкоголички и наркоманки, вовлекается организованными преступными группами в проституцию, по-

прошайничество, наркотрафик и совершение других антиобщественных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков. За последние четверть века увеличилось число женщин-переносчиц опасных венерических заболеваний и зараженных ВИЧ-инфекцией.

Несомненным является влияние на качественно-количественные параметры и специфику женской преступности не только социально-экономических, но и психологических и физиологических свойств и качеств женщин.

Отечественными представителями наук социальной антропологии и психологии по поводу причин существенного разрыва в распределении преступности по полу часто указывается не только на исторически обусловленное занимаемое женщинами место в системе социальных связей и общественного труда, но и на различия в «биологической» программе, стереотипах и архетипах их сознания: если жизнедеятельность женщины связана с рождением потомства и его защитой, сохранением и приращением уже имеющегося, то у мужчин она имеет направленность на расширение пространственного ареала, поиск новых ресурсов, развитие средств производства, доминирование среди представителей своего вида и видоизменение действительности, причем не только путем творчества и созидания, но и разрушения, истребления, а потому она имеет большой деструктивный потенциал, нежели жизненная активность женщин. При этом не отрицается наличие большей ригидности и устойчивости психики, а также сопротивляемости нервным перегрузкам у женщин, объясняющие их более длительный, нежели у мужчин, срок жизни и их меньшую долю в числе самоубийц, сумасшедших и психически больных людей.

В отличие от мужской преступности, существенную значимость для женской преступности имеют проблемные факторы в брачно-семейной сфере: более половины

от всех преступниц на момент совершения ими преступного деяния не состояли в официальном браке и не имели семьи. Количество разводов и распадов семей у женщин после их осуждения и направления судом в места лишения свободы, а равно после освобождения из уголовно-исправительных учреждений довольно велико (24% от общего числа) и значительно превосходит в пропорциональном соотношении число таковых среди всех преступников мужского пола (более 12%). Также следует отметить, что примерно 45% женщин-преступниц до момента их поимки и привлечения к уголовной ответственности не имели постоянного места работы [1].

У четверти осужденных к лишению свободы женщин были выявлены различные аномалии в психике и невротические нарушения (психопатии, фобии, психозы, поражения центральной нервной системы, олигофрения, последствия черепно-мозговых травм и пр.), особенно велик этот процент среди несовершеннолетних. В настоящее время в период предварительного расследования более 30% женщинам-фигуранткам уголовных дел следователями и дознавателями назначается судебно-психиатрическая экспертиза.

Между тем интеллектуальный и образовательный уровни женщин-преступниц были и остаются выше в сравнении с преступниками-мужчинами. Большинство женщин, которые совершили преступные деяния и были привлечены к уголовной ответственности, относятся к двум возрастным группам: от 18 до 24 лет и от 25 до 29 лет. В отличие от мужчин, с возрастом риск совершения женщиной преступления существенно уменьшается.

В текущий период происходит стирающее имеющиеся различия между мужской и женской преступностью опасное сближение женской преступности и мужской в части способов и приемов совершения преступлений, а равно тяжести последних. Все больше современных женщин прини-

мает участие в совершении насильственных преступлений, которые раньше не были характерны для женской преступности и совершались в основном в семейно-бытовой сфере на почве личных неприязненных отношений и конфликтов либо по мотивам ревности или мести. Потерпевшими в таких случаях обычно становятся мужья, сожители, любовники, близкие родственники и соседи. При этом на практике женщины, совершая насильственные посягательства против личности, нередко проявляют неординарную жестокость, однако последняя в таких ситуациях преимущественно носит характер разрядки, катарсиса и обладает эффектом эмоционально-психологической компенсации за все пережитые женщиной издевательства, унижения и длительные страдания.

За последние десять лет число женщин, совершивших убийство, а равно выступивших его организатором либо подстрекателем (заказчиком), возросло почти в два раза. На сегодняшний день в России доля женщин среди всех убийц составляет около 12%. Участились случаи соучастия лиц женского пола в совершении групповых изнасилований, а также других насильственных преступных деяний в составе преступных групп (доля преступлений, совершенных в соучастии, в структуре женской преступности достигает в настоящий момент 40%) [3].

Число убийств матерью новорожденного ребенка, ответственность за которые предусмотрена в статье 106 УК РФ, заметно увеличилось, в особенности в сельской местности (каждый год в России регистрируется несколько сотен данных тяжких преступлений). Также фиксирован прирост количества таких часто совершаемых женщинами преступных деяний, как кражи (они образуют самую большую долю (более 20%) в структуре женской преступности), заведомо ложный донос, присвоение и растрата, мошенничество, клевета, получение взятки, превышение

и злоупотребление должностными полномочиями, вымогательство и содержание прионов.

Несмотря на увеличение преступлений насильственного характера, в структуре женской преступности по-прежнему преобладают преступные деяния корыстной направленности. Их доля сегодня составляет более 50%. Наиболее распространенными преступными деяниями, которые совершаются женщинами в наши дни, являются хищения путем кражи, присвоения или растраты, а также мошенничество. Традиционной областью для преступных посягательств со стороны женщин продолжает оставаться сфера малого и среднего предпринимательства и розничной торговли.

Тревожной современной тенденцией является омоложение женской преступности. В наши дни в России получают широкий общественный резонанс случаи жестоких групповых убийств, совершенных девушками в возрасте 14–15 лет. Девушки-подростки и молодые женщины из социально неблагополучной среды вовлекаются и втягиваются в преступную деятельность рецидивистов, преступников-профессионалов, выступая в роли пособниц и соисполнителей преступлений (отвлекают на себя внимание жертв либо заманивают потерпевших в специально выбранные преступниками места, выступают посредниками при даче взятки, собирают информацию о будущей жертве и т. д.).

На наш взгляд многие факторы и предпосылки женской преступности заложены в волевой и эмоциональной плоскостях личности женщины. Для немалой части женщин характерны следующие криминогенные свойства: конформность, наличие обостренного чувства вины (это качество (оно подтверждается данными, полученными в ходе проводившихся в женских колониях опросов, выявивших, что фактор морального переживания уголовного наказания у женщин стоит на третьем месте, тогда как у мужчин он

располагался на четырнадцатом), относится к криминогенным, так как часто проявляется в попытках криминальными способами вернуть доверие, загладить дурное впечатление от поведения в прошлом и часто используется преступниками-рецидивистами мужского пола для вовлечения женщин в криминальную деятельность), гипертрофированное беспокойство за свое будущее и будущее своего потомства, повышенный уровень тревожности, эмоциональная ранимость, обидчивость, снижение волевых качеств и самоконтроля при попадании в сложную, экстраординарную обстановку.

Многим женщинам присущи стремление создавать уют и комфорт в любых бытовых условиях (российские ученые-криминологи, проводившие исследования в уголовно-исправительных учреждениях для женщин, в частности, в известной Можайской женской колонии № 5, отмечали данное явление и в местах лишения свободы, называя его, после сравнения с тюремным бытом мужчин, в котором превалируют простота, минимализм и рационализм, типично женским), чувствительность к различного рода угрозам и попыткам их унижить, склонность к впадению в состояние ажитации и аффективных переживаний, импульсивность, завистливость, психология, именуемая в советское время «мещанской» и так называемый «вещизм» (ониомания) – тяга к завладению красивой, модной, дорогостоящей одеждой и предметами личного обихода, которые вместе с навязчивой рекламой и другими агрессивными формами промоушена нередко продуцируют корыстные проявления. У немалой части живущих в современных условиях женщин в силу эффекта, который в медийном пространстве часто описывается фразой «не выдержала обступившей ее суровой действительности», имеется облегченный по сравнению с мужчинами поиск путей и оснований для нравственного оправдания совершаемых ими преступлений.

В отличие от мужчин на женщинах более существенно сказывается усиливающаяся социальная напряженность, они интенсивнее переживают различные жизненные трудности и неурядицы, часто не находят иного, кроме незаконного, выхода из кажущихся им неразрешимыми проблем, значительно реже рассуждают здраво, логично и идут на компромиссы и консенсусный диалог в обстановке острого конфликта интересов.

Для актуализации и самоутверждения (ассертативной активности) женщинам очень часто бывают важны внешние оценки, мнение о них окружающих, и вызывающиеся заикливанием на этих аспектах эпатаж, эксцентричность и демонстративность поведения в обществе нередко приводят женщин к совершению антиобщественных поступков. Также первостепенное значение в жизни женщины отводится брачно-семейным отношениям, которые в современное нам время подвержены кризису и негативным деформациям, одними из проявлений которых в России являются уменьшение числа браков и резкий рост разводов, увеличение количества распавшихся, ненуклеарных, неполных и неблагополучных семей.

Усиливают продолжающийся кризис семейно-бытовой сферы и ее дегуманизацию не вполне соответствующие современной российской действительности слишком высокие темпы карьеризма, эмансипации и феминизации женщин.

Основываясь на приведенных выше данных, полагаем, что деятельность по предупреждению женской преступности обязательно должна быть согласована со спецификой этой разновидности преступности и в первую очередь иметь нацеленность на устранение криминогенных очагов в брачно-семейной и профессиональной сферах жизни женщин.

Немаловажной в профилактике преступных деяний, совершаемых женщинами, является психологическая подготовленность

ее субъектов, предполагающая особое отношение к женщинам, которые могут совершить или уже совершили преступление. Зачастую последним остро не хватает человеческого внимания, поддержки, живого участия в решении их витальных проблем, помощи в поиске выхода из трудных жизненных ситуаций. Поэтому гуманность, доброжелательность и предупредительность в обращении должны быть основополагающими среди принципов работы по профилактике преступлений, совершаемых женщинами.

Общесоциальные меры по предупреждению женской преступности желательно включать в рассчитанные на несколько лет специальные государственные и региональные социальные программы по улучшению положения женщин на производстве и в семье, поддержке материнства.

Следует прекратить порочную практику использования труда женщин на работах, связанных с чрезмерными для них физическими нагрузками (бетонщиков, железнодорожных рабочих, землекопов, каменщиков и пр.), производственным риском и психическим напряжением, на должностях государственной службы со сложными условиями, так как перегрузки на работе, постоянное нервное напряжение и усталость не только обладают эффектом деморализации, приводят к конфликтам в брачно-семейной сфере, частым нервным срывам, ссорам и неприязненным отношениям с коллегами, но и обладают очевидным криминогенным потенциалом.

Для повышения уровня социальной защищенности женщин и девушек и ограждения их от возникновения негативных жизненных обстоятельств, необходимы оказание адресной помощи одиноким молодым матерям, семьям с низким уровнем материального обеспечения и имущественного положения, значительное улучшение условий женского труда, поддержка женщин в их профессиональной ориентации и личностном развитии.

Уже отмечалось, что для женщин, вовлеченных в криминальную деятельность, а также отбывающих наказание в виде лишения свободы в женских исправительных колониях, сохранение брака и семьи является важным профилактическим элементом, поэтому необходимо повсеместно осуществлять меры, направленные на улучшение и укрепление семейных связей женщин.

Мы считаем, что ввиду того, что процесс реабилитации у женщин, освобожденных из мест изоляции от общества, проходит сложнее, чем у мужчин, и сопровождается большими трудностями, в отношении женщин, которые отбыли уголовное наказание в виде лишения свободы, должен быть создан особый механизм ресоциализации, направленный на скорейшее восстановление прерванных общественных связей, решение психологических проблем, связанных со вступлением в трудовые, брачно-семейные и иные гражданские отношения, адаптацией к другим бытовым условиям, попаданием в новое социальное окружение.

Социальными психологами отмечается, что женщины, в отличие от мужчин, более ортодоксальны, консервативны и уважительнее относятся к сложившимся социальным обычаям и традициям, религии и религиозным догмам. Поэтому церковь, священнослужители различных конфессий и религиозные организации способны оказать содействие в профилактике девиантного и преступного поведения женщин, особенно в силу каких-либо причин лишившихся семьи, жилья, работы, занимающихся проституцией, бродяжничеством, (новейшая российская история знает немало примеров, когда бывшие проститутки, преступницы и наркозависимые женщины добровольно приходили в монастыри и там вставали на путь исправления и нравственного совершенствования, духовно перерождались).

Также значимой и полезной в деятельности по предупреждению женской преступ-

ности является непрерывная работа по религиозному обучению и воспитанию, обеспечению отправления религиозных культов в российских уголовно-исправительных учреждениях для женщин.

В индивидуальной профилактике по отношению к осужденным к лишению свободы женщинам следует более масштабно использовать профилактические беседы, метод убеждения, психологические тренинги, направленное самовнушение и различные средства психодиагностики.

Специализированные субъекты деятельности по предупреждению женской преступности в России должны оказывать всестороннюю поддержку, повсеместно стимулировать функционирование работающих на условиях конфиденциальности телефонов доверия, благотворительных ассоциаций и фондов, оказывающих женщинам самую разностороннюю поддержку, учреждений, помогающих женщинам, которые пережили сексуальное насилие (центры «Сестры», созданные в ряде крупных городов России), и организаций, бесплатно предоставляющих помещения для реабилитации и проживания женщинам, подвергнутым семейному насилию либо ушедших от родителей или мужей, которые жестоко с ними обращались.

1. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник. М., 2011. С. 129.

2. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина, преступница и проститутка. Ставрополь, 1991. – 223 с.

3. Маковецкий А.К. Преступность XXI века. Киев, 2015. С. 46.

4. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М., 2011. С. 151.

1. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V. Kriminologiya: uchebnik. M., 2011. S. 129.

2. Lombroso Ch., Ferrero G. Zhenshhina, prestupnica i prostitutka. Stavropol', 1991. – 223 s.

3. Makoveckij A. K. Prestupnost' XXI veka. Kiev, 2015. S. 46.

4. Malkov V. D. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov. M., 2011. S. 151.

UDC 343.851

THE WOMAN IN THE PRISM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Korsakov Konstantin Viktorovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
PhD, Associate Professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Annotation

The article deals with topical issues related to the existence and reproduction of female crime, the prevention of criminal encroachments on the part of women's methods of criminal law at the present stage of social development. The author identified and analyzed the specifics, the main causes and conditions of female criminality, identified and described features of the mechanism of criminal law on women offenders.

Key words:

female criminality, criminal liability, criminal penalties, the crime prevention, causes of female crime, criminal psychology.

УДК 322.22

ПАЛИТРА НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ИНСТИТУТА SOFT POWER

Корнеева Вера Александровна,

Уральский государственный педагогический университет,
Институт психологии,
кафедра социальной психологии, конфликтологии и управления,
зав. отделением конфликтологии и управления,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
аспирант кафедры теории и истории политической науки,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Аннотация

Проблематика дискурса «мягкой силы» переживает настоящий бум своего развития. Теория, имеющая фундаментальные теоретико-методологические обоснования в лице Дж. Ная-мл., а позже и в трудах отечественных ученых и школ. Научным сообществом активно идет процесс «приватизации» новых тематических изысканий в области параметров оценки и ресурсов реализации «мягкой силы», поддерживающих национальное могущество стран. На сегодняшний день можно констатировать наличие целого «меню» «мягкой» силы в методологии дискурсивного подхода. Статья посвящена обзору множественных шкал оценки «мягкой силы» в России и за рубежом, а также эмпирическому исследованию странового бренда России.

Ключевые слова:

«мягкая сила», параметры «мягкой силы», ресурсы «мягкой силы», страновой бренд.

«Самый надежный и мощный способ распространить свое влияние на чужеземные края – это «завоевание любовью», то есть культурная экспансия»

(Акунин Б., «Настоящая принцесса», 2013).

На страницах не только научных и научно-периодических изданий, но и публицистических жанров, а также на уровне «бытовой» психологии обывателя, мы обнаруживаем материал о культурном, ценностном завоевании мира. Авторы всех направлений сходятся во мнении, что на смену военному и экономическому завоеванию мира пришла «правильная

колонизация». Когда жители других стран начинают интересоваться твоей культурой больше, чем своей, влюбляться в нее, у них возникает желание жить так же, как ты – стать частью тебя, слиться с тобой в одно целое, притом со страстной любовью. Именно этим способом Запад одержал победу над социалистическим лагерем в холодной войне – не при помощи ракет, а благодаря Голливуду, «Битлз», джинсам, гамбургерам и прочим кисс-ми-квикам» [1, с. 9–11]. Акунин Б. с абсолютной точностью попадает в ключевые категории дискурса soft power: соблазн, идентичность, обольщение, притягательность, наслаждение, желанность, символизм, иллюзия-приманка, обволакивающая власть, коллективное достояние.

Чем же выступает мода и поп-культура в концепции «мягкой» силы?! «Компонент», «ресурс», «параметр», «индикатор», «шкала», «формы», «показатель»? Все эти «зонтичные» понятия одного ряда в дискурсе soft power. Речь идет о системе категорий, конкретизирующих смысловое значение понятия «мягкая» сила.

Ранее методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power уже поднимались Русаковой О.Ф. [3]. Автор уделяет внимание трем методологическим подходам к анализу феномена мягкой силы: дискурсивный, структурный и измерительно-инструментальный. В рамках дискурсивного подхода дается анализ культурных индустрий как проводников властной силы дискурса soft power. С позиции структурного подхода выделяются основные виды и группы ресурсов soft power. Измерительно-инструментальный подход представлен анализом популярной рейтинговой системы Rapid-growth markets soft power index.

В чем же сила страны и ее народа? В кухне, красивых женщинах или именитых футболистах? Именно весь этот бездонный, неисчерпаемый «океан» всевозможных видов и ресурсов внешнеполитической притягательности мы в нашем исследовании и пробуем *опредметить* в рамках измерительно-инструментального подхода. *Целью нашего изыскания мы ставим саму вероятность регистрации валидной палитры фонда «мягкого», репутационного воздействия на положительный имидж нашей страны.*

Для пилотажного исследования параметров мягкой силы исключительно эмпирическим путем нами была разработана анкета, включающая в себя два «ядерных» вопроса и три вопроса группы «паспортичка» (возраст, пол и род занятий). Ключевыми вопросами мы выясняем, во-первых, какие параметры «мягкой» силы респонденты считают наиболее влиятельными, властвующими на платформе российской действительности; во-вторых, каково субъективное мнение граждан о месте России в мировом рейтинге стран по налично-

му уровню мягкого могущества. Оба вопроса являются обязательными для ответа.

Итак, контент-анализ специализированных источников позволил выделить целый «ансамбль» параметров и векторов оценки soft power. Среди них мы узнаем как заимствованные из индекса RGMs (Rapid-growth markets soft power index), так и исключительно авторские наработки и гипотезы отечественных последователей дискурса мягкой силы. «Львиная» доля этого «мягкого» пирога обнаруживается в работах уральских авторов и институтов: Международная Академия Дискурс Исследований, Институт философии и права УрО РАН, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина и других экспертных сообществах в дискурсе soft power. Великим подспорьем для плодотворного аккумулирования материала по видам и ресурсам «мягкого» влияния послужили два якорных события: Первая международная конференция SOFT POWER: теория, ресурсы, дискурс (2014 год) и выход в свет одноименной монографии (2015 год) [2; 4].

Среди «операционализованных» категорий дискурса мягкой силы мы запаслись тридцати четырьмя параметрами: русская кухня, экологические программы и проекты, спортивные победы и проекты, кинематограф, национальная экономика, музыкальная индустрия, популярность медиапродукции, архитектура, медицина, условия для бизнеса, ЖКХ, искусство, русская православная церковь, гражданское общество, толерантность населения, качество жизни населения, литература, мода и дизайн, инвестиции, развитие науки, экспорт продукции, туризм, историческое наследие, политическое влияние, гуманитарная помощь, национальные культурные ценности, инновации и конкурентоспособность, русская диаспора за рубежом, международные коммуникации, отечественное образование, распространность русского языка, демократические ценности, политические лидеры, система государственного и муниципального управления.

С анкетой можно познакомиться, для этого необходимо пройти по ссылке: <http://goo.gl/forms/HxmfQ5Xzcu>. Прием ответов активен. Анкета создана с помощью веб-программы Google-форма.

Итак, по результатам статистической обработки (VORTEX, версия 10) результатов пилотажного анкетирования, можно сделать 5 ключевых выводов. Сразу отметим, что численность выборки – 112, однако по социально-демографическим параметрам она является нерепрезентативной (подробнее см. диаграммы 6, 7).

Вывод 1. Ответы людей – очень разнообразны и каких-то общепризнанных мнений по изучаемым вопросам не прослеживается. Проведенный анализ показывает довольно высокую дифференциацию ответов респондентов по оценке параметров привлекательности внешнеполитического образа России (подробнее см. диаграммы 1, 2; таблицу 1). Относительное единодушие респондентов видно лишь по таким позициям, как «Русская кухня», «Искусство», «Спортивные победы и проекты», «Историческое наследие», «Архитектура», хотя и в случае этих параметров ответы расходились довольно существенно. Во всех остальных случаях ответы дифференцировались очень существенно, что позволяет говорить о размытом, очень пестром понимании опрошенными того, что представляют собой соответствующие параметры и каков их вклад в формирование привлекательного внешнеполитического образа России. Попытка статистической оценки факторов, от которых зависит оценка этих параметров, дала лишь поверхностные результаты. Однако необходимо учитывать, что в данном случае не замерялся ряд традиционных демографических параметров, которые потенциально могли оказать сильное влияние на ответы людей (образование, уровень дохода), а по ряду других были собраны смещенные данные (возраст и род деятельности). Предполагаем, что при более тщательном и подробном замере демографических параметров можно будет более точно и надежно описать характер различий в оценках

людей и причины их формирования. Пока же мы можем лишь номинально исходить из того, что целостного понимания того, как формируется привлекательный внешнеполитический образ России у опрошенных людей нет: у всех них свое видение, не сводимое к какому-то целостному вектору.

Вывод 2. С наибольшей вероятностью можно говорить о том, что привлекательный внешнеполитический образ России, с точки зрения опрошенных, состоит из культурно-исторических компонентов. Несмотря на то, что только что мы констатировали довольно высокую размытость ответов людей в отношении различных параметров формирования привлекательного внешнеполитического образа России, мы все же имеем основания для сравнения средних значений, полученных по каждому из параметров (подробнее см. диаграммы 3, 4). Разумеется, как и во всех случаях высокого разброса вариации, вычисление средних значений – это очень условная процедура. Тем не менее, с помощью этого приема мы довольно ясно можем увидеть, важность каких параметров чаще оценивалась опрошенными как высокая, а каких – как низкая. В этом смысле мы можем говорить о том, что чаще других как высоко значимые оценивались такие параметры, как «Историческое наследие», «Искусство», «Литература», «Спортивные победы и проекты», «Русская кухня», тогда как явными аутсайдерами оказались такие параметры, как «ЖКХ», «Качество жизни населения» и «Экологические программы и проекты». Гипотетически можно говорить о том, что наиболее привлекательный внешний образ России, по мнению опрошенных, должен складываться из сугубо символических, культурных вещей.

Вывод 3. Большинство анализируемых параметров привлекательности внешнеполитического образа России плохо дифференцируются респондентами и фактически сливаются для них в единое символическое пространство. Расчет сводной матрицы корреляций между 34 параметрами позволяет сделать вывод о том, что значительная часть составляющих внешне-

политического образа России для опрошенных фактически сливается воедино. С одной стороны, об этом говорит аномально высокое количество корреляций между переменными: по отдельным позициям количество выявленных корреляций достигало 28 или 29 (подробнее см. таблицу 2). С другой стороны, в пользу этого свидетельствует и специфика вычисленных значений: поскольку все переменные в данном случае были порядковыми, мы смогли применить для оценки характера взаимосвязи между ними коэффициент Гамма, и проведенные вычисления показали, что абсолютно все выявленные статистически значимые взаимосвязи обладают прямым характером. Проще говоря, во всех выявленных случаях статистически значимой взаимосвязи более высокая оценка человеком одного параметра повышала вероятность того, что более высоко он оценит и другой (или наоборот: более низкая оценка важности одного параметра повышала вероятность более низкой оценки другого параметра). В совокупности это свидетельствует о том, что довольно значительная часть параметров привлекательности внешнеполитического образа России предстают для опрошенных не самостоятельными единицами, а скорее частями каких-то более сложных когнитивных или символических систем. Мы можем уверенно судить, что абсолютно независимыми параметрами для опрошенных являются такие позиции, как «Литература», «Русская кухня», «Искусство», «Архитектура» и «Историческое наследие». В значительной степени это справедливо и для таких позиций, как «Политические лидеры», «Мода и дизайн», «Условия для бизнеса», «Кинематограф», «Русская православная церковь», «Спортивные победы и проекты», «медицина». Остальные параметры по большому счету не являются для опрошенных какими-то самостоятельными феноменами: их оценка слишком часто оказывается зависимой от того, как оцениваются другие параметры.

Вывод 4. У опрошенных различное представление о том, как видится Россия в других странах, но судить о причинах расхождений

в их оценках достаточно сложно. В ходе анализа были подвергнуты целенаправленному изучению общее отношение опрошенных к внешнеполитическому образу России и факторы, которые оказывают на него воздействие. Общий анализ ответов на этот вопрос показал, что мнения людей дифференцированы в довольно сильной степени: то, что самый популярный ответ набрал лишь 33%, говорит о том, что какого-то устоявшегося и общепризнанного мнения у опрошенных не было. При этом статистический анализ показывает, что на данный параметр наиболее сильно влияют оценки, которые респонденты приписали параметрам «Гуманитарная помощь другим государствам», «Русская Православная Церковь», «Политические лидеры», «Демократические ценности», «Национальные и культурные ценности», «Распространенность русского языка», «Политическое влияние на другие страны», «Спортивные победы и проекты», «Мода и дизайн». Серьезных статистических взаимосвязей с другими параметрами выявлено не было. Вероятно, что для более подробного анализа и заключений просто не хватает количества изучаемых случаев: при вычислении таких коэффициентов выборка в 112 человек может быть не особенно информативной и показательной. Тем не менее, мы предполагаем, что людям попросту сложно представлять, из чего может складываться внешнеполитический образ их государства, и логика их рассуждений бессистемна. Более подробно об этом можно будет судить только при увеличении выборки.

Вывод 5. Серьезных колебаний в ответах респондентов разного пола, возраста, рода занятости не прослеживается. Каких-то более или менее серьезных зависимостей от пола, возраста и рода деятельности анализ не показывает. Мы можем говорить лишь о частных расхождениях во взглядах разных категорий людей, причем большинство этих частных различий могут быть лишь результатом статистических искажений.

В случае с возрастом и родом деятельности проблема связана с малой дифференциаци-

ей респондентов: по сути, в выборке оказался всего один пенсионер и один безработный, очень мало людей старше 40 лет. При таком малом общем количестве опрошенных и такой низкой дифференциации выборки по возрасту и роду деятельности любые коэффициенты взаимосвязи могут вычисляться с высокими погрешностями. Программа показывает, что возраст и род деятельности довольно ощутимо влияют на то, как человек относится к важности, допустим, архитектуры или политических лидеров, но гарантировать, что такая связь действительно существует, а не является плодом статистической погрешности, мы не можем. Соответственно, любые корреляции, выявленные в данном случае – это сугубо гипотезы, и относиться к ним следует с осторожностью. Таким образом, мы можем предположить, что возраст людей оказывает довольно сильное влияние на то, какую важность они приписывают архитектуре, системе ГМУ, демократическим ценностям, историческому наследию и политическим лидерам, а род занятий – на то, как воспринимаются политические лидеры, система ГМУ, историческое наследие, медицина и национальная экономика. Тем не менее, верны ли эти предположения – можно будет сказать только с помощью более глубокого анализа с более разнообразной и обширной выборкой респондентов.

Влияние пола на ответы респондентов можно оценивать с несколько большей достоверностью: учитывая, что соотношение мужчин и женщин среди респондентов было смещенным не сильно, в целом база для более или менее четких выводов у нас есть. Проведенный анализ показывает, что женщины несколько чаще мужчин считают, что привлекательный внешнеполитический образ России в значительной степени зависит от параметров «Кинематограф», «Входящий поток туристов», «Инновации и конкурентоспособность» и (с несколько меньшей вероятностью) «Медицина». Стоит заметить, что по остальным 30 параметрам более или менее сильных расхождений в ответах мужчин и женщин выявлено не было:

ответы респондентов различались, но это не было напрямую связано с их полом. Тем не менее, оценка кинематографа, входящего потока туристов и инноваций – маркеры, хоть и частные, но дифференцирующие настроения мужчин и женщин. По сути, мы имеем основания говорить о том, что привлекательность внешнеполитического образа России для мужчин и женщин зависит от несколько разных параметров: совпадая в общих оценках, они расходятся в частных деталях.

В ответах опрошенных *историческое наследие, архитектура, РПЦ, культура, русская кухня, литература, искусство, спорт и политические лидеры* – это равноценные части единого символического поля, воздействующего на формирование внешнеполитического образа России, силы ее «мягкого» могущества. Таковой внешнеполитический имидж России – сложная и сугубо эмоциональная картинка, содержание которой формируется почти независимо от политической власти. Важно отметить, что данные нашей эмпирической, инструментальной интервенции в дискурс soft power, подтверждают ряд теоретико-методологических посылов авторских коллективов.

1. Акунин Б., Настоящая принцесса и другие сюжеты / Борис Акунин. – Москва: АСТ: 2013. – 288 с.

2. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Некоторые итоги первого этапа международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс» // Дискурс-Пи. 2014. № 4 С. 191–193.

3. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Дискурс-Пи. 2014. № 1 С. 70–76.

4. Русакова О.Ф. Эта странная «Мягкая сила» (о выходе в свет коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс») // Дискурс-Пи. 2015. № 1 С. 144–147.

1. Akunin B., Nastoyashhaya princessa i drugie syuzhety / Boris Akunin. – Moskva: AST: 2013. – 288 s.

2. Rusakova O.F., Gribovod E.G. Nekotorye itogi pervogo etapa mezhdunarodnoj konferencii «Soft power: teoriya, resursy, diskurs» // Diskurs-Pi. 2014. № 4 S. 191–193.

3. Rusakova O.F. Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power // Diskurs-Pi. 2014. № 1 S. 70–76.

4. Rusakova O.F. E'ta strannaya «Myagkaya sila» (o vыхode v svet kollektivnoj monografii «Soft power: teoriya, resursy, diskurs») // Diskurs-Pi. 2015. № 1 S. 144–147.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Результаты статистической обработки данных

Таблица 1 – Сравнение базовых статистических показателей по всем параметрам образа России в целом (упорядочено по средним значениям).

Параметры	Статистические показатели			
	Среднее значение	Мода	Медиана	Дисперсия
Историческое наследие	3,938	5,000	4,000	1,501
Искусство	3,929	5,000	4,000	1,382
Литература	3,848	5,000	4,000	1,734
Спортивные победы и проекты	3,741	5,000	4,000	1,473
Русская кухня	3,661	4,000	4,000	1,343
Политическое влияние на другие страны	3,491	4,000	4,000	2,144
Архитектура	3,482	3,000	4,000	1,549
Национально-культурные ценности	3,455	4,000	4,000	1,782
Гуманитарная помощь другим странам	3,321	4,000	4,000	2,166
Политические лидеры	3,232	5,000	3,000	2,468
Русская Православная Церковь	3,170	4,000	3,000	2,250
Развитие науки	3,125	3,000	3,000	1,678
Международное сотрудничество	3,071	3,000	3,000	2,031
Развитие туризма	2,750	3,000	3,000	1,973
Мода и дизайн	2,741	3,000	3,000	1,635
Экспорт продукции	2,723	2,000	3,000	2,292
Отечественное образование	2,652	3,000	3,000	2,247
Кинематограф	2,598	3,000	3,000	1,882
Русская диаспора за рубежом	2,563	3,000	3,000	1,852
Инвестиции и иммиграция	2,536	3,000	3,000	2,143
Гражданское общество	2,527	3,000	3,000	1,711
Условия для бизнеса	2,464	2,000	2,000	2,323
Распространенность русского языка	2,455	3,000	2,000	2,124
Инновации и конкурентоспособность	2,429	2,000	2,000	2,103
Музыкальная индустрия	2,411	3,000	3,000	1,650
Медицина	2,411	3,000	2,000	1,992
Национальная экономика	2,402	2,000	2,000	2,170
Толерантность населения	2,295	2,000	2,000	1,903
Демократические ценности	2,214	3,000	2,000	1,954
Популярность медиапродукции	2,196	2,000	2,000	1,799
Система государственного и муниципального управления	2,082	2,000	2,000	2,021
Экологические программы и проекты	2,057	1,000	2,000	2,032
Качество жизни населения	2,054	1,000	2,000	2,195
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,598	2,000	2,000	1,684

Таблица 2 – Градация параметров привлекательности внешнеполитического образа России по степени их взаимосвязи друг с другом.

Параметр	Общее количество взаимосвязей с другими параметрами	Интерпретация
Гражданское общество	29	Фактически данные параметры привлекательности оцениваются не как некие самостоятельные единицы, а лишь как часть обобщенного образа, включающего в себя целый ряд других позиций: оценки слишком сильно зависят от того, как оцениваются другие параметры
Русская диаспора за рубежом	29	
Толерантность населения	28	
Национальные культурные ценности	28	
Инновации и конкурентоспособность	28	
Национальная экономика	27	Параметры несколько меньше зависят от оценок, которые люди высказывали в других вопросах. Но при этом их тоже сложно назвать самостоятельными. Количество зависимостей настолько велико, что невозможно говорить о дифференциации респондентами всех этих параметров. У большинства респондентов отсутствует какое-то устойчивое отношение к этим параметрам привлекательности внешнеполитического образа России
Качество жизни населения	27	
Инвестиции и иммиграция	27	
Отечественное образование	27	
Демократические ценности	27	
Музыкальная индустрия	26	
Гуманитарная помощь другим странам	26	
Международная коммуникация/ сотрудничество	26	
Экологические программы и проекты	26	
Жилищно-коммунальное хозяйство	25	
Развитие науки	25	
Экспорт продукции	25	
Политическое влияние на другие страны	25	
Популярность медиапродукции	25	
Система государственного муниципального управления	25	
Развитие туризма	24	Можно говорить, что у многих респондентов есть целостное отношение к каждому из данных параметров как к самостоятельному феномену. Количество корреляций с другими параметрами не настолько велико, чтобы говорить о слабом понимании людьми данных феноменов. При этом определенная зависимость от других параметров в данном случае тоже прослеживается: это говорит о том, что в основном каждый из них понимается людьми как относительно самостоятельное явление, но при этом связанное с другими параметрами
Распространенность русского языка	24	
Медицина	23	
Спортивные победы и проекты	23	
Русская православная церковь	22	
Кинематограф	21	
Условия для бизнеса	20	
Мода и дизайн	19	
Политические лидеры	15	
Историческое наследие	10	
Архитектура	7	
Искусство	7	
Русская кухня	6	
Литература	6	

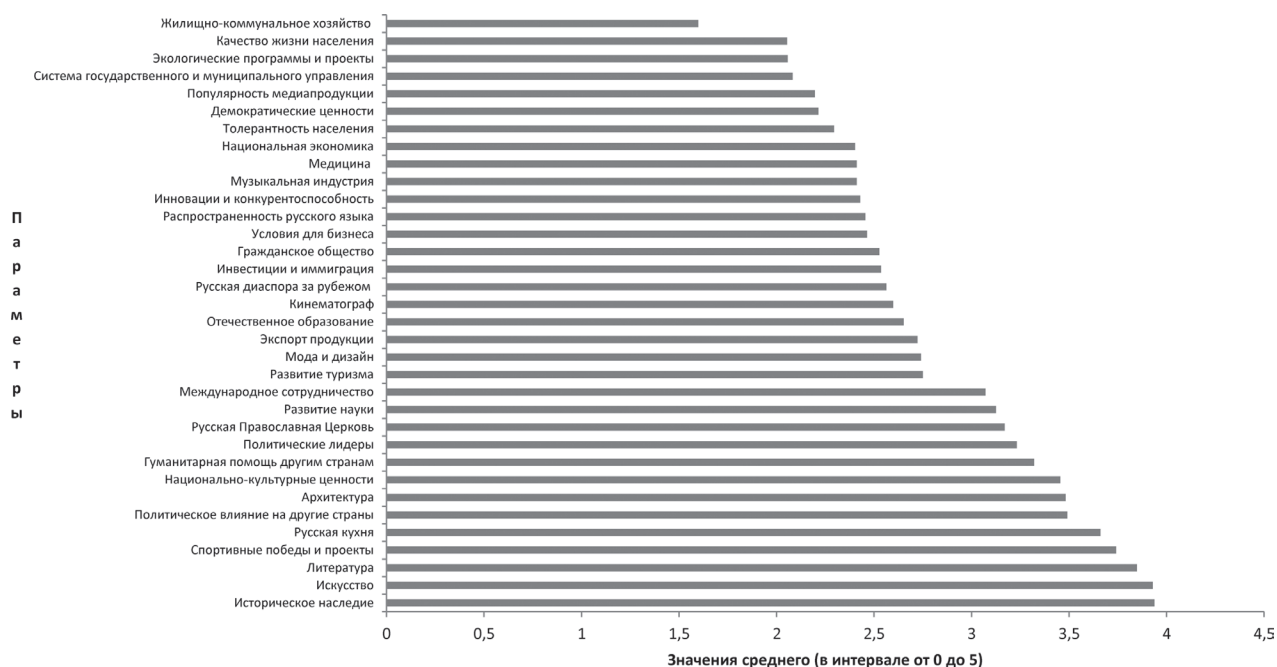

Диаграмма 1 – Наиболее важные параметры привлекательности России в оценках опрошенных (на основе среднего значения).

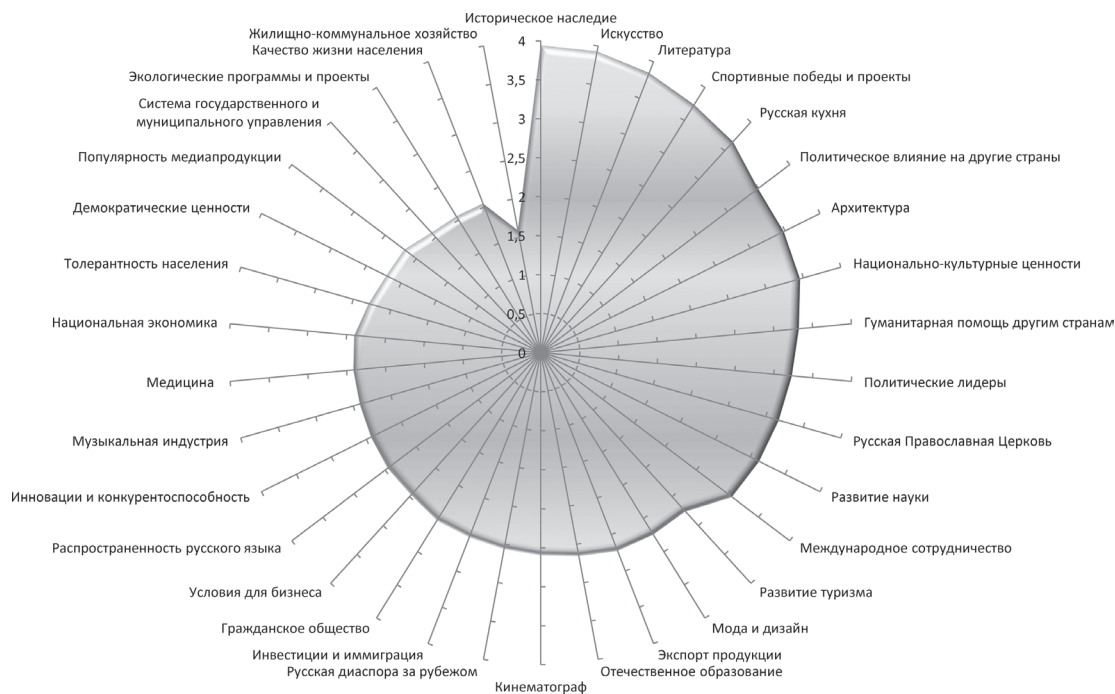

Диаграмма 2 – Сводный портрет привлекательного образа России, выстраивающийся по ответам респондентов (на основе среднего значения).

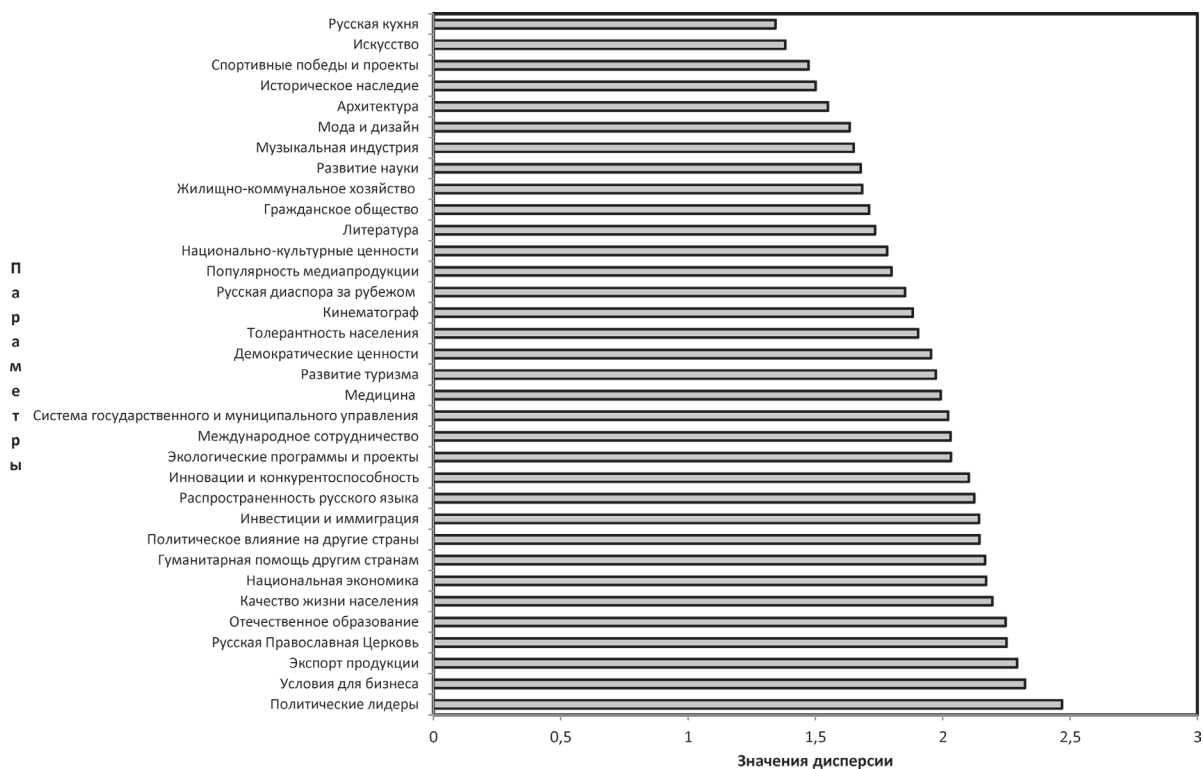

Диаграмма 3 – Параметры привлекательности России, вызвавшие наибольший разброс мнений респондентов (на основе значений дисперсии).

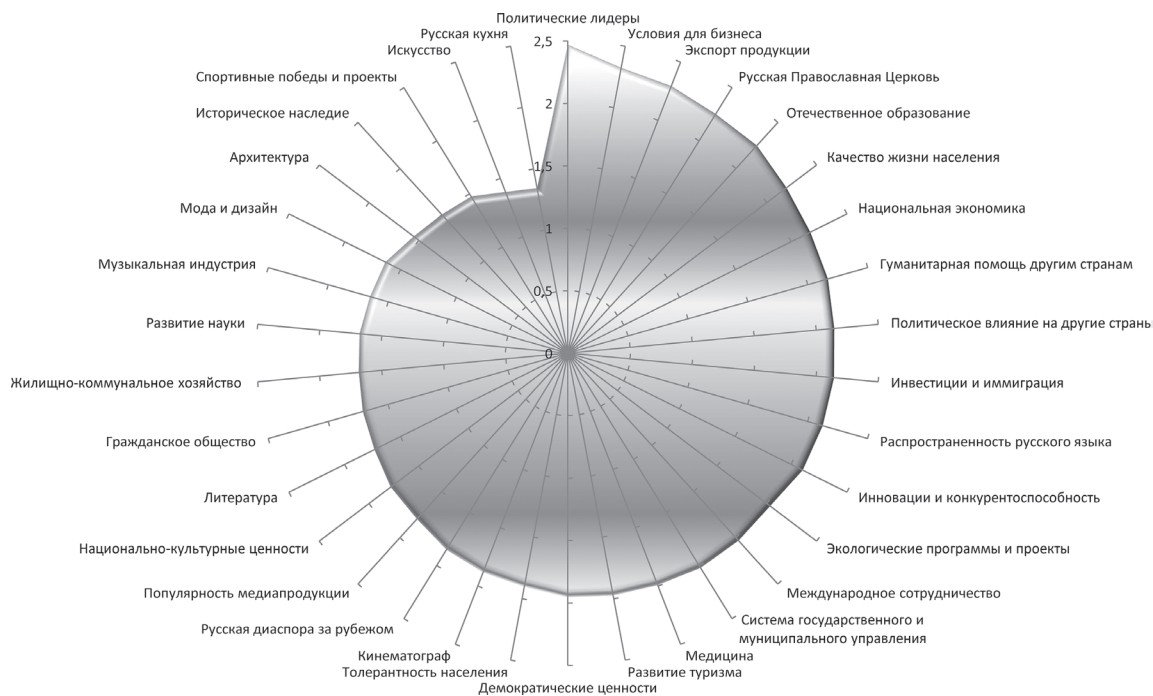

Диаграмма 4 – Сводная характеристика разброса мнений респондентов (на основе показателей дисперсии).

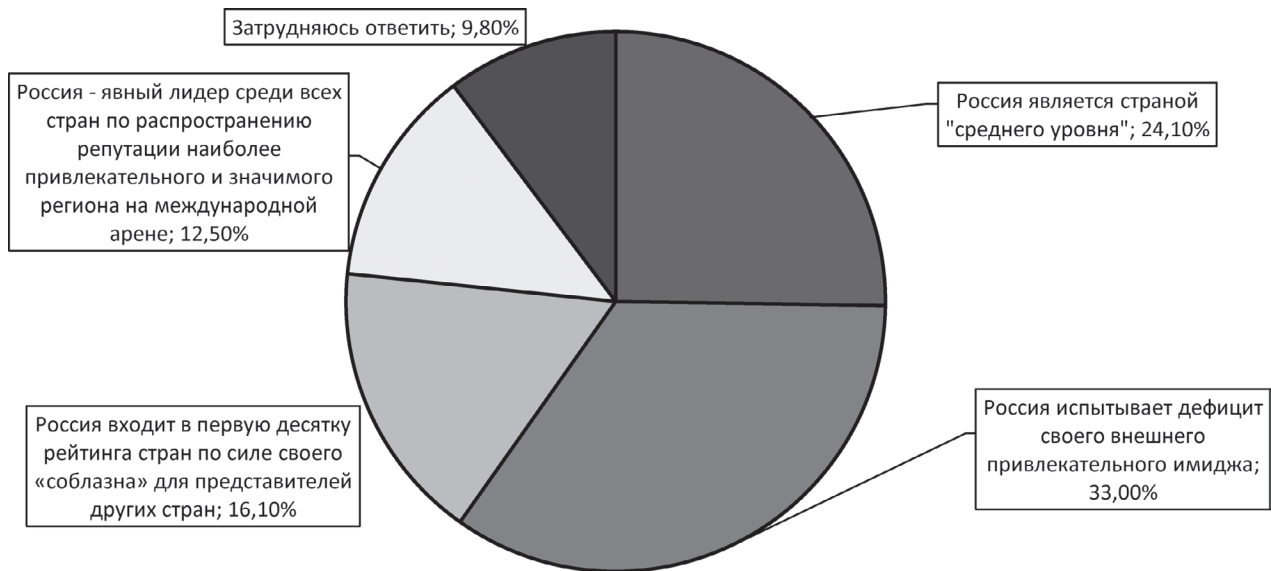

Диаграмма 5 – Представления опрошенных о текущем внешнеполитическом имидже России.

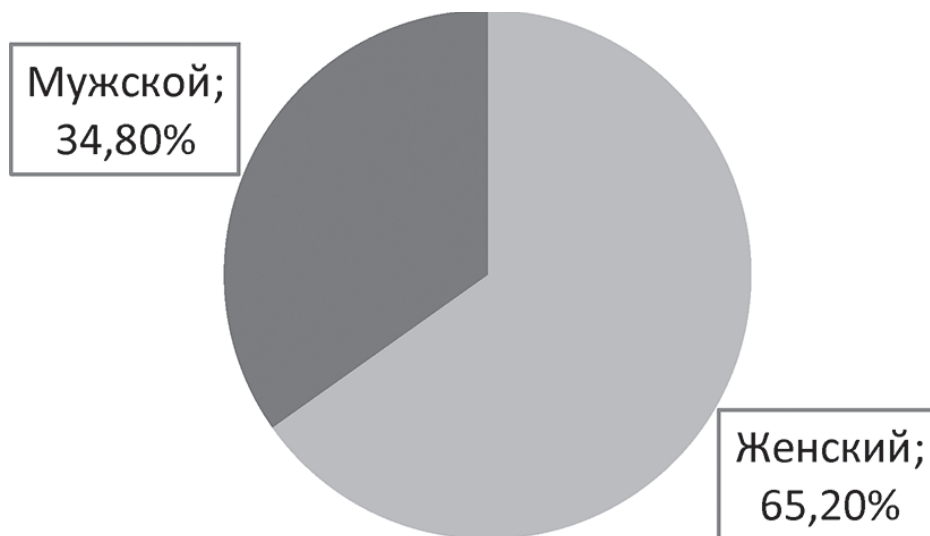

Диаграмма 6 – Пол опрошенных.

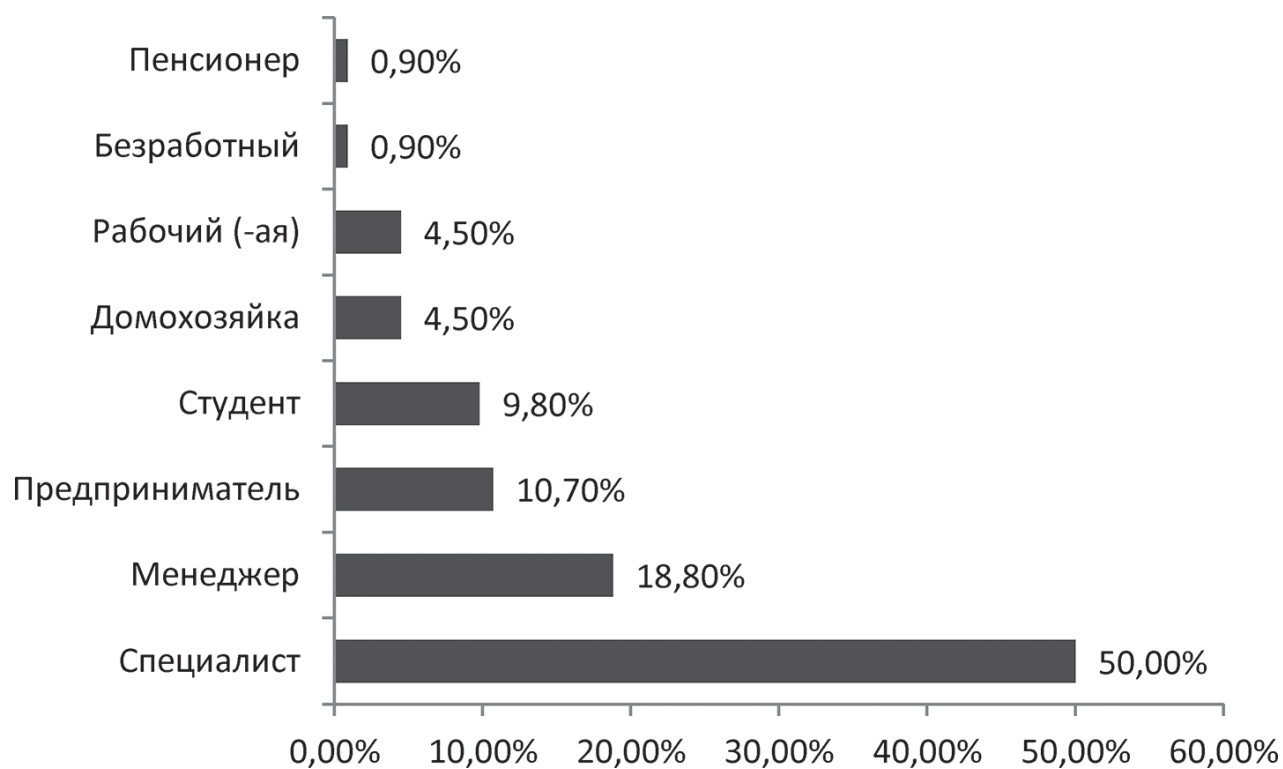

Диаграмма 7 – Род занятий опрошенных.

UDC 322.22

THE PALETTE OF NATIONAL RESOURCES OF THE INSTITUTE OF SOFT POWER

Korneeva Vera Aleksandrovna,

Ural State Pedagogical University,
Institute of psychology,
The chair of social psychology, conflictology and management,
Head of the chair of conflictology and management

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
The post-graduate of chair of theory and history of political science,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Annotation

The problem of the discourse of soft power is booming in its development. The theory of fundamental theoretical and methodological studies in the person of Joseph S. Nye, Jr and later in the works of Russian scientists and schools. The scientific community is an active process of privatization of new thematic research in the field of parameter estimation and resource implementation of the soft power to support national power countries. Today we can say that there is a menu of soft power in the methodology of discursive approach. The article provides an overview of the multiple scales of assessment of soft power in Russia and abroad, as well as the empirical study of the Country Brand Russia.

Key words:

soft power, parameters, the resources of soft power, country brand.

УДК 324

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА РОССИИ И РОЛЬ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Чусовитина Юлия Павловна,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Институт социальных и политических наук,
Департамент политологии и социологии,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: uhusovitina@yandex.ru

Аннотация

В статье на основании социологического исследования дается анализ символических образов российских политиков и российского политического процесса, проводится классификация установок на политическую идентичность, выдвигается гипотеза о том, что массовые коммуникации играют ключевую роль в формировании политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга.

Ключевые слова:

образы российского политического процесса, политическая идентичность, установки на политическую идентичность, студенческая молодежь г. Екатеринбурга, средства массовой коммуникации.

Гипотезой настоящего исследования стало предположение о том, что массовые коммуникации играют ключевую роль в формировании политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга.

В период с ноября 2015 года по февраль 2016 года автором было проведено социологическое исследование, задачей которого стал анализ роли влияния массовых коммуникаций на формирование политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга. Для достижения объективности данных и глу-

бинной проработки проблемы исследование было поделено на три этапа:

Первый этап: исследование представленной студенческой молодежи г. Екатеринбурга о российской политической идентичности. Основным методом исследования было выбрано анкетирование. На данном этапе участие в исследовании приняли 357 человек, среди которых 115 человек – представители гуманитарного направления подготовки, 87 – экономического и юридического профиля, 69 человек – студенты технических специ-

альностей, 55 представителей естественнонаучного направления и 31 – студенты-медики.

Второй этап: выявление установок на российскую политическую идентичность [1; 2; 5]. Целью данного этапа стало уточнение и углубление информации, полученной в ходе анкетирования. Было опрошено 69 респондентов, принявших участие в первом уровне исследования. На этом этапе автор выбрал метод полуструктурированного интервью в формате эссе – свободного сочинения на тему «Я – гражданин России».

Третий этап: выявление роли массовых коммуникаций в формировании российской политической идентичности студентов г. Екатеринбурга. Задачей данного этапа стало вычленение роли фактора массовых коммуникаций в формировании политической идентичности студентов. Здесь был применен метод фокус-группы. На основе данных, полученных на первых двух этапах исследования, был определен пул вопросов, который помог сформировать представление о роли массовых коммуникаций в формировании политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга. Участие в фокус-группе приняли 12 человек (6 юношей и 6 девушек) из различных вузов Екатеринбурга. Все респонденты не являлись участниками первых двух этапов.

Первый этап исследования – анкетирование – проведен в ноябре–декабре 2015 года. Автором была разработана анкета, которая включала следующие вопросы:

* Каков, на Ваш взгляд, образ российского политического деятеля (укажите не более пяти характеристик).

* Какие черты характера наиболее точно характеризуют российского политического деятеля (укажите не более 3 черт):

* Какой смысл вы вкладываете в понятие «Быть российским политическим деятелем»?

* Ощущаете ли вы единство с современными российскими политическими деятелями?

1. Да

2. Скорее да, чем нет

3. Скорее нет, чем да

4. Затрудняюсь ответить

* Опишите, на Ваш взгляд, наиболее яркие символы, характеризующие политических процесс в России.

* Какой литературный или исторический персонаж, на ваш Взгляд, олицетворяет образ Российского политического процесса (укажите только один вариант).

* Какой литературный или исторический персонаж, на ваш Взгляд, ассоциируется у Вас с «позором России» (укажите только один вариант).

* Какой, на ваш взгляд, должна быть Россия, как сильное государство?

* Разделяете ли Вы лозунг «Россия для русских»?

1. Да

2. Нет

* Принимали ли Вы когда-либо участие в агитационных мероприятиях, митингах, демонстрациях, акциях протеста?

1. Да

2. Нет

* Как Вы относитесь к политике как явлению?

* Ощущаете ли Вы себя частью политических процессов, происходящих в РФ?

1. Да

2. Нет

3. Затрудняюсь ответить

Анкетирование было проведено при помощи сервиса Google Формы, благодаря которому каждый респондент мог отвечать на вопросы удаленно при помощи любого электронного гаджета, поддерживающего выход в Интернет. Данный способ проведения опросов позволил сократить время на сбор материала, а также качественно увеличить количество респондентов, получив, таким способом, более репрезентативную выборку. Кроме того, данный сервис производит автоматическую первичную обработку данных и визуализирует ее при помощи диаграмм в сервис Google Таблицы. Вторичная обра-

ботка данных для уточнения и углубления информации проводилась автором при помощи программы SPSS Statistics 21.0.

На основании полученных результатов ответы молодежи были разделены на две группы: «образ российского политического деятеля» и «образ российского политического процесса».

Можно выделить следующие наиболее часто упоминаемые характеристики в описаниях «российского политического деятеля»: социально-демографические; стиль поведения; социальные качества; личностные характеристики; внешность; отношение к труду; отношение к людям; качества ума; уровень культуры.

Среди личностных черт часто упоминались качества, отражающие уровень культуры. Видимо, для респондентов эта характеристика является наиболее показательной при определении современного российского политика. На характеристику «образованность» указывают 16% респондентов; 26,7% оценивают политического деятеля по такому параметру, как «продвинутость» («идет в ногу со временем»), а 18,6% – «компьютеризированность»; 8,3% отметили такое качество, как целеустремленность.

Среди качеств ума российских политиков были отмечены любознательность (3,5%), пытливость (2,4%), критичность (1,9%). Однако большинство респондентов отказывают политикам в таких качествах ума, как глубина, широта, быстрота. На глупость указывают 11,1% респондентов (в основном это студенты гуманитарных, экономических и юридических специальностей).

Среди черт, отражающих отношение к людям, негативный характер отметили 15,1% респондентов, которые выделили такие характеристики, как «злой», «грубый», «наглый». Среди негативных социальных характеристик наиболее часто упоминается злоупотребление алкоголем (13%).

Довольно много характеристик касается описания внешности и статуса политического

деятеля (29,1%). Так, респонденты часто отмечают красивую, модную одежду, указывают на наличие машины и современных гаджетов (смартфон, планшет, лэптоп и т. д.).

Одна из наиболее часто встречаемых социально-демографических характеристик – уровень материального благосостояния. При этом в основном отмечается высокий уровень благосостояния (33,3%), значительно реже – низкий (8%).

Среди черт, отражающих отношение к труду, присутствуют как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, 12,1% респондентов называют политического деятеля трудолюбивым и работающим, а 27,5% отмечают такое свойство, как лень.

В ходе анкетирования уточнялось, какие смыслы вкладывают респонденты в выражение «быть российским политическим деятелем». Выявилось, что «быть российским политиком» означает «ощущать себя гражданином России» и «ощущать единство с гражданами России».

В целом, согласно ответам респондентов, современный российский политический деятель выглядит как человек обеспеченный, достаточно образованный, следящий за своей внешностью, идущий в ногу со временем, но при этом не обязательно умный. Ему присущи такие личностные качества, как душевность, простота, сила воли, избирательный патриотизм. Для него могут быть характерны плохие отношения с окружающими и приоритет материальных ценностей.

Символическое пространство гражданской общности складывается из официальной государственной символики, фигур исторических (национальных) героев, наиболее значимых исторических и современных знаменательных для страны событий, фиксирующих этапы развития общности, а также – из бытовых или природных символов, отражающих особенности жизнедеятельности общности [5]. В «образе российского политического процесса» концентрируется и обобщается все, что связано с жизнью

гражданской общности нашей страны. Эмоциональный компонент идентификации заключается в переживании факта своей принадлежности к группе в форме различных чувств – любви, ненависти, обиды. Эмоционально окрашенное представление о политическом процессе в России автор пытался выяснить с помощью ассоциативного метода. Оказалось, что в глазах молодежи «образ российского политического процесса» представлен рядом символов, которые несут в себе позитивную (или нейтральную) и негативную эмоциональную нагрузку. В числе позитивно окрашенных и наиболее часто выделяемых респондентами символов – гимн, герб, флаг. К негативным часто относят такой символ, как «водка» (38,5%).

Кроме создания «образа российского политического процесса» через символы мы попытались выяснить, какой литературный или исторический персонаж олицетворяет для респондентов политический процесс в их стране. Для 76,5% респондентов таким литературным персонажем стал герой русских народных сказок – Иван-дурак. Студенты гуманитарных специальностей наиболее часто называли Обломова и Василия Теркина (рисунок 1).

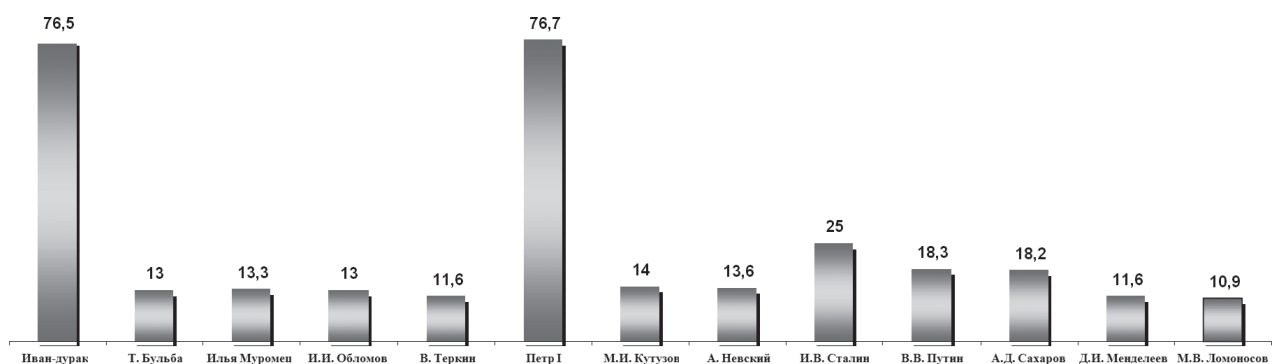

Рисунок 1 – Образ российского политического процесса. Исторические и литературные деятели.

Абсолютное большинство опрошенных студентов предпочло исторические персонажи, которые можно разделить на четыре группы: политики, полководцы, ученые

и воины Отечественных войн России (последняя группа составила 36%). Наиболее часто из исторических фигур упоминается *Петр I* (76,7%). Кроме Петра I были названы *М.И. Кутузов* (14%) и *Александр Невский* (13,6%). В группе «политики» по частоте упоминаний лидирует одобряемый респондентами *И.В. Сталин* (25%), а также *В.В. Путин* (18,3%), которого в исторические персонажи занесли главным образом студенты младших курсов технических специальностей. Для них шестнадцатилетний срок пребывания Путина у власти – половина жизни, и, соответственно, он персонаж вполне исторический.

В группе «ученые» лидирует *А.Д. Сахаров* (18,2%), которого в эту группу включили студенты естественных специальностей, затем идут *Менделеев* (11,6%) и *Ломоносов* (10,9%). Встречаются в этих группах фигуры, которые по мнению респондентов олицетворяют негативные стороны «образа политического процесса в России». С «позором России» молодежь связывает имена *И.В. Сталина* (26,3%) *Николая II* (24,1%), *В.И. Ленина* (23,3%) и *Б.Н. Ельцина* (9,6%) (рисунок 2).

Отвечая в анкетах на вопрос «Какой

должна быть Россия как сильное государство?», существенным признаком респонденты считают социальное благополучие граждан и высокий уровень экономического

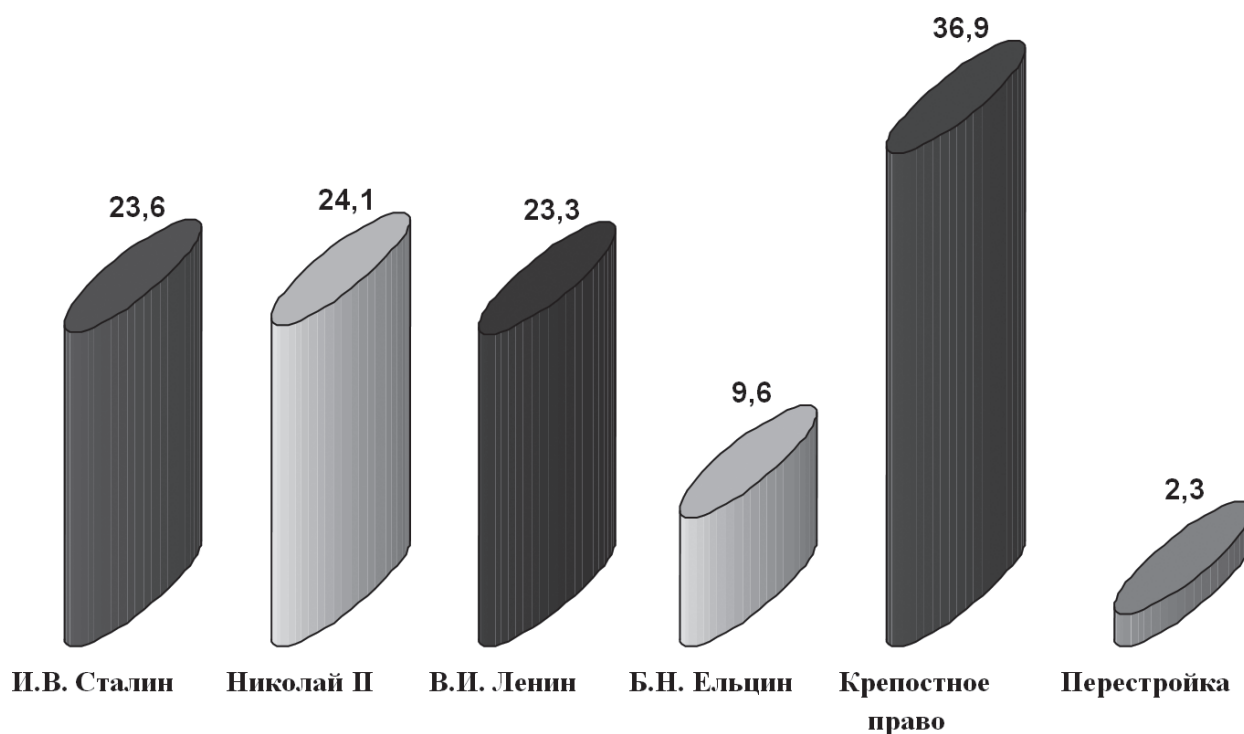

Рисунок 2 – Фигуры и события наибольшего позора России.

развития при обязательной самостоятельности страны. В сильной стране, по их мнению, должно быть единство народа и сильное гражданское общество.

Согласно данным опроса, лозунг «Россия для русских» разделяет 35,9% респондентов, среди которых 31,5% – студенты технических направлений профессиональной подготовки.

Отвечая на первый вопрос «Как Вы относитесь к политике, как явлению?», более 50% дали ответ «Скорее отрицательно». Порядка 20% относятся категорически отрицательно, а оставшиеся 30% разделили свои предпочтения между ответами «положительно», «скорее положительно» и «затрудняюсь ответить» почти поровну. Причем, «скорее отрицательно» к политике относятся в большинстве своем студенты, обучающиеся техническим специальностям.

Почти поровну разделилось мнение респондентов относительно соответствия российского политического процесса его ментальному образу. Около 50% опрошен-

ных идентифицируют политический процесс в России со своими личными представлениями об его должном образе. Остальные 50% сказали, что их нормативное представление о политическом процессе и реальный политический процесс в России – это два разных образа. Респонденты отметили, что в отличие от их собственных представлений политический процесс в России – менее демократичен и либерален. При этом более 75% опрошенных ощущают себя частью российского политического процесса даже в том случае, когда их представления о нем расходятся с реальной действительностью.

Ответы на вопрос о причастности респондентов к политическим процессам, происходящим в России, дали следующие результаты: «идентифицирую себя, как гражданина своей страны» (25,5%); «ежедневно интересуюсь новостями российской политики и экономики» (31,4%); «имею свое мнение, относительно происходящих в стране процессов» (9,8%); «активно участвую в политических молодежных движениях» (4,5%).

Следующим этапом исследования стало выявление установок на российскую политическую идентичность студентов г. Екатеринбурга. Респондентам было предложено написать в форме эссе сочинение на тему «Я – гражданин России». Данный этап проводился в период с декабря 2015 по январь 2016 года и был необходим для уточнения и углубления информации, полученной в результате анкетирования. В работе над сочинением приняли 69 респондентов, участвующих в первом этапе.

При анализе результатов учитывалось не только описание поступков респондентов, но и то, как это описание было составлено, к каким лингвистическим ресурсам обращались авторы. Еще одним аспектом была манера описания своего участия в жизни страны. В результате нами были выделены четыре типа установок респондентов:

1. «Установка на включенность». Одним из основных критериев выделения этого типа послужили четкие представления и знания о политических системах и государственных институтах, которые респонденты продемонстрировали в своих эссе. Другим важным критерием является участие в деятельности конкретных общественно-политических организаций и объединений. Среди языковых единиц следует выделить активные глаголы, такие как «влиять», «занимать активную позицию».

2. «Установка на отчужденность». Авторы эссе четко отделяют себя от деятельности государства, противопоставляют себя людям, занимающимся государственной деятельностью. Им свойственны размытые представления о политических системах, структурах и институтах. В сочинениях авторы подчеркивают отсутствие у себя интереса к сфере общественной жизни. Участие в общественной жизни ограничивается для них процедурой выборов, причем сама процедура рассматривается как формальность. Характерные для данной установки речевые конструкции: «это все так далеко от нас»,

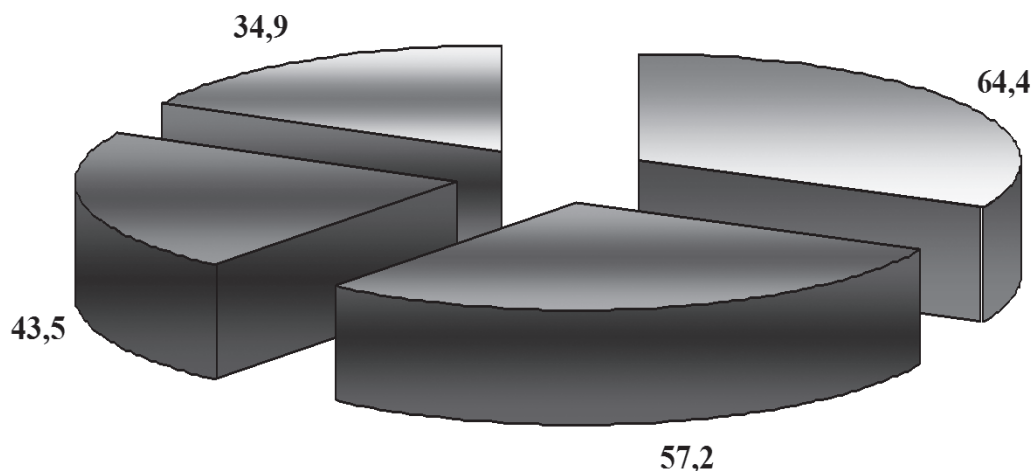
«я не имею к этому никакого отношения», «от меня ничего не зависит».

3. «Установка на избегание». Данному типу свойственны адекватные представления о политической системе страны, относительная грамотность в описании политических процессов. Однако значение придается только тем событиям, которые получили широкий общественный резонанс. Главная особенность установок этого типа – переложение ответственности на других. Главные слова речевого репертуара: «все», «многие». Участие в общественной жизни страны сводится к участию в выборах и службе в армии. Носители данной установки ориентируются главным образом на мнение большинства.

4. «Установка на идеализм». Одним из критериев выделения этого типа послужили «идеалистические», часто преувеличенные, представления о возможности собственного участия в жизни государства. Важная характеристика этого типа заключается в вере респондентов в возможность оказывать значительное личное влияние на политику страны, определять перспективы развития государства. Для них характерны такие речевые конструкции, как: «в будущем я стану политиком, если захочу», «я бы на месте президента». Авторы таких сочинений демонстрируют высокий уровень осведомленности и знаний о политике и процессах, происходящих в государственном управлении, отмечают свой интерес к политике и общественной деятельности. Они приводят примеры собственного участия в политике, и даже в создании молодежной партии. Преимущественно к данному типу относятся студенты гуманитарных специальностей.

По результатам проведенного исследования автором была сформирована матрица установок на российскую политическую идентичность (рисунок 3).

Третьим этапом исследования являлась фокус-группа. Главной задачей стало

■ установка на включенность ■ установка на отчужденность ■ установка на избегание ■ установка на идеализм

Рисунок 3 – Установки на российскую идентичность.

вычленение роли фактора массовых коммуникаций в формировании политической идентичности студентов [3; 4]. Данный этап был проведен 27 февраля 2016 года при помощи сервиса конференцсвязи программы Skype. Всего участие приняло 12 человек, из них 6 – студенты Уральского федерального университета, 4 – студенты Уральского государственного медицинского университета, 2 – студенты Екатеринбургской академии современного искусства. Респонденты не были знакомы между собой, не являлись участниками предыдущих этапов исследования.

Нами был определен пул вопросов, позволяющий сформировать представление о роли средств массовой коммуникации (СМК) в формировании политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга.

Среди вопросов, на которые предлагалось дать ответ респондентам, были следующие:

* Выберите 3 наиболее часто, на Ваш взгляд, используемых студентами средств массовой коммуникации.

* Обоснуйте, почему именно эти средства массовой коммуникации являются наиболее часто используемыми. Дайте не менее 3 тезисов, доказывающих Вашу позицию.

* Как вы считаете, влияют ли средства массовой коммуникации, выбранные Вами, на формирование политической идентичности у студентов?

Работа группы была поставлена в условные рамки: ответ на вопрос принимался только при условии, что все члены фокус-группы согласны с ним.

Для ответа на первый вопрос «Выберете 3 наиболее часто, на Ваш взгляд, используемых студентами средств массовой коммуникации» респондентам были предложены следующие варианты: телевидение, радио, печатные издания, социальные сети, новостные Интернет-порталы.

При ответе на данный вопрос респонденты единодушно сошлись во мнении, что социальные сети и новостные Интернет-порталы являются преобладающими средствами массовой коммуникации среди студентов. Камнем преткновения стал выбор третьего средства массовой коммуникации.

Мнения разделились между телевидением и печатными изданиями. Однако в ходе дискуссии в итоге было выбрано телевидение, хотя многие из группы и называли его «зомбо-ящиком».

На уточняющий вопрос исследователя относительно использования радио как удобного средства коммуникации, которым можно пользоваться в дороге (за рулем или в общественном транспорте), выяснилось, что никто из фокус-группы им не пользуется. Как автолюбители, так и передвигающиеся на общественном транспорте предпочитают слушать свою музыку через гаджеты или аудионосители.

В процессе выработки доказательной базы выдвинутой позиции были озвучены следующие тезисы:

- «Большинство студентов непрерывно серфят в Интернете в поисках информации и при общении с друзьями». Данный тезис обосновывался тем, что все участники группы имели современные гаджеты, позволяющие выйти в Интернет, а наиболее часто скачиваемыми и используемыми приложениями, по мнению респондентов, являются приложения социальных сетей (ВКонтакте, Инстаграм, Фейсбук, Твиттер), а также новостные ленты (Лента.RU, Ведомости, Русский репортер и т. д.).

- «Современной молодежи воспринимать фото-видео-информацию и читать короткие сообщения удобнее, чем большой аналитический материал». Участники группы отметили, что им намного удобнее и привычнее воспринимать короткую информацию. Она лучше усваивается и запоминается.

- «Чтение газет/журналов требует дополнительного времени, которого у студентов нет». Каждый аргументировал данный тезис тем, что для чтения газеты/журнала необходимы определенные условия (сидячее положение, тишина), которые можно получить только в домашних условиях. Студенты не готовы читать печатные издания в общественном транспорте из-за неудобного

формата и невозможности сосредоточиться. А читать газеты или журналы дома многие не хотят либо из-за отсутствия времени, либо из-за того, что отдают дома предпочтение другим средствам массовой коммуникации, например, телевидению.

Данные ответы наглядно демонстрируют теорию клипового мышления [4], сутью которой является доказанное предположение, что молодые люди возрастной категории до 35 лет лучше всего воспринимают короткие сообщения или видео, а также фото-информацию. Данное утверждение подтверждается нарастанием популярности таких социальных сетей, как Твиттер и Инстаграм, позволяющих публиковать короткие (до 30 секунд) видео и сообщения до 400 символов.

Ответ на вопрос «Как вы считаете, влияют ли средства массовой коммуникации, выбранные Вами, на формирование политической идентичности у студентов?» вызвал затруднение, т. к. не все студенты (студенты технического и медицинского направления подготовки) понимали значение термина «политическая идентичность». В ходе дискуссии было принято коллективное решение взять за определение политической идентичности причастность индивида (в нашем случае студента) к политическим процессам, протекающим на территории Российской Федерации. После этого студенты сошлись во мнении, что СМИ оказывают существенное влияние на формирование политической идентичности, т. к. 70% информации (цифра озвучена участниками фокус-группы) воспринимается молодежью посредством выше названных средств. Остальные 30% отводят ключевую роль в формировании политической идентичности межличностной коммуникации (общение с другими людьми), а также информации, получаемой при обучении (лекции, семинары, подготовка к экзаменам и т. д.).

Фокус-группой также было высказано предположение о том, что СМИ являются инструментом мобильности индивида

не только в информационном пространстве, но и в пространстве разнообразных идентичностей, в том числе и политического плана. Наша гипотеза о ключевой роли массовой коммуникации в формировании политической идентичности студенческой молодежи г. Екатеринбурга в ходе проведенного исследования получила свое подтверждение.

1. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10.
2. Дробизева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: ИС РАН, 2002.
3. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
4. Русакова О.Ф. Виртуальная власть масс-медиа //

Дискурс-Пи. Научно–практический альманах. Выпуск 9–10: Дискурс виртуального мира – Дискурс травелога / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург. 2010.

5. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. № 5.

1. Danilova E.N., Yadov V.A. Nestabil'naya social'naya identichnost' kak norma sovremennykh obshhestv // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10.

2. Drobizheva L.M. Rossijskaya i e'tnicheskaya identichnost': protivostoyanie ili sovmestimost' // Rossiya reformiruyushhayasya. M.: IS RAN, 2002.

3. Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika / pod red. L.N. Timofeevoj. – M.: Rossijskaya asociaciya politicheskoy nauki (RAPN); Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2012.

4. Rusakova O.F. Virtual'naya vlast' mass-media // Diskurs-Pi. Nauchno–prakticheskij al'manax. Vypusk 9–10: Diskurs virtual'nogo mira – Diskurs traveloga / pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg. 2010.

5. Semenenko I.S. Obrazy i imidzhi v diskurse nacional'noj identichnosti // Polis. 2008. № 5.

UDC 324

IMAGES OF THE POLITICAL PROCESS IN RUSSIA AND THE ROLE OF MASS MEDIA IN SHAPING POLITICAL IDENTITY OF STUDENTS OF EKATERINBURG

Chusovitina Yulia Pavlovna,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Department of Political Science and Sociology,
master,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: uhusovitina@yandex.ru

Annotation

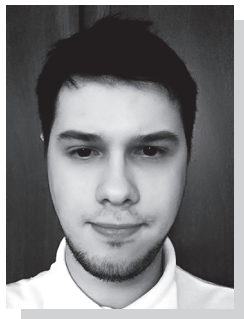
In the article on the basis of sociological research analyzes the symbolic images of Russian politicians and the Russian political process, classification of plants is carried out on a political identity, put forward the hypothesis that the mass communications play a key role in shaping the political identity of students of Yekaterinburg.

Key words:

images of the Russian political process, political identity, install the political identity, students of Yekaterinburg, the media of communication.

УДК 32.001

МЯГКАЯ СИЛА УРУГВАЯ

Боков Игорь Андреевич,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт гуманитарных наук и искусств,
кафедра культурологии и социально-культурной деятельности,
магистрант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: igortalent@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные параметры мягкой силы касательно страны Уругвай, её задачи и цели в сфере мировой политики. Так же дается анализ национальных ценностей, которые пользуются популярностью в других странах мира.

Ключевые слова:

мягкая сила, Уругвай, кино, музыка, спорт, иммиграция, туризм.

Термин «soft power» («мягкая сила») трактуется также как власть (мощь, энергия), обладающая свойствами пластичности, ненавязчивости, эфемерности, хрупкости, нежности, соблазнительности и даже женственности.

В научной литературе понятие «soft power» приобрело характер концепта, то есть представляет собой многослойную смысловую структуру, обладающую интерпретационным разнообразием: теория, ресурсы, дискурс. Концепт «мягкая сила» активно используется исследователями в следующих смыслах:

1) способность государства к политической мобилизации внутри страны и во вне (определение указывает на частный случай возможности использования «мягкой силы»);

2) оказание влияния на других людей при помощи символических ресурсов (определение указывает на частный случай ресурсов);

3) способность заставить людей любить вас (слишком абстрактное определение);

4) воздействие на мир при помощи цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности (определение «мягкая сила» как процесса, что не позволяет ее измерить);

5) комплексный инструментальный для решения внешнеполитических задач (определение через инструменты, а не выявление сути) [9, с. 10–11].

Если сказать лаконично и обобщено, «мягкая сила» направлена на достижение результата с помощью убеждения, притяжения и сотрудничества, а противоположная сила политики, она же «жесткая сила», – направлена на принуждения и вознаграждения [12, с. 112].

В нашей статье мы исключительно рассмотрим мягкую силу на примере одной из латиноамериканских стран – Уругвае.

Уругвай, официально произносится как «Ля Република ориенталь-дель-Уругвай», является небольшой страной, расположенной в Южной Америке на Атлантическом побережье, зажатой между двумя крупнейшими странами этого континента: Бразилией на севере, и на западе и юге Аргентиной. Уругвай занимает площадь 68 020 квадратных миль (176 220 квадратных километров). Столица, Монтевидео, находится на юге страны на Рио-де-ла-Плата. Река Рио-де-ла-Плата впадает в Атлантический океан и отделяет Уругвай от Аргентины на западе, и знаменует границы с Бразилией на северо-востоке. Самой значительной рекой является Рио-Негро или Черная река, которая течет с северо-востока на юго-запад вдоль всей страны. Столица Монтевидео – самый значительный город страны. Плотность населения составляет почти 1 000 человек на квадратную милю (2 500 на квадратный километр). Столица – это место правительства, и более чем две трети Уругвая в промышленности. Монтевидео была основана в 1726 году на мысе вблизи большого залива, который формирует идеальную гавань [11, с. 7–8].

В отличие от большинства государств Латинской Америки население Уругвая весьма однородно – по «самоидентификации» на 2008 г. 95,4% составляли «белые», 3,4% – «черные», и только около 1,1% относили себя к индейскому населению. Экспертные оценки, впрочем, дают долю «черного» населения около 10%, а потомков коренного населения – 5%. Больше половины населения страны очень религиозно, большинство людей принадлежит к римско-католической церкви. Распространены также методистские и англиканские церкви.

Официальным языком в стране является испанский язык, но большинство жителей также говорят на различных европейских языках. На английском языке в стране практически никто не разговаривает.

Подобно другим латиноамериканским странам политическая система Уругвая в значительной мере подражает США. Уругвай представляет собой президентскую республику, президент является главой правительства и исполнительной власти. Президент с вице-президентом избираются сроком на пять лет без возможности переизбрания. Законодательная власть представлена Национальной ассамблеей в составе 31-местного Сената и 99-местной Палаты представителей [8, с. 8].

Уругвай считается одной из самых грамотных стран в Южной Америке. В международном сообществе система образования Уругвая широко признана и имеет весьма высокий рейтинг для такой территориально небольшой страны. Образование в Уругвае имеет главный и неоспоримый плюс – бесплатность. Причем на всех уровнях: от дошкольного и начального обучения до получения высшего образования в колледжах и университетах страны. Более того, альтруизм со стороны системы образования действует не только для граждан Уругвая, но и для тех, кто только недавно приехал в страну. Даже без получения официального вида на жительство любой проживающий в стране иностранец может подать документы в любое понравившееся учебное заведение и получать образование.

Школьное образование в Уругвае обязательно для всех детей, вне зависимости от наличия уругвайского гражданства. Процент умеющих читать в Уругвае составляет 97,7%. Это выше, чем во многих развитых странах, даже выше, чем в Канаде. Это означает, что система образования в Уругвае достаточно эффективна.

Успех уругвайской образовательной системы в значительной степени обязан Хосе Педро-Валеро, который изучал школьную образовательную систему в Европе, в частности во Франции. В его честь назвали провинцию в Уругвае, которая так же называется «Хосе Педро-Валеро».

В Уругвае впервые в мире была реализована программа по выдаче портативных компьютеров всем без исключения школьникам. Проект по обеспечению каждого учащегося Linux-лэптопом, стартовавший в стране в 2007 году, обошелся Уругваю менее чем в 5% годового образовательного бюджета. Ни одна страна мира пока не реализовала ни одного подобного проекта. Кроме дальновидной заботы о развитии на современном техническом уровне будущего поколения граждан Уругвая, в этой удивительной стране так же не на словах, а на деле актуальна и забота о своих пожилых гражданах. Власти Уругвая решили обеспечить 400 тысяч пенсионеров бесплатными планшетными компьютерами. В середине июня 2015 года, во исполнение предвыборных обещаний нового президента Уругвая Табаре Васкеса, власти приступили к реализации данной программы. Целью проведения акции является включение всех жителей страны в сферу цифровых технологий. На реализацию программы запланировано выделить не менее 30 миллионов долларов США [7].

В настоящее время страна развивается в области инноваций, и старается позиционировать себя с хорошей стороны на мировой арене науки. Новым шагом в развитии науки и инноваций страны стал беспрецедентный союз Уругвая и Великобритании.

В 2015 году стало известно, что посольство Великобритании в Монтевидео предложило концепции проектов для совместной работы в области науки и инноваций, путем финансирования совместных проектов между Уругваем и британскими исследовательскими центрами. Реализация совместных проектов будет осуществляться через «АНИ» (Национальное агентство для научных исследований и инноваций Уругвая) [4].

Данная страна латинской Америки также является благоприятной для развития собственного бизнеса. В стране крайне стабилен инвестиционный климат. Уругвайское Правительство осуществляет действенную

поддержку иностранным инвесторам, предоставляя льготные условия налогообложения. Здесь нет ограничений на движение капитала. Сфера деятельности иностранных инвесторов ничем не ограничивается, что является несомненным плюсом для вложения капитала в успешное развитие собственного бизнеса и экономики Уругвая.

В стране крайне ревностно охраняется банковская тайна, особое внимание уделяется гарантированию вкладов. Поэтому клиенты из многих стран мира предпочитают хранить средства именно в уругвайских банках, не уступающих по уровню стабильности и надёжности банкам Швейцарии.

Иммигрирующим предпринимателям из другой страны, которые готовы вести бизнес в Уругвае, будет достаточно легко в сравнительно короткие сроки получить статус постоянного резидента страны. При этом ожидать получения постоянного места жительства можно находясь в этой стране не постоянно.

И вообще, все аспекты, касающиеся иммиграции страны, здесь очень уважают. Иммиграционное законодательство Уругвая позволяет любому человеку стать гражданином Восточной республики Уругвай, не отказываясь от своего текущего гражданства. Иммиграция в Уругвае в первую очередь привлекает бизнесменов тем, что эта страна позволяет открывать оффшоры и имеет Свободные торговые зоны, развивая бизнес, в которых многие предприниматели имеют возможность значительно оптимизировать объёмы выплачиваемых налогов [7].

Иммигрантов также должна впечатлять ветка туризма в стране. Туризм страны является колоритом отдыха для приезжих, и чем он ярче и насыщеннее, тем приятнее отдых в стране. Пунте-дель-Эсте – один из самых знаменитых отелей в мире. В свое время неумный путешественник Карлос Виларо сильно увлекся афро-уругвайской культурой, принесенной чернокожими переселенцами в Южную Америку, и эта страсть осталась

с ним на долгие годы. Когда ему удалось купить небольшой клочок земли на побережье в 1958 году, он за несколько лет сумел возвести на нем своеобразный дом-скульптуру, в котором объединил средиземноморские итальянские мотивы с элементами африканского и креольского народного творчества. Фактически он вылепил свое жилище почти голыми руками из бетона. Со временем усадьба разрослась, появились новые корпуса. Постепенно дом занял весь склон. Периодически художник добавлял комнаты для тех или иных гостей, и Касса пуэбло расширялось вплоть до 1968 года. Позже он открыл здесь отель. Дом напоминает вылепленные из глины и грязи гнезда птицы-печника, привычные для Уругвая. Трудно поверить, что стены Касса пуэбло выполнены не из податливой глины, а из бетона, побеленного сверху. Так автор пытался вырваться из классических рамок и максимально приблизить свое творение к природе. Помимо шикарных, комфортабельных отелей существует огромное количество пляжей и аквапарков [2].

Следующее важное звено мягкой силы страны – это ее «Культура и достояние». Одной из самых популярных личностей страны и ее достоянием считается Артигас Хосе Хервасио. Герой истории за борьбу независимости страны – Артигас Хосе Хервасио (1764–1850). Он был первым, кто собрал армию, целью которой было освободить Уругвай от Испанского нашествия. В 1810 году пришли известия о том, что Наполеон I сместил с престола испанского короля и в вице-королевстве Рио-де-ла-Плата началась Майская революция. Началась война за независимость испанских колоний в Америке. В Буэнос-Айресе Майская революция привела к власти Первую хунту. Артигас вел борьбу против испанцев с армией индейцев и скотоводов. Артигас сформировал «Лигу свободных народов» (*Liga de los Pueblos Libres*), которая провозгласила его своим «Защитником».

Испанцы были успешно изгнаны из Монтевидео в 1814 году. Однако Бразилия

увидела, что недавно была освобождена территория в результате революции, и она решила вторгнуться. В 1816 году Артигасу удалось отбить атаку бразильских войск, но в 1820 бразильско-португальская армия победила его, и он подался в бег. Не имея ни средств, ни людей в сентябре 1820 года Артигас переплыл реку Парану и вручил свою шпагу первому же солдату парагвайской пограничной стражи. Парагвайский диктатор Хосе Франсия сослал его в местечко Канделария. Через тридцать лет Артигас умер на чужбине в глубокой нищете [11, с. 21–22].

Газеты Монтевидео только через месяц сообщили о его смерти. Вокруг имени Артигаса была создана «чёрная легенда». Измышления о нём как о «варваре» долгие годы прививались в уругвайских школах [10, с. 26].

Что касается эстрады и кинематографа, то тут широко известная личность во всем мире – уроженка Монтевидео Наталия Орейро. Родилась 19 мая 1977 года. Отец – Карлос Орейро, занимался коммерцией. Мать – Мабель Орейро, домохозяйка, раньше работала парикмахером. У Наталии есть старшая сестра Адриана, которая владеет магазином одежды.

Уже с восьми лет будущая звезда занималась в театральном кружке, а с двенадцати снималась в уругвайской рекламе. Головокружительная карьера в мире телевидения началась у Орейро в 1992 году с победы на международном конкурсе красоты в Монтевидео. На полученные призовые будущая актриса купила билеты в Буэнос-Айрес, где она настойчиво посещала кастинги ко всем готовящимся телесериалам. Самым громким успехом Орейро на телевидении стала ее главная роль в сериале «Дикий ангел». 16 ноября 1998 года состоялась премьера аргентинской мыльной оперы, которая побила рейтинги на четырех континентах, а также принесла актрисе славу и любовь многочисленных фанатов по всему миру.

8 августа 2000 года уругвайская певица выпустила второй студийный альбом «Tu Veneno». Благодаря таким успешным синглам, как «Tu Veneno», «Rio de la Plata» и «Comote Olvido», было продано более двух миллионов копий диска по всему миру [3].

Одной из восходящих звезд Уругвая, который успел отличиться в мировой индустрии кино, стал амбициозный режиссер и продюсер Федерико Альварес. В 2009 году на бюджет всего в 300 долларов США Альварес снял короткометражный фильм со спецэффектами «Приступ Паники». Фильм получил рейтинг 7,1 от IMDb. Второй, не менее успешной, картиной стал художественный фильм ужасов «Зловещие мертвецы: Черная Книга». Фильм-ремейк на старую версию «Зловещих мертвецов» 1981 года. В России кассовые сборы фильма составили 883 тысячи рублей. В других странах в 4–5 раз больше. Отзывы о фильме были смешанные, но большинство – положительные. Следующая его картина под названием «Человек в темноте» выйдет в свет в 2016 году.

Музыкальная сторона страны очень разнообразна. К коренным музыкальным жанрам относятся: катомбе, мурга, милонга, канто популар. Но эти жанры за пределами страны мало кому известны. К популярному музыкальному экспорту можно смело отнести творчество ранее упомянутой Наталии Орейры. Достаточно известным музыкантом классической музыки, также известным за пределами страны, можно считать Эдуардо Фабини.

В Уругвае никогда не проходили олимпийские игры, но это не повод считать страну неразвитой в спорте. В 1930 году в столице Уругвая городе Монтевидео был проведен первый чемпионат мира по футболу. Это спортивное событие стало началом мирового соперничества по футболу между странами [7].

Самым знаменитым футболистом не только в пределах страны, но и за ее пределами, считается Луис Альберто Суарес.

На данный момент этот футболист – лучший бомбардир в истории сборной Уругвая: 44 гола на его счету. Помимо этого, он является бомбардиром одного из самых престижных футбольных клубов мира «Барселоны».

После трактовки преимуществ мягкой силы страны перейдем к цифрам и рассмотрим более обобщенную статистику Уругвая:

- Уругвай занимает 1-е место в мире по «миролюбивости» (согласно отчету, GPI 2014, Sub-Domain Scores).

- Согласно отчету Political Risk Index 2015, Уругвай занимает 2 место во всей Южной Америке по стабильности в аспекте политических рисков.

- В Уругвае самый высокий уровень жизни и 4-ое место по показателю GDP в Латинской Америке. Вот почему Уругвай считается страной среднего общественного класса.

- По «экологической чистоте» Уругвай стоит на 6-м месте в мире (сразу после Швейцарии).

- Согласно индексу 2010 Global Peace Index, Уругвай – самая безопасная страна в Южной Америке, и занимает 29-е место в списке самых безопасных стран мира.

- Согласно статистике The Global Study on Homicide 2013, Уругвай занимает 140-е место из 219 по уровню преднамеренных убийств.

- Актуальные цифры по индексу верховенства закона (Index rule of law) распределились так: 54% преступлений в стране, и 46% – это абсолютная безопасность по отношению к преступлениям.

Индекс свободы личности (Freedom Index).

- Уругвай входит в 10-ку стран мира по свободе личности.

- Широкое участие граждан в политической жизни. Частое проведение референдумов. Широкий круг прав и свобод личности.

- Уругвай получил высокую оценку по развитию политических прав и граждан-

ских свобод от организации Freedom House наряду с США, Великобританией и многими европейскими странами.

- Высокий уровень политической культуры населения, которую можно охарактеризовать как активистскую.

- Политический режим Уругвая является собой образец жизнеспособности и воли к политическому и экономическому развитию.

В заключение нужно добавить, что мягкая сила Уругвая распространяется по всему миру с помощью экспорта медиапродукции, спорта, и собственной истории. В области спорта уругвайский футбол помог завоевать признательность и восхищение со стороны других спортивных держав. Влияние таких харизматических фигур, как Наталия Орейро и Федерико Альварес помогли завоевать сердца зрителей во многих странах. В стране достаточно привлекательная среда для иммигрантов, это так же значимый параметр, который свидетельствует о высоком уровне soft power в стране. Можно сделать вывод, что интеграция национальных ценностей в другие страны – это правильный политический путь.

«Мягкая сила» – это не просто какая-то туманная абстракция, интересная лишь ученым и студентам, изучающим международные отношения. Ее концепция продолжает широко развиваться, а сама она помогает странам и компаниям извлекать финансовую и культурную выгоду, не прибегая к агрессивной политике, которая затратна, опасна, и не несет собой национальных ценностей [1].

1. Брайан Майкл, Кристофер Хартвелл и Булат Нуреєв. «Мягкая сила» – палка о двух концах?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontсах>.

2. Дом Касапуэбло (Casapueblo) – в Пунте-дель-Эсте (Уругвай). «Мир фактов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://facts-world.ru/arxitektura/dom-kasapueblo-casapueblo-v-punte-del-este-urugvaj/>.

3. Наталья Орейро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://7days.ru/stars/bio/natalya-oreyro.htm#bio>.

4. «Cooperation funds for Science and Innovation in Uruguay» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/world-location-news/cooperation-funds-for-science-and-innovation>.

5. «Making Friends in Uruguay By Frank E. Baxter» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afsa.org/soft-power-high-impact>.

6. UnData – A world of information [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.un.org/>.

7. Uruguay Forever [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uruguayforever.com>.

8. Баранов М. Статья. «Рынок вооружения Уругвая». 2012. 8 с.

9. Русакова О.Ф. Soft Power: Теория, ресурсы, дискурс. Екатеринбург. Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2015. 10–11 с.

10. Хачатуров, Карэн Арменович. Уругвайский феномен: От одного лица в диапазоне полувек / Карэн Хачатуров. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 188 с.

11. Leslie Jermyn. Cultures Of The World. «Uruguay». Marshall Cavendish press. 2002 – 154 p.

12. Nye J. The paradox of American power: «why the world's only superpower can't go it alone». – N.Y.; Oxford Univ. Press, 2002. – 112 p.

1. Brajan Majkl, Kristofer Xartvell i Bulat Nureev. «Myagkaya sila» – palka o dvux konцах?» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontсах>.

2. Dom Kasapue'blo (Casapueblo) – v Punte-del-E'ste (Urugvaj). «Mir faktov» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://facts-world.ru/arxitektura/dom-kasapueblo-casapueblo-v-punte-del-este-urugvaj/>.

3. Natal'ya Orejro [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://7days.ru/stars/bio/natalya-oreyro.htm#bio>.

4. «Cooperation funds for Science and Innovation in Uruguay» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.uk/government/world-location-news/cooperation-funds-for-science-and-innovation>.

5. «Making Friends in Uruguay By Frank E. Baxter» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.afsa.org/soft-power-high-impact>.

6. UnData – A world of information [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://data.un.org/>.

7. Uruguay Forever [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://uruguayforever.com>.

8. Baranov M. Stat'ya. «Rynok vooruzheniya Urugvaya». 2012. 8 s.

9. Rusakova O.F. Soft Power: Teoriya, resursy, diskurs. Ekaterinburg. Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi». 2015. 10–11 c.

10. Xachaturov, Kare'n Armenovich. Urugvajskij fenomen: Ot odnogo lica v diapazone poluveka / Kare'n Xachaturov. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2004. – 188 s.

11. Leslie Jermyn. Cultures Of The World. «Uruguay». Marshall Cavendish press. 2002 – 154 p.

12. Nye J. The paradox of American power: «why the world's only superpower can't go it alone». – N.Y.; Oxford Univ. Press, 2002. – 112 p.

UDC 32.001

SOFT POWER OF URUGUAY

Bokov Igor Andreyevich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of Humanities and Arts,
Department of Cultural and socio-cultural activities,
undergraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: igortalent@inbox.ru

Annotation

The article considers main parameters about soft power of the country Uruguay, its objectives and purpose in the sphere of world politics. Also given analysis of national values that are popular in other countries around the world.

Key words:

soft power, Uruguay, movies, music, sports, immigration, travel.

УДК 32.001

SOFT POWER ТАИЛАНДА**Типпакди Лагкана,**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Институт социальных и политических наук,
Департамент политологии и социологии,
магистрант,
Бангкок, Таиланд,
E-mail: lakkhana.tip@gmail.com

Вирийпханнич Мук,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
Институт социальных и политических наук,
Департамент политологии и социологии,
магистрант,
Бангкок, Таиланд,
E-mail: weil-ich-dich-liebe@hotmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются следующие параметры мягкой силы Таиланда: бизнес-инновации, культура, наука, образование. Дается обзор таким инструментам мягкой силы Таиланда, как еда, рестораны тайской кухни, туризм, спорт, кино, фабрики мысли.

Ключевые слова:

soft power, Таиланд, бизнес-инновации, тайский бокс, тайская кухня, образование, фабрики мысли.

Таиланд – это одна из стран Юго-Восточной Азии. Название (слово «тхай» значит «свобода») вполне себя оправдывает: Таиланд – единственная страна Юго-Восточной Азии, сохранившая независимость от европейских государств, в то время как все соседние страны были колониями Франции или Великобритании.

Проведенное исследование берет за основу концепцию основных компонентов мягкой силы, предложенную Дж. Наем, к которым относятся культура, политиче-

ские ценности и внешняя политика [1], расширяя данную модель до пяти категорий, обозначающих конкретные подвиды soft power: бизнес/инновации (business/innovation), культура (culture), правительство (government), дипломатия (diplomacy), образование (education).

Далее дается смысловая расшифровка указанных подвидов мягкой силы:

- бизнес/инновации – привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям;

- культура – влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны;

- правительство – привлекательность модели управления страны; аналитические центры и «фабрики мысли»;

- дипломатия – способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории;

- образование – привлекательность системы вузовского образования для иностранных студентов, академическая мобильность.

Бизнес-инновации

Всемирный экономический форум 2013 опубликовал результаты рейтинга конкурентоспособности делового мира в 2011–2012 гг. Согласно ему, Таиланд занимает 39 место из 54 позиций [4]. Международный Инновационный Индекс (Innovation Index rankings) – глобальный индекс измерения уровня инноваций в стране, составленный Бостонской консалтинговой группой (БКГ), Национальной ассоциацией производителей (НАМ), Производственным Институтом (МИ), показал, что в 2015 г. Таиланд вошел в топ-60 мировых инновационных регионов с учетом способности правительства поощрять и поддерживать инновации через государственную политику. По такому показателю, как привлечение иностранных инвестиций Таиланд занимает 27 место в таблице инновационного индекса [5].

Мягкая сила тайской кухни

Еда – это символический образ, который может быть использован для передачи идей, ценностей и отношений. Различные социальные группы не только репрезентируют себя через различия в количестве и разнообразии пищи, но также – через отношение к форме подачи и приготовления пищи. Поэтому искусство национальной кухни всегда было неотъемлемой частью традиционной диплома-

тии. Официальные государственные банкеты для иностранных сановников использовались в качестве символов, чтобы показать важность укрепления отношений между странами.

Таиланд всегда использовал тайскую кухню как важный компонент собственного международного влияния, как инструмент построения благоприятного имиджа страны, как способ привлечения иностранных туристов и построения длительных отношений с зарубежными странами.

В 2011 году компания CNN огласила результаты опроса на тему «50 самых вкусных продуктов питания в мире». Результаты показали, что «Massaman» (тайская пища) – самая вкусная еда в мире [3]. Кроме того, в 2014 г. Таиланд вошел в топ-10 стран мира по качеству производимой еды и занял 6-е место после Италии, Китая, Франции, Испании, Греции, опережая Японию, Индию, Мексику и Соединенные Штаты [2]. Тайская еда привлекает людей во многих частях мира, потому что воспринимается как здоровая пища, с низким содержанием жира и альтернативных продуктов.

Топ-10 самых популярных блюд тайской кухни среди иностранцев:

1. Пад Тай;
2. Жареная Утка Карри;
3. Том Кха Гай;
4. Му Сате – шашлык из свинины с карри;
5. Том Ям Кунг – пряные и кислые креветки и овощной суп;
6. Кешью Курица;
7. Курица с Зеленым Карри;
8. Кан Пананг;
9. Пад Крапав – обжаренные базилик и яйцо;
10. Массаман гай.

Расширение ресторанного бизнеса за рубежом для Таиланда является крайне привлекательным делом в плане привлечения инвестиций. В настоящее время, по оценкам правительства, Таиланд имеет около 20 000 ресторанов по всему миру.

До 1960 г. тайская кухня не была распространена за пределами Таиланда. Изменение произошло, когда большое количество иностранцев приехало в Таиланд во время войны во Вьетнаме и впервые попробовало тайскую еду, познакомились с культурой тайской кухни. После этого небольшие тайские рестораны начали открываться в Лондоне, Чикаго, Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. В 1970-х годах в Лондоне было четыре тайских ресторана, а в 2005 г. их насчитывалось уже более трехсот. Точно так же в США в ресторанной индустрии тайская еда взорвала общественность. К началу 1990-х годов насчитывалось более 200 тайских ресторанов в Лос-Анджелесе и Калифорнии [2; 3].

Спорт как мягкая сила Таиланда

Таиланд имеет большие успехи в спортивных соревнованиях на региональном, континентальном и глобальном уровнях, что увеличивает рейтинг спортсменов из Таиланда на Олимпийских играх. Рейтинг улучшается с получением золота, серебра и бронзы, которое выигрывается в каждом из соревнований. Кроме того, Таиланд использует спорт как мягкую силу, создавая международные спортивные мероприятия в Азии (Азиатские игры).

Азиатские игры – это соревнования по легкой атлетике между странами Азии, которые проводятся раз в четыре года Олимпийским Советом Азии (ОСА), сертифицированным Международным олимпийским комитетом (МОК), и рассматриваются как второе по величине соревнование после Олимпийских игр.

Азиатские игры проводились в Бангкоке четыре раза в 1966, 1970, 1978, 1998 году.

Муай Тай (тайский бокс) является национальным видом спорта Таиланда. Это боевое искусство уходит корнями в древние боевые тактики сиамской (тайской) армии.

В 1968 г. в Таиланде была основана Всемирная тайская боксерская ассоциация (WTBA). В США первым тайским инструктором по Муай Тай, создавшим аме-

риканское отделение WTBA, был Аждан Сурачай. Теперь WTBA расширилась и имеет партнерские организации во многих странах мира, таких как Великобритания, Япония, Австралия.

Кроме того, WTBA сотрудничает со многими странами в плане создания международных организаций по боксу, таких как Всемирная Муай Тай Ассоциация (1984), Международная федерация любительского тайского бокса (1993), Всемирный Муай Тай Совет (1995), Всемирная Профессиональная тай Федерация (2004), Всемирный боксерский совет Муай Тай (2005) [6].

Боевой спорт Муай Тай широко демонстрируется в средствах массовой информации, в том числе – в кино, на телевидении, в форме стилистики манга, в виде аниме, видеоигр.

Самые популярные фильмы, пропагандирующие тайский бокс:

Название фильма	Год выпуска
Мастер КИМС	1960-е
Дуэль кулаков	1971
Кровавый спорт	1988
Блюз бойца (А-фу)	2000
Красивый Боксер	2003
Онг Бак: Тайский воин Муай	2003
Рожден сражаться	2004
Чок-Ди: Кикбоксер	2005
Том Юм-Гунг	2005
Бой или полет	2007
Муай Тай Чайя	2007
Шоколад	2008
Вниз для графа	2009
Удар	2011
Только Бог прощает	2013

Туризм – мягкая сила Таиланда

Таиланд является крупным центром путешествия в Юго-Восточной Азии. Таиланд привлекает туристов из всех слоев общества. Четыре года подряд (2010–2013 гг.) Бангкок получал премию одного Нью-Йоркского журнала для путешественников как лучший город для туристического отдыха [7]. В 2013 г. при

голосовании за Бангкок было подано 90,40% голосов, за Стамбул – 89,96%, Флоренцию – 89,84%. Кроме того, с 2005 по 2013 гг. Бангкок семь раз (за исключением 2009 г.) получал награду «Лучший город в Азии» (для путешествия и отдыха) [8].

Критериями, используемыми для ранжирования, были: достопримечательности, культура и обычаи, гигиена питания и вкус, наличие торговых центров, гостеприимство, денежное достоинство.

Почему путешественники выбирают Таиланд? Путем проведенного опроса на одном из сайтов [9] были выяснены основные причины выбора Таиланда:

1. Таиланд доступный: есть сотни гостиниц и гостевых домов в рамках \$20 в ночь; тайская еда недорогая, за \$1 или меньше предлагаются вкусные блюда.

2. Солнце круглый год: в декабре или в мае, в основном, теплые и солнечные дни. Это туристический сезон в Таиланде.

3. Пляжи: пляжи разнообразных типов, потрясающие виды, возможность заняться дайвингом.

Think tanks и образование

Фабрики мысли в Таиланде были созданы по инициативе Управления Национального Совета экономического и социального развития, чтобы обеспечить научно-исследовательские организации инновациями и вырабатывать независимую политику. По этой причине премьер-министр Таиланда генерал Прем Тинсуланона и премьер-министр Канады Пьер Трюдо подписали соглашение о финансовой помощи по созданию фабрик мысли в Таиланде через Канадское агентство международного развития (Canadian International Development Agency). Кроме того, соучредителями аналитических центров в стране стали: Агентство США по международному развитию, группы компаний Мицуи (Mitsui Group companies), компания Юнокал Таиланд (Unocal Thailand) и др.

В 1984 году в Таиланде появился первый аналитический центр, который стал называться «Институт научно-исследовательского развития Таиланда» (TDRI). TDRI является частной, некоммерческой организацией, участвующей в разработке различных политических проектов, в научном анализе государственной внутренней и международной политики.

В настоящее время в Таиланде действует 8 фабрик мысли, которые работают на мировом уровне:

1. Институт научно-исследовательского развития Таиланда (TDRI);

2. Институт безопасности и международных исследований (ISIS);

3. Университет Чулалонгкорна (CU);

4. Глобальная сеть Чула (XГН) при университете Чулалонгкорна;

5. Центр по вопросам окружающей среды и освоению ресурсов энергии (CEERD);

6. Таиландский институт окружающей среды (TEI);

7. Азиатско-Тихоокеанские научно-исследовательские и учебные учреждения по торговле (APTHEТ);

8. Международный институт по торговле и развитию (ОИТ).

В Таиланде можно получить прекрасное образование. В последнее время количество иностранцев, решивших выбрать Таиланд местом обучения для своих отпрысков, растет в геометрической прогрессии [10; 11]. Руководство страны сей факт не может не радовать. Более того, сейчас готовится программа превращения Таиланда в центр образования в Южно-Азиатском регионе. И одна из первых мер, которую правительство собирается предпринять уже в самое ближайшее время, – это увеличение срока действия студенческих виз.

На сегодняшний день в Таиланде учатся студенты из многих стран. Самыми востребованными считаются следующие факультеты: бизнес и управление, реклама, дизайн.

1. Nye, J.S. Soft power: the means to success in world politics. New York: Public Affairs. 2004.
2. http://fic.nfi.or.th/broadcast/Thai_Food.
3. <http://www.joysthaifood.com/thai-food-information/thai-food-in-a-global-market/>.
4. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf.
5. <https://www3.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2198rank.html>.
6. https://en.wikipedia.org/wiki/Muay_Thai_in_popular_culture.
7. <http://www.nationalmultimedia.cjv/national/Bangkok-is-Worlds-Best-for-4th-year-30210861.html>.
8. <http://www.tatnews.org/travel-leisure-poll-ranks-bangkok-asworld%E2%80%99s-best-tourism-city-chiang-mai-10th-best/>.
9. <http://gothailand.about.com/od/planatrip/tp/whythailand.htm>.
10. <http://bizphuket.net/articles/culture/uchitsya-v-tailande.html>.
11. <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/ged-2012-en.pdf>.

UDC 32.001

SOFT POWER OF THAILAND

Lakkhana Tiphakdee,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Department of Political Science and Sociology,
undergraduate,
Bangkok, Thailand,
E-mail: lakkhana.tip@gmail.com

Muk Viriyahbhanij,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of Social and Political Sciences,
Department of Political Science and Sociology,
undergraduate,
Bangkok, Thailand,
E-mail: weil-ich-dich-liebe@hotmail.com

Annotation

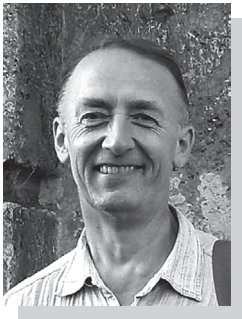
This article discusses the following parameters of soft power in Thailand: Business innovation, culture, science and education. A review of these instruments of soft power as the Thai food, Thai food restaurants, tourism, sports, movies, think tanks.

Key words:

soft power, Thailand, business innovation, Thai boxing, Thai food, education, think tanks.

УДК 1 (091) + 16

ДВЕ НОВЫЕ АКСИОМЫ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ (взаимосвязь доказуемости, истинности, невыразимости, непоколебимой веры и непроверяемого знания: Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Тарский; Дж. Мур)

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

В систему аксиом рационалистической эпистемологии априорного знания добавляются еще две аксиомы. Первая – принцип классической логической семантики А. Тарского: « r истинно», если и только если p (где p – некое высказывание). Вторая аксиома – принцип эквивалентности (неопровержимого знания, что p) и (непоколебимой веры, что p). Именно на основании этого (второго) принципа пресловутое предложение Дж. Мура воспринимается как парадокс. В настоящей статье указанные две аксиомы включаются в то подмножество множества аксиом философской эпистемологии как системы, которое характеризует (определяет) априорное знание. В истории философии и логики обе указанные выше аксиомы подвергались критике, которая в некотором отношении справедлива: имеется в виду отношение к эмпирическому знанию (апостериори). Принципы (общие положения), на основании которых эта критика является действительно справедливой, включаются в данной статье в число аксиом философской эпистемологии, характеризующих (определяющих) эмпирическое (апостериорное) знание.

Ключевые слова:

априорное, апостериорное, непроверяемое, знание, непоколебимая, вера, доказуемость, истинность, невыразимость.

*«Иногда говорят следующее:
Сказать будто утверждение истинно, не значит сделать еще какое-либо дальнейшее утверждение.*

Во всех предложениях формы « r является истинным» фраза «является истинным» логически излишня. Говорить, что суждение является истинным, означает всего лишь

его утверждение, а говорить, что оно является ложным, означает утверждение его противоречия.

Но это неверно»

(Дж. Остин [13, с. 299–300]).

В статье [9] впервые констатируется и объясняется (теоретически интерпретируется) историко-философский факт *естественно возникающей иллюзии* логического противоречия между Лейбницем [3] и Гёделем [1; 11; 12; 14; 17], которое устраняется с помощью введения следующих дефиниций DF-1 и DF-2.

DF-1: $Ap \equiv (Kp \& (\Box p \& \Box (p \leftrightarrow Dp)))$.

DF-2: $Эр \equiv (Kp \& (\neg \Box p \vee \neg \Box (p \leftrightarrow Dp)))$.

В этих дефинициях: символ *Kp* обозначает высказывание «субъект имеет знание, что *p*», где *p* – некое высказывание; символ *Aa* – «субъект имеет *априорное* знание, что *p*»; *Эa* – «субъект имеет *апостериорное* (эмпирическое) знание, что *p*»; *Dp* – «доказуемо, что *p*». Символы \leftrightarrow , \neg , $\&$, \vee , \Box обозначают «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая дизъюнкция», «необходимо, что», соответственно. Символ \equiv обозначает отношение логической равносильности.

Согласно статье [9], если дефиниции DF-1 и DF-2 принимаются, то если оптимистический¹ принцип эпистемологии Лейбница «всякая истина доказуема» [3, с. 587, 589, 603, 604] относится к *априорному* знанию, то он не ошибочен, а совершенно адекватен, так как, согласно DF-1, из *Ap* логически следует, что $\Box (p \leftrightarrow Dp)$. Проблема-противоречие между Лейбницем и Гёделем разрешается, так как (имеющая место в случае метатеорем Гёделя о неполноте формальной арифметики) истинность дизъюнкта $\neg \Box (p \leftrightarrow Dp)$ означа-

ет, что «знание, что *p*» является *эмпирическим* (апостериорным).

В дополнение к вышесказанному в настоящей статье обращается внимание на то, что приведенные выше дефиниции выражают собой лишь фрагмент (важный, но все-таки только фрагмент) конструируемой универсальной (синтезирующей) системы аксиом философской теории знания. Для достижения искомого синтеза в данной статье впервые в логико-философской литературе предлагается добавить к указанному выше фрагменту еще один важный фрагмент (тоже всего лишь фрагмент), который, абстрагируясь от всех других важных фрагментов, можно представить в виде следующих двух дефиниций.

DF-3: $Ap \equiv (Kp \& (\Box (p \leftrightarrow Tp) \& \Box (Kp \leftrightarrow Vp)))$.

DF-4: $Эр \equiv (Kp \& (\neg \Box (p \leftrightarrow Tp) \vee \neg \Box (Kp \leftrightarrow Vp)))$.

В этих определениях символы *Tp* и *Vp* обозначают, соответственно, логические формы «предложение, информирующее о том, что *p* истинно» и «субъект верит, что *p*».

В том *частном* случае, когда субъект *априори* знает, что *p*, логическая форма $(Kp \& \neg Vp)$ действительно представляет собой абсурд (логическое противоречие), так как, согласно DF-3, из *Ap* логически следует $(Kp \leftrightarrow Vp)$. Однако в *другом* (но тоже *частном*) случае, когда субъект *из опыта* (апостериори) знает, что *p*, логическая форма $(Kp \& \neg Vp)$ вполне может и не представлять собой абсурд, т.е. логическим противоречием может и не быть, так как, согласно DF-4, из $\neg \Box (Kp \leftrightarrow Vp)$ логически следует не абсурд, а Эр. Это значит, что в сфере человеческого *опыта* может быть так, что субъект или (знает, что *p*, но не верит, что *p*) или (верит, что *p*, но не знает, что *p*). В этом нетрудно убедиться, проделав следующие преобразования. Согласно алетической модальной логике, формула $\neg \Box (Kp \leftrightarrow Vp)$ логически равносильна формуле $(\Diamond \neg (Kp \leftrightarrow Vp))$, где символ \Diamond обозначает алетическую модальность «возможно, что». Согласно пропозициональной

1 Мировоззренческий оптимизм – отличительная черта философии Лейбница. Наиболее явно и систематично он сформулирован в «Теодицее» [4]. Однако не только философская теология Лейбница оптимистична. Оптимизм характерен для всех аспектов его философии, в частности, для его философской эпистемологии [2; 3].

логике, формула $\neg (Kp \leftrightarrow Vp)$ логически равносильна формуле $((Kp \& \neg Vp) \vee (Vp \& \neg Kp))$. Поэтому, если $(\diamond ((Kp \& \neg Vp) \vee (Vp \& \neg Kp)))$, то, согласно DF-4, истинно Эр , т. е. речь идет об эмпирическом знании (апостериори). Сказанное позволяет по-новому взглянуть на обширную логико-философскую литературу, посвященную эпистемическому парадоксу Мура [8; 18–29; 34–42]. Дело в том, что, согласно DF-4, из того, что 1) Эр (знание, что p , является эмпирическим), и 2) принцип $(p \leftrightarrow Tp)$ не оспаривается (принимается в качестве универсально истинного), логически следует, что $(\diamond (Kp \& \neg Vp)) \vee (\diamond (Vp \& \neg Kp))$.

Теперь рассмотрим встречающийся в определении DF-3 конъюнкт $\square (p \leftrightarrow Tp)$. На первый взгляд, если рассуждать в рамках классического рационализма, ориентирующегося всецело на необходимо универсальное знание априори, то принцип $\square (p \leftrightarrow Tp)$ совершенно очевиден, и непонятно как он может быть оспорен или поставлен под сомнение. Однако в истории философии и логики обсуждаемый принцип под сомнение ставился и оспаривался [13; 15; 16]. Один из возможных выходов из затруднительного положения заключается, по моему мнению, в формальном разграничении сфер знания априори и знания апостериори. В рамках рационалистической парадигмы априоризма принцип $\square (p \leftrightarrow Tp)$ совершенно адекватен. Однако если выйти за рамки этой парадигмы (внутренней замкнутости и самодостаточности) во внешний мир *опыта*, то положение изменится. В эмпирическом познании может быть так, что $\neg (p \leftrightarrow Tp)$.

Теперь, стремясь к построению некоей единой концептуальной схемы философской эпистемологии, естественно попытаться синтезировать взаимодополняющие пары дефиниций $\langle DF-1, DF-2 \rangle$ и $\langle DF-3, DF-4 \rangle$. Простейшим вариантом их естественного синтеза может служить следующая пара определений $\langle DF-5, DF-6 \rangle$.

DF-5: $\text{Ар} \equiv (Kp \& (\square p \& \square (p \leftrightarrow Tp) \& \square (Kp \leftrightarrow Vp)))$.

DF-6: $\text{Эр} \equiv (Kp \& (\neg \square p \vee \neg \square (p \leftrightarrow Tp) \vee \neg \square (Kp \leftrightarrow Vp)))$.

Сравнив данные выше определения априорного знания DF-1 и DF-3 с определением DF-5, нетрудно заметить, что они не являются логически эквивалентными: из DF-5 логически следует DF-1, но не наоборот; из DF-5 логически следует DF-3, но не наоборот. По сравнению с DF-1 и DF-3, в дефиниции DF-5 критерий априорности знания ужесточился.

В наглядной форме сказанное выше может быть представлено с помощью следующей ниже графической модели, которую естественно назвать логическим квадратом и гексагоном оппозиции эпистемологических понятий: «знание (вообще)»; «априорное знание»; «опытное (эмпирическое) знание»; «незнание (вообще)».

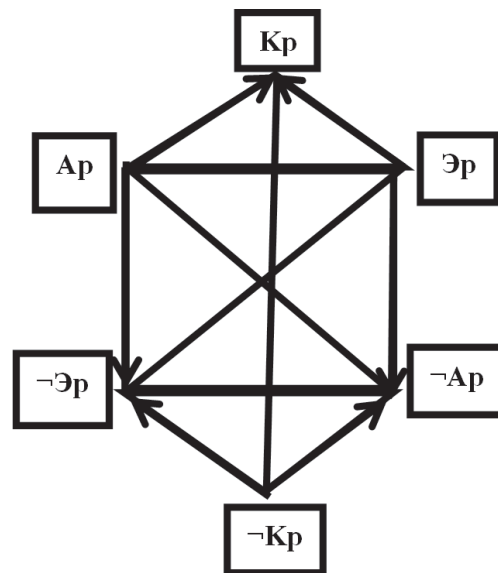

Рисунок 1 – Логический квадрат (и гексагон), моделирующий непротиворечивый синтез априоризма и эмпиризма в одной концептуальной схеме эпистемологии².

² К сожалению, в фотографически том же самом рисунке в статье [10, с. 18] издательство допустило опечатку, которой не было в моей рукописи. Приходится надеяться, что из контекста читатель сам сделает вывод, что в правом нижнем углу квадрата должно находиться выражение $\neg \text{Ар}$

Эта графическая модель логической взаимосвязи эпистемологических модальностей Kp , Ap , $\mathcal{E}p$, $\neg Ap$, $\neg \mathcal{E}p$, $\neg Kp$ уже неоднократно использовалась в ряде моих публикаций [9; 10]. Однако такое многократное повторение, на первый взгляд «одного и того же», не является в данном случае неоправданным цитированием самого себя.

Дело в том, что в разных моих статьях представленный выше рисунок (имеющий в данной статье номер 1) является «одним и тем же» с точки зрения только чисто геометрической и чисто фотографической. Представленные в разных моих статьях качественно различные дефиниции эпистемологических модальностей Kp , Ap , $\mathcal{E}p$, $\neg Ap$, $\neg \mathcal{E}p$, $\neg Kp$, логические взаимосвязи которых друг с другом графически моделируются одним и тем же (с фотографической точки зрения) объектом (рис. 1), приводят к тому, что чисто внешне (фотографически) одинаковые объекты на самом-то деле являются качественно различными объектами с точки зрения разных интерпретаций, даваемых символам (Kp , Ap , $\mathcal{E}p$, $\neg Ap$, $\neg \mathcal{E}p$, $\neg Kp$) в этих разных статьях.

В настоящей работе от нормативно-оценочного аспекта обсуждаемых эпистемологических понятий мы преднамеренно абстрагировались; читатель, заинтересованный в систематическом изучении и точном определении именно этого их аспекта может обратиться к публикациям [5–8; 10; 30–34], в которых он специально рассматривается.

1. Клини С.К. Введение в метаматематику. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 526 с.

2. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме автора системы предустановленной гармонии // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.

3. Лейбниц Г.В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 572–616.

4. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.

5. Лобовиков В.О. Единство алетических, мажоритарных, эпистемических, аксиологических, деонтических и утилитарных модальностей в двузначной алгебре

формальной аксиологии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 9. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. С. 123–140.

6. Лобовиков В.О. Логика и аксиология эпистемических модальностей (Истина, знание, и вера как ценностные функции от двух переменных в алгебре формальной аксиологии) // Современная логика: проблемы теории и истории: Материалы XI Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 июня 2010 г. – СПб: СПбГУ, 2010. С. 200–203.

7. Лобовиков В.О. От формальной логики к формальной этике (От учения Джона Остина о перформативах к двузначной алгебре формальной аксиологии) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2012. № 4 (109). С. 17–31.

8. Лобовиков В.О. Эпистемический парадокс Джорджа Мура с точки зрения двузначной алгебры формальной этики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2 (26). С. 140–147.

9. Лобовиков В.О. Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г.В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 65–71.

10. Лобовиков В.О. Аксиоматическая система эпистемологии // Известия Уральского Федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 5–19

11. Манин Ю.И. Доказуемое и недоказуемое. М.: Советское радио, 1979. 167 с.

12. Мендельсон Э. Введение в математическую логику. М.: Наука, 1976. 320 с.

13. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

14. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Гос. Изд-во иностранной литературы, 1948. 326 с.

15. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: «Дом интеллектуальной книги»; «Прогресс-Традиция», 1998. С. 91–129.

16. Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 19–173.

17. Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.

18. Almeida, C. What Moore's Paradox Is About // Philosophy & Phenomenological Research. 2001. Vol. 62. Issue 1, pp. 33–59.

19. Bovens, L. 'P and I Will Believe that not-P': Diachronic Constraints on Rational Belief // Mind. 1995. Vol. 104 (416): pp. 737–760.

20. Chan, T. Belief, assertion and Moore's Paradox // Philosophical Studies. 2008. Vol. 139. Issue 3, pp. 395–414.

21. Cholbi, M. Moore's Paradox and Moral Motivation // Ethical Theory & Moral Practice. 2009. Vol. 12. Issue 5, pp. 495–510.

22. Fernández, J. Self-Knowledge, Rationality and Moore's Paradox // *Philosophy & Phenomenological Research*. 2005. Vol. 71. Issue 3, pp. 533–556.
23. Gillies, A. S. A New Solution to Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 105. Issue 3, pp. 237–250.
24. Green, M.S. and Williams, J.N., eds. *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality and the First-Person*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 2007. 247 p.
25. Green, M.; Williams, J. Moore's Paradox, Truth and Accuracy // *Acta Analytica*. 2011, Vol. 26. Issue 3, pp. 243–255.
26. Heal, J. Moore's paradox: A Wittgensteinian approach // *Mind*. 1994. Vol. 103. Issue 409, pp. 5–23.
27. Huddleston, A. Naughty beliefs // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 160. Issue 2, pp. 209–222.
28. Larkin, W.S. Shoemaker on Moore's Paradox and Self-Knowledge // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96. Issue 3, pp. 239–252.
29. Linville, K. & Ring, M. Moore's Paradox Revisited // *Synthese*. Vol. 87. Issue 2, pp. 295–309.
30. Lobovikov V. Modal Logic and Formal Axiology of Alethic and Epistemic Modalities // *Proceedings of the 7th Panhellenic Logic Symposium (PLS7) at Patras University, Greece, July 15–19, 2009* [Eds: Costas Drossos; Pavlos Peppas; Constantine Tsinakis]. Patras, Greece: Patras University Press, 2009. P. 112–116.
31. Lobovikov V. Episteme and scientific knowledge as significantly different evaluation-functions in algebra of metaphysics (a law of contraposition of the two functions in metaphysics algebra) // *Metaphysics 2009. Proceedings of 4th World Conference (Rome, November 5–7, 2009)* / Edited by Paolo Zordan, Robert Badillo, Montserrat Lafuente. Madrid: Fondazione Idente di Studi e di Ricerca, 2011. P. 565–574.
32. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing the Value of Knowledge // *Epistemology: Contexts, Values, Disagreement. Papers of the 34th International Wittgenstein Symposium (August 7–13, 2011, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria)*. [Eds: Christoph Jäger; Winfried Löffler]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XIX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2011. P. 175–177.
33. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: "Being", "Knowing", "Faith", "Love", et al // *Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas / Santiago de Chile*. 2014. № 8. pp. 4–22.
34. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // *Philosophy Study*, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
35. McGlynn, A. Believing Things Unknown // *Nous*. 2013. Vol. 47. Issue 2, pp. 385–407.
36. Moore G.E. *Selected Essays* (edited by Thomas Baldwin). London; New York: Routledge, 1993. 218 p.
37. Read, R. A strengthened ethical version of Moore's Paradox? Lived paradoxes of self-loathing in psychosis and neurosis // *Philosophical Psychology*. 2012. Vol. 25. Issue 1, p. 133–141.
38. Rosenthal, D.M. Moore's Paradox and Consciousness // *AI, Connectionism and Philosophical Psychology. Philosophical Perspectives*. 9. Atascadero, CA: Ridgeview, 1995. pp. 313–334.
39. Shoemaker, S. Moore's Paradox and Self-Knowledge // *The First-Person Perspective and other essays*. New York: Cambridge University Press, 1996. pp. 74–96.
40. Vidal, J. Autoreferencia, autoconciencia y la paradoja de Moore (Language: Spanish) // *Crítica*. 2012. Vol. 44. Issue 131, pp. 55–81.
41. Williams, J.N. Moore's paradoxes, Evans's principle and self-knowledge // *Analysis*. 2004. Vol. 64. Issue 4, pp. 348–353.
42. Williams, J.N. Moore's paradox and the priority of belief thesis // *Philosophical Studies*. 2013. Vol. 165. Issue 3, pp. 1117–1138.
-
1. Klini S.K. *Vvedenie v metamatematiku*. M.: Izdvo inostr. lit., 1957. 526 s.
2. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii // *G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. S. 47–545*.
3. Lejbnic G.V. Obshhie issledovaniya, kasayushiesya analiza ponyatij i istin // *G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 572–616*.
4. Lejbnic G.V. Opyty teodicei o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // *G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. S. 49–554*.
5. Lobovikov V.O. Edinstvo aleticheskix, mazhoritarnyx, e'pistemicheskix, aksiologicheskix, deonticheskix i utilitarnyx modal'nostej v dvuznachnoj algebre formal'noj aksiologii // *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vyp. 9. Ekaterinburg: UrO RAN, 2009. S. 123–140*.
6. Lobovikov V.O. Logika i aksiologiya e'pistemicheskix modal'nostej (Istina, znanie, i vera kak cennostnye funkcii ot dvux peremennyx v algebre formal'noj aksiologii) // *Sovremennaya logika: problemy teorii i istorii: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 24–26 iyunya 2010 g. – SPb: SPbGU, 2010. S. 200–203*.
7. Lobovikov V.O. Ot formal'noj logiki k formal'noj e'tike (Ot ucheniya Dzhona Ostina o performativax k dvuznachnoj algebre formal'noj aksiologii) // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*. 2012. № 4 (109). S. 17–31.
8. Lobovikov V.O. E'pistemicheskij paradoks Dzhordzha Mura s tochki zreniya dvuznachnoj algebry formal'noj e'tiki // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2014. № 2 (26). C. 140–147.
9. Lobovikov V.O. Istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti i dokazuemosti:

- G.V. Lejbnic; A. Tarskij; K. Gyodel' // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 65–71.
10. Lobovikov V.O. Aksiomatičeskaya sistema e'pistemologii // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki. 2016. № 1 (149). S. 5–19
11. Manin Yu.I. Dokazuemoe i nedokazuemoe. M.: Sovetskoe radio, 1979. 167 s.
12. Mendel'son E'. Vvedenie v matematicheskuyu logiku. M.: Nauka, 1976. 320 s.
13. Ostin Dzh. Izbrannoe. M.: Ideya-Press; Dom intellektual'noj knigi, 1999. 332 s.
14. Tarskij A. Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnyx nauk. M.: Gos. Izd-vo inostrannoj literatury, 1948. 326 s.
15. Tarskij A. Semantičeskaya koncepciya istiny i osnovaniya semantiki // Analitičeskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya). M.: «Dom intellektual'noj knigi»; «Progress-Tradiciya», 1998. S. 91–129.
16. Tarskij A. Ponyatie istiny v yazykax deduktivnyx nauk // Filosofiya i logika L'vovsko-Varshavskoj shkoly. M.: Rossijskaya političeskaya e'nciklopediya, 1999. S. 19–173.
17. Uspenskij V.A. Teorema Gyodelya o nepolnote. M.: Nauka, 1982. 110 s.
18. Almeida, C. What Moore's Paradox Is About // *Philosophy & Phenomenological Research*. 2001. Vol. 62. Issue 1, pp. 33–59.
19. Bovens, L. 'P and I Will Believe that not-P': Diachronic Constraints on Rational Belief // *Mind*. 1995. Vol. 104 (416): pp. 737–760.
20. Chan, T. Belief, assertion and Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 139. Issue 3, pp. 395–414.
21. Cholbi, M. Moore's Paradox and Moral Motivation // *Ethical Theory & Moral Practice*. 2009. Vol. 12. Issue 5, pp. 495–510.
22. Fernández, J. Self-Knowledge, Rationality and Moore's Paradox // *Philosophy & Phenomenological Research*. 2005. Vol. 71. Issue 3, pp. 533–556.
23. Gillies, A.S. A New Solution to Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 105. Issue 3, pp. 237–250.
24. Green, M.S. and Williams, J.N., eds. *Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality and the First-Person*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 2007. 247 p.
25. Green, M.; Williams, J. Moore's Paradox, Truth and Accuracy // *Acta Analytica*. 2011, Vol. 26. Issue 3, pp. 243–255.
26. Heal, J. Moore's paradox: A Wittgensteinian approach // *Mind*. 1994. Vol. 103. Issue 409, pp. 5–23.
27. Huddleston, A. Naughty beliefs // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 160. Issue 2, pp. 209–222.
28. Larkin, W.S. Shoemaker on Moore's Paradox and Self-Knowledge // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96. Issue 3, pp. 239–252.
29. Linville, K. & Ring, M. Moore's Paradox Revisited // *Synthese*. Vol. 87. Issue 2, pp. 295–309.
30. Lobovikov V. Modal Logic and Formal Axiology of Alethic and Epistemic Modalities // *Proceedings of the 7th Panhellenic Logic Symposium (PLS7) at Patras University, Greece, July 15–19, 2009* [Eds: Costas Drossos; Pavlos Peppas; Constantine Tsinakis]. Patras, Greece: Patras University Press, 2009. P. 112–116.
31. Lobovikov V. Episteme and scientific knowledge as significantly different evaluation-functions in algebra of metaphysics (a law of contraposition of the two functions in metaphysics algebra) // *Metaphysics 2009. Proceedings of 4th World Conference (Rome, November 5–7, 2009)* / Edited by Paolo Zordan, Robert Badillo, Montserrat Lafuente. Madrid: Fondazione Idente di Studi e di Ricerca, 2011. P. 565–574.
32. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing the Value of Knowledge // *Epistemology: Contexts, Values, Disagreement. Papers of the 34th International Wittgenstein Symposium (August 7–13, 2011, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria)*. [Eds: Christoph Jäger; Winfried Löffler]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XIX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2011. P. 175–177.
33. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: "Being", "Knowing", "Faith", "Love", et al // *Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas / Santiago de Chile*. 2014. № 8. pp. 4–22.
34. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // *Philosophy Study*, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159-5313/2016.01.004).
35. McGlynn, A. Believing Things Unknown // *Nous*. 2013. Vol. 47. Issue 2, pp. 385–407.
36. Moore G.E. *Selected Essays* (edited by Thomas Baldwin). London; New York: Routledge, 1993. 218 p.
37. Read, R. A strengthened ethical version of Moore's Paradox? Lived paradoxes of self-loathing in psychosis and neurosis // *Philosophical Psychology*. 2012. Vol. 25. Issue 1, p. 133–141.
38. Rosenthal, D.M. Moore's Paradox and Consciousness // *AI, Connectionism and Philosophical Psychology. Philosophical Perspectives*. 9. Atascadero, CA: Ridgeview, 1995. pp. 313–334.
39. Shoemaker, S. *Moore's Paradox and Self-Knowledge // The First-Person Perspective and other essays*. New York: Cambridge University Press, 1996. pp. 74–96.
40. Vidal, J. Autoreferencia, autoconciencia y la paradoja de Moore (Language: Spanish) // *Crítica*. 2012. Vol. 44. Issue 131, pp. 55–81.
41. Williams, J.N. Moore's paradoxes, Evans's principle and self-knowledge // *Analysis*. 2004. Vol. 64. Issue 4, pp. 348–353.
42. Williams, J.N. Moore's paradox and the priority of belief thesis // *Philosophical Studies*. 2013. Vol. 165. Issue 3, pp. 1117–1138.

UDC 1 (091) + 16

TWO NEW AXIOMS FOR RATIONALISTIC EPISTEMOLOGY (Interconnection of Provability, Truthfulness, Inexpressibility, Not-Revisable Belief and Irrefutable Knowledge: G.W. Leibniz; K. Gödel; A. Tarski; G. Moore)

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

Two new axioms are added to the system of rationalistic epistemology of a-priori knowledge. The first is the principle of classical logic semantics of A. Tarski: «p» is true», if and only if p (where p is a proposition). The second axiom is the principle of equivalence of (irrefutable knowledge that p) and (not-revisable belief that p). Just on the basis of this (second) principle the notorious sentence of G. Moore is perceived as a paradox. In the present article the indicated two axioms are included into that subset of the set of axioms of philosophical epistemology system which subset characterizes (defines) a-priori knowledge. In the history of philosophy and logic both above-indicated axioms were objects of the critique which is in some relation reasonable: the relation to empirical knowledge is implied here. In this paper the principles (general statements) on the basis of which the critique is actually reasonable are included into that subset of axioms of philosophical epistemology which subset characterizes (defines) empirical (a-posteriori) knowledge.

Key words:

a-priori, a-posteriori, irrefutable, knowledge, not-revisable, belief, provability, truthfulness, inexpressibility.

УДК 130.121

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ФИЛОСОФА: А.Х. КАСЫМЖАНОВ

Булекбаев Сагади Байузакович,

Казахский университет международных отношений
и мировых языков им. Абылай-Хана,
доктор философских наук, профессор,
Алматы, Республика Казахстан,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы историко-философского наследия выдающегося философа советского и постсоветского периода А. Х. Касымжанова, в своем творчестве пересмысливавшим соотношение прогресса и преемственности, традиции и новаторства в период глубоких социальных трансформаций.

Ключевые слова:

философия, история философии, культурное наследие, мировая и национальная культуры, казакское общество и культура на рубеже тысячелетий.

По сложившейся традиции современники чаще и охотнее рассматривают труды мыслителей отдаленного прошлого, нежели тех, которые жили всего лишь несколько десятков лет назад. Здесь, по-видимому, срабатывает комплекс обывателя, для которого «нет пророка в своем Отечестве». Хотя, на мой взгляд, ряд мыслителей второй половины двадцатого века, по реальному вкладу в развитие философских проблем, заслуживают гораздо большего внимания и изучения. Здесь речь идет, в первую очередь, о таких советских философах, как Э. В. Ильенков, П. В. Копнин, О. Г. Дробницкий, М. К. Мамардашвили, А. Х. Касымжанов, М. С. Орынбеков. Отличительной особенностью творчества этих крупных философов было то, что все

они работали в тех областях философии, которые были мало связаны с официальной идеологией. В основном они занимались историко-философскими проблемами, проблемами мышления и культуры, диалектическим материализмом. Такая тематика научных интересов в условиях тоталитарного режима, по-видимому, позволяла им, в определенной мере, сохранять в чистоте научную совесть, то есть, с одной стороны, показывать, что они и не апологеты системы, а, с другой, и не противники системы. Короче говоря, они старались заниматься проблемами, которые в определенной мере являлись нейтральными в сфере философии.

В этой плеяде выдающихся философов советского и постсоветского периода осо-

бо хочу отметить и нашего выдающегося соотечественника, доктора философских наук, профессора Агына Хайрулловича Касымжанова (1931–2000). На мой взгляд, он внес огромный вклад в развитие мировой и отечественной философии, который, к великому сожалению, до конца не изучен и не оценен. Основанием для такого вывода являются, по меньшей мере, два обстоятельства: во-первых, это то, что даже в дипломных работах и магистерских диссертациях КазНУ им. Аль-Фараби, связанных с историко-философскими проблемами, ничтожно мало ссылок на труды А.Х. Касымжанова, имеющего в этой области очень глубокие исследования, а, во-вторых, это то, что до сих пор в Казахстане не переизданы не только все его труды, но даже и те его работы, которые были крупными событиями в философском мире. Сейчас их практически нигде не найдешь, хотя Агын Хайруллович оставил довольно большое наследие. В этом плане не только анализ всех его трудов, но даже перечень опубликованных работ занял бы несколько страниц. Поэтому, в данной статье я попытаюсь лишь в абрисной форме отметить некоторые крупные проблемы, затронутые в трудах нашего выдающегося философа.

Уже в первых его работах, связанных с такой актуальной проблемой советской философии, как диалектика, можно видеть глубину, масштабность и высокую культуру его философского мышления. Особенно это проявилось в его работе под названием «Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания» (1962 г.), которая стала одним из краеугольных камней известной казахстанской школы диалектической логики, занявшей достойное место в советской философии. Попутно отмечу, что в те годы по этой тематике были изданы несколько работ маститых советских философов: это и монография академика Б.М. Кедрова под названием «Единство диалектики, логики и теории познания», это и работа академика П.В. Копнина «Диалектика как логика

и теория познания», ну и, наконец, монография профессора З.М. Оруджева «Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса». Возможно, это мое субъективное мнение, но, на мой взгляд, более сжато и по существу эта проблема была раскрыта в работе А.Х. Касымжанова.

После этой работы крупным событием в философском мире, бесспорно, стала работа А.Х. Касымжанова «Как читать и изучать «Философские тетради В.И. Ленина» (1967 г.), где он, изучая конспекты В.И. Ленина по истории философии, высказывает очень глубокие и очень ценные суждения по ключевым проблемам истории и теории мировой и европейской философии.

Говоря о творчестве профессора А.Х. Касымжанова в советский период, отмечу следующий момент: он, как и многие талантливые и честные ученые, которые были вынуждены жить и творить в условиях тоталитарной системы, находились в условиях, схожими с теми, в которых находились и наши великие казахские просветители, которые, как он писал, находились в состоянии «трагического надлома казахской души, каждый из них чувствовал безысходность, отсутствие выбора после поражения Кенесары Касымова, и должен был искать путей возрождения «духа предков», а через него – возможностей приобщения к мировому цивилизационному процессу». В этом плане и он вполне осознавал, с одной стороны, бесперспективность борьбы с существующей системой, а, с другой, пытался, хотя бы в рамках этой системы, сделать что-то полезное для своего народа и своей науки. Очень часто в разговоре с ним явственно ощущалось, что он знает что-то очень важное и что-то очень глубокое о нашей истории и нашей реальности, но которое пока недоступно многим. И что об этом он пока ничего не может рассказать нам. Нужно сказать, что он смог высказать и написать обо всем этом лишь после того, как наша страна обрела свободу и независимость. На мой взгляд,

работы Агына Хайрулловича именно этих лет нуждаются в особом внимании и изучении, поскольку именно они являются наиболее пострадавшими и прочувствованными в годы тоталитарного режима.

В этом плане отмечу лишь некоторые его работы, написанные после развала Союза в 1994–1999 годах: «Жгучее самоопределение степи на пороге третьего тысячелетия», «Казахское просвещение и перспективы изучения культурного наследия» и «Стелы Кошо Цайдама». В своей работе «Казахское просвещение и перспективы изучения культурного наследия» А. Х. Касымжанов на основе глубокого анализа творчества великих казахских просветителей – и не только их – раскрывает глубокий смысл казахского просвещения и, вместе с тем, дает глубоко обоснованную программу изучения культурного наследия для казахского народа. По его мнению, многие высказывания наших просветителей не утратили глубокого смысла и по сей день, и имеют важное значение для будущего независимого Казахстана. Согласно ученому, для наших просветителей характерными были «Призыв, желание приобщить свой народ к тому, что завоевано соседями по пути цивилизации, требование возвыситься над узко национальным бахвальством, самомнением, критическое отношение к тем же соседям, когда они проявляют насилие, жестокость, высокомерие, навязывают свои стандарты, видят в соседях великое, значительное, общечеловеческое – взятое вместе это как небо от земли далеко от приписываемого им преклонения перед всем русским только за то, что оно русское. А вдобавок и Абаю, и Чокану, и Ибраю было глубоко свойственно понимание своих восточных, азиатских корней. Имена Фирдоуси и Карлейля, Навои и Гете, Платона и Пушкина, многих-многих других соседствуют на страницах наших замечательных просветителей. Но каждый из них – цветок родной почвы, выросший из глубинных недр и чаяний народа и выражающий по-своему

его устремления и идеалы. Они с болью воспринимали судьбы своего народа, его исторические ограничения и лишения, и в то же время отстаивали достоинство и честь своего народа, со всей принципиальностью отвергая все, что могло бы унижить народ». А. Х. Касымжанов пишет, что «только «свой до корней волос» может и имеет право так обличать свой народ, как Абай. И с такой силой переживать горечь от непонимания своих сородичей, как Валиханов. Он боролся с примитивными, уродливыми и корыстными формами привязанности к своей стране, которые к стыду нашему сохранились до сих пор. На эксплуатации национального мифа базируются дела тех амбициозных ученых и «деятелей культуры», которые беспринципно из всего извлекают выгоду, будь то борьба против «врагов народа» или «за перестройку». Именно они сколачивают свои состояния на национальном мифе с таким же успехом, как в другое время – на «интернационализме».

В работе «Жгучее самоопределение степи на пороге третьего тысячелетия» А. Х. Касымжанов говорит, что как и ранее перед Абылаем и Кенесары стоял вопрос: «Что предстоит испытать народу на пересечении Степи и Центральной Азии в грядущем столетии?» – такой же вопрос и такой же выбор стоит и перед Казахстаном, который совсем недавно получил независимость. По его мнению политический и экономический вектор развития нашей страны оказался связанным с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, что, в свою очередь, было связано с решением таких проблем, как сохранение культурной самобытности и самоидентификации в процессе реформирования страны. В этом плане, как известно, Казахстан выбрал путь Запада, который олицетворяют три высшие ценности: это рыночная экономика, правовое государство и демократия. Рассуждая о нашем выборе и угрозах, таящихся на этом пути, А. Х. Касымжанов

пишет: «В самоопределении Казахстана мы выделяем два основных параметра: идентичность и ориентация на Запад. Что касается первого параметра, то он выглядит крайне расплывчато и, главное, не очевидно. Преимущества второго параметра предстают как вполне очевидные, закреплённые «мировым общественным мнением», а, главное, повсеместно внедряемыми, начиная от образцов рекламы и стандартов образования и кончая ходячей и, в особенности, экономической терминологией, безмерным и безоглядным подражательно-обезьяньим «вестерном». По его мнению «вестернизация», вместе с той же латинизацией, благо в определенных пределах, имеет свою меру. Особенно он предостерегает от той бездуховности, которую несет с собой «бесповоротный» выбор вестернизации нашими «трезвыми практиками». Он пишет: «Имея ресурс в виде богатства недр и, выбрав «бесповоротно» путь вестернизации, рынка и демократии, стоит ли придавать серьезное значение рассуждениям о том, на каком духовном уровне находится казахстанское общество и какими духовными ориентирами оно предполагает руководствоваться? Поэтому и теоретически, и практически («трезвые практики» вообще недолюбливают всякое излишнее «мудрствование») проблема идентификации мыслится как псевдопроблема, отвлекающая внимание, и предлагается стратегия: начинать с «чистого листа» и «идти по пути Запада». Вместе с тем, он раскрывает заидеологизированность представлений о западных ценностях и ангажированность этими ценностями правящей элиты советского режима. Он писал: «Высокий жизненный стандарт, высокие технологии и атрибутика публичной власти – таковы основные параметры Запада в том виде, как он преподносит себя остальному миру, и так, как воспринимается он во многих частях постсоветского пространства, другие его стороны, менее представленные в зеркале идеологии, как бы

не существуют, когда общественными идеалами выдвигаются «рыночная экономика» и «западная демократия». Ученый, как показывает время, оказался прав. Действительно, в то время большинство видело в основном глянцевую сторону Запада. В этой же работе он пишет: «Задаваясь вопросом, почему в современном мире получило распространение безудержное восхваление частной собственности и всех тех индивидуалистических проявлений эгоизма, жестокости, попрания всяких моральных принципов, которые издавна критиковались, бичевались, призирались во всех мировых религиях, находится конкретный адресат, заинтересованный в идеологическом отбрасывании «элементарных правил приличия». Это – прежде всего Запад. Затем – тот коррумпированный слой, который взрос внутри и вокруг правящей элиты советского режима».

Еще одна мысль А. Х. Касымжанова заслуживает внимания. Обычно в литературе восточный ренессанс связывается, в основном, с арабо-мусульманским миром; как правило, тюркская составляющая игнорируется или недооценивается. В его последних работах проводится мысль о том, что тюрки привнесли огромный вклад в мировую цивилизацию, нередко задавая стартовые условия для других цивилизаций, в том числе и для европейской. Приведем в этом плане два таких его высказывания. В одном он пишет так: «В противовес традиции, изображающей ренессанс и всю общественную жизнь на Востоке как проявление «мусульманского мира», мы хотели бы показать несводимость всего только исключительно к исламу. Разумеется, речь не может идти и об обратном, о том, чтобы перечеркнуть интегрирующую роль ислама. Как христианство на Руси, ислам по отношению к завоеванным арабами народам играл «цивилизующую» роль, дав им возможность приобщения к более обширному культурному миру и языку международного общения. По отношению к кочевым

народам он сыграл иницирующую роль в формировании государственности и права. Но за явным доминированием религии, под его «фоном» скрывается «подтекст», целый поток исторически унаследованных традиций, навыков и приобретенных культурных достижений». В другом месте: «Стартовая позиция для европейской цивилизации была задана культурными достижениями Востока, международным обменом и, в частности, поисками золота для того, чтобы покрыть дефицит при расплате за восточные пряности, драгоценности, шелк. Монголы в значительной степени содействовали проникновению восточной культуры в Европу».

В работе «Пространство и время великих традиций» А. Х. Касымжанов высказывает очень глубокую мысль о человеческой духовности, о ее внутреннем смысле, который следует уяснить каждому из нас. Он пишет: «Мое» и «наше» веками разделяли. Но есть область, где изначально они были нераздельны. Это – область человеческой духовности. Без «моего» «личного» участия здесь не обойтись. Непременно «я» сам должен испытать, пережить, прочувствовать, заработать «собственным опытом» все, что я хотел бы назвать «моим». Правила есть. «Достигни сам того, что ты унаследовал от отцов. Только тогда оно будет твоим». Но достигнутое, завоеванное человеческой личностью как внутреннее его состояние, духовное, начисто лишено признака принадлежности кому-либо по праву собственности или для сугубо эгоистического потребления. «Оно открыто всем и каждому, и радость, доставляемая им, не разделяет «меня», «нас», «тебя». В принципе, духовное богатство есть место для общечеловеческого наслаждения и чистой бескорыстной радости.

К кристаллам человеческой духовности принадлежат великие памятники Прошлого. Сейчас человечество переживает полосу, когда оно как можно полнее стремится овладеть накопленным опытом человечности, дабы

противостоять силам разъединения и разрушения. Наши предки вопрошали столь же остро, как и мы: что такое счастье, что такое человечность, верность, справедливость, мудрость?».

Завершим нашу статью еще одной замечательной цитатой из его последней работы под названием «Стелы Кошо Цайдама»: «Честь, мужество, достоинство, общетюркская солидарность, наличие вдохновляющих идей и убежденность в божественном происхождении – таков мировоззренческий стержень, к которому в равной мере должны быть причастны как подданные, так и правители. Осознавать свою самобытность, дорожить ею и ни в коем случае не предаваться легкомысленно чужим ценностям и чужому образу жизни – вот основа основ свободы и независимости народа».

-
1. Касымжанов А.Х. Пространство и время великих традиций. – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 302 с.
 2. Касымжанов А.Х. Портреты. Штрихи к истории степи. – Алматы: Қайнар, 1995. – 128 с.
 3. Касымжанов А.Х. Стелы Кошо Цайдама. Алматы, 1998. – 79 с.

-
1. Kasymzhanov A. X. Prostranstvo i vremya velikix tradicij. – Almaty: Қазақ universiteti, 2001. – 302 s.
 2. Kasymzhanov A. X. Portrety. Shtrixi k istorii stepi. – Almaty: Қайнар, 1995. – 128 s.
 3. Kasymzhanov A. X. Stely Koshu Cajdama. Almaty, 1998. – 79 s.

А г ы н Х а й р у л л о в и ч
Касымжанов (1931–2000) – советский и казахстанский философ. Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН РК. Разработчик теоретических проблем истории философской мысли и наследия аль-Фараби. Редактор и составитель ряда изданий трудов аль-Фараби на русском и казахском языках («Философские трактаты», «Социально-этические трактаты, «Логические трактаты» и др.). Автор 260 научных работ, из них 10 монографий.

UDC 130.121

STROKES TO A CREATIVE PORTRAIT OF THE PHILOSOPHER: A.H. KASIMDZHANOV

Bulekbaev Sagadi Bayusakovich,

Ablai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages,
Doctor of Philosophy, Professor,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Annotation

This article discusses some topical issues of historical and philosophical heritage of the eminent philosopher of the Soviet and post-Soviet period A.H. Kasymzhanov, in his work analyzing progress and continuity, tradition and innovation in a time of profound social transformations.

Key words:

philosophy, history of philosophy, cultural heritage, world and national culture, society of Kazakhstan and culture at the turn of the millennium.

Астафурова Т.Н., Кириллова И.К.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ДИСКУРС

Институт высшего образования формировался веками, он возник на основе соединения общего образования со специальным в связи с потребностью общества в профессиональном духовенстве. Семичастная система образования (тривиум и квадривиум) уступила место традиционному гумбольдтовскому университету, где светская философия и наука заменила христианскую теологию и риторику. Британская университетская культура включает в себя такие явления как: *Oxbridge – the British universities of Oxford and Cambridge, considered as ancient and prestigious academic institutions, bastions of privilege and superiority; Camford = Cambridge + Oxford; red-brick university* = краснокирпичный, «новый» технический университет; *blue-brick university* = старый университет. Американская университетская культура включает такие понятия как *Ivy League* – Лига плюща, включающая 8 самых престижных университетов на северо-востоке США: Йельский, Дартмутский, Колумбийский, Пенсильванский, Принстонский, Корнеллский, Гарвардский и университет Брауна (*Brown, Columbia, Cornell, Dartmouth College, Harvard, Princeton, the University of Pennsylvania, and Yale*) that have similar academic and social prestige in the US to Oxford and Cambridge in Britain).

Институт высшего образования готовит студентов к исполнению различных социальных ролей и занятию статусных позиций в обществе. В ходе социализации приобретаются знания, умения, навыки, формируются взгляды и принципы, усваиваются правила поведения, необходимые для успешной жизни в обществе. Институт высшего образования в Великобритании характеризуется особенно

богатой и длинной историей. Так, Оксфорд традиционно играет роль интеллектуального и исследовательского центра в области гуманитарного знания; Кембридж – в области точных наук. Американские университеты не могут похвастаться таким «долголетием»: Гарвард – признанная кузница кадров для правящей элиты, Йельский университет известен достижениями в области гуманитарных наук. Богатые традиции и вековые ценности института высшего образования англоговорящего мира закреплены в многочисленных прецедентных текстах, предлагающих богатый материал для комплексного исследования лингвосомиотической системы англоязычного университетского дискурса.

Университетский дискурс – явление не только лингвистическое, но и социальное, поскольку социальный институт высшего образования понимается как устойчивый комплекс норм, правил, символов, регулирующих эту сферу жизнедеятельности человека и организующих их в систему ролей и статусов, с помощью которых удовлетворяются основные жизненные и социальные потребности студентов. Университетский дискурс отличается институциональным характером, то есть обусловлен социальными функциями участников и регламентирован по содержанию и форме. В университетском дискурсе доля личностного компонента достаточно велика, она различается и в лингвокультурном отношении. Так, в российских и американских университетах приняты разные режимы общения преподавателя и студента. Университетский дискурс, институциональный, то есть воспроизводимый участниками в рамках статусно-ролевого общения, в опреде-

ленных ситуациях, где участники проявляют личностные, а не статусные характеристики, переходит в личностно-ориентированный дискурс. У университетского дискурса свои участники, хронотоп, цели, ценности, ключевые концепты, стратегии, тематика, разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы.

Поскольку университет является центром образования и науки, то основными видами дискурса, направленными на саморазвитие личности, можно считать педагогический и научный дискурс в рамках университетской коммуникации. Участниками педагогического дискурса выступают статусно неравные участники – преподаватель и студент. Педагогическое общение характеризуется особым хронотопом – временем, закрепленным за учебным процессом (университетские лекция, семинар, практические занятия), и местом, где соответствующий процесс происходит (учебная, лекционная аудитория, лаборатория и т. д.).

Вершиной интеллектуального развития личности является научная деятельность и обслуживающий ее научный дискурс, участниками которого являются исследователи, общение которых осуществляется на основе принципа равенства, а бесконечность познания заставляет критически относиться к результатам своих и чужих изысканий. В научном сообществе распространена четкая статусная система ученых степеней и званий, а также сложная система членства в академических структурах разного ранга и значимости. Участники научного дискурса четко очерчены только на его периферии, в целом же это широкая публика, которая читает научно-популярные журналы и смотрит профильные телепередачи, с одной стороны, и маститые / начинающие исследователи, которые проходят обучение на кафедрах и в лабораториях, – с другой.

Хронотопом научного дискурса является обстановка, типичная для научного диалога: конференция, ученый совет, научный семинар кафедры, защита диссертации, лаборатория

и Интернет-пространство. Целью научного общения является получение нового знания об объекте, его свойствах и качествах, установление истины и обмен опытом в соответствии с принятыми коммуникативными канонами. Ценности научного дискурса сконцентрированы в его ключевых концептах (*истина, познание*), сводятся к признанию познаваемости мира, необходимости умножения знаний и доказательства их объективности, беспристрастности в поисках истины, высокой оценке точности в формулировках и ясности мышления. Эти ценности сформулированы в изречениях мыслителей: *Veritas nunquam perit* = Истина не умрет (*Цицерон*). *Nihil est veritatis luce dulcius* = Ничего нет слаще истины (*Сенека*).

Основные концепты университетского дискурса: *education, university, college, student, teacher, fraternity, sorority, scholarship, fellowship, campus, cheerleading*. Концепт *education* (образование) как ключевой концепт англоязычного университетского дискурса вербализует одновременно цель дискурса и его результат. В понятийное поле концепта входят номинации: *knowledge = acquaintance with facts, truths, or principles of a particular subject or branch of learning; skill = the ability, coming from one's knowledge, practice, aptitude, etc. to do something well; tuition = instruction, that received individually in colleges or universities; graduation = the ceremony at which college degrees and diplomas are conferred*.

Безусловный характер ценностей образования представлен в англоязычном паремиологическом фонде: «*Only the educated are free* = Образование – это свобода»; «*Money spent on brain is never spent in vain* = Образование – это капитал»; «Образование – это уважение к учителю = *The mediocre teacher tells. The good teacher explains. The superior teacher demonstrates. The great teacher inspires*».

Образная составляющая концепта отражена во фразеологических сочетаниях, которые подчеркивают элитарность универ-

ситетского образования, почетность членства в университетском сообществе, приобщенность к научной общественности и избранность представителей данного института: *to pledge fraternity = to stand the trials in order to become a member of fraternity or sorority; to glean knowledge = to gather (something) slowly and carefully in small pieces; an Ivy-League education = a high standard of education* отсюда *an Ivy-Leaguer = a graduate from a high-class university*.

Вербальные знаки университетского дискурса представлены номинативными группами, образующими микросистемы, объединяющие множество лексем на основании инвариантного компонента значения, а также дифференциальных признаков противопоставления. Наибольшую представленность имеют группы, номинирующие агентов и клиентов дискурса, ресурсы педагогического воздействия, элементы образовательного процесса, стратегии и виды деятельности участников дискурса.

Нематериальные (виртуальные) ресурсы института высшего образования представляют собой один из важнейших аспектов учебного процесса и получили широкую представленность в номинативных группах, характеризующих 1) учебную программу и ее компоненты, 2) виды деятельности, выполняемой участниками дискурса, 3) средства контроля и мотивации их деятельности, 4) награды и санкции, являющиеся результатом (не) успешной деятельности.

К невербальным знакам относятся паралингвистические знаки, символические артефакты, колороморфные и топоморфные знаки. Знаки смешанного характера представляют собой сочетание семиотического (невербального) и лингвистического (вербального) компонентов. Так, в ритуале речевое поведение его участников сочетается с символическими действиями; для документов важно наряду с лексико-семантической стороной документа графическое оформление языкового материала; в гимне поэтический текст дополняется

музыкой; в гербе графика сочетается с девизом.

Паралингвистические знаки включают в себя жесты, мимику, характерные позы участников в процессе коммуникации. В англоговорящих странах университетский дискурс сопровождается практически теми же действиями, что и в русскоязычном: преподаватель сидит за столом, стоит за кафедрой или перед аудиторией. Аудиторное общение в американской университетской культуре более неформально, чем в российской университетской среде, поэтому нередко можно наблюдать сидящего на столе преподавателя. В англо-говорящих странах отсутствует практика приветствовать входящего преподавателя вставанием, как это принято в России.

К *символическим артефактам* университетского дискурса относятся академический костюм и знаковые атрибуты учебного процесса, т. е. предметы, вызывающие ассоциацию с университетской средой: *academic/al dress, academic costume, academic regalia*. *Топоморфными* знаками дискурса являются здания, ассоциирующиеся с образованием: Oxford and Cambridge University, Eton College в Великобритании; Ivy League Universities в США. Локус способен выполнять знаковую функцию благодаря ассоциациям, связанным с ним в сознании носителя языка. Эти ассоциации могут носить разный характер: прозвища, девизы и гербы, представления, связанные с литературой и массовой культурой. Так, поскольку старейшие университеты США славятся своими спортивными командами, атлеты каждого университета-члена «Лиги плюща» (*Ivy League*) имеют свои прозвища: студенты Йельского университета – *Bulldogs*, Принстона – *Tigers*, университета Брауна – *Bears*, Колумбийского университета – *Lions*, etc.

К знакам *смешанного* типа относятся сложные номинации, а именно символы университетской культуры, поскольку в их структуру входят наряду с вербальным компонентом акциональный (ритуалы); гра-

фический (дипломы, сертификаты, гербы); музыкальный (гимны). Так, в герб включен девиз, неотъемлемой частью гимна является поэтический текст, а ритуал предполагает определенный сценарий, артефакты, музыкальное оформление вербальной части.

Знаки смешанного характера образуют особую семиотическую сферу дискурса, ядром которой является ритуал, который интегрирует в своей структуре вербальные и невербальные знаки университетского дискурса, придавая событию театральность, зрелищность, торжественность, приобщенность к событиям, знаменующим новый уровень саморазвития личности. К университетским ритуалам относятся: *graduation, matriculation, initiation, и thesis defense*. Кроме того в каждом университете существуют свои тради-

ции и ритуалы, характеризующиеся разной степенью ригидности, типичными ролями участников и четкой последовательностью событий: *Encaenia* (празднование годовщины образования), *Commemoration ball* (поминание основателей), *Gaudy* (ежегодный обед в честь бывших студентов).

Типичными особенностями университетской ритуальной коммуникации являются: усложненный язык, отличающийся от повседневного; высокая степень клишированности; частотность абстрактной лексики, архаических лексем и синтаксических оборотов, местоимений во множественном числе; генерализация высказываний, которые дополняют драматургию, регламентированность и зрелищность англоязычного университетского ритуала.

Астафурова Т.Н., Шевченко О.В.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС

Англоязычный песенный дискурс выделен в качестве одного из жанров досуговой коммуникации молодежной субкультуры с присущими ему экстралингвистической (участники, хронотоп, цели, ценности, функции) и лингвистической (тематика, структура произведений, лингвосемиотические средства) спецификой.

Хронотоп англоязычного песенного дискурса представлен двумя моделями: непосредственной (*face-to-face*) и опосредованной (*distant*) по признаку наличия / отсутствия прямого контакта между коммуникантами. В рамках опосредованной модели дискурса локативность и темпоральность не являются значимыми характеристиками, в непосредственной модели песенного дискурса время и место выступления типизированы и конкретизированы (концерт в / вне помещения, клубное выступление).

Участники песенного дискурса: слушатель, исполнитель и автор песенного текста, участвующий опосредованно / непосредственно в выступлении. Цель англоязычного песенного дискурса заключается в донесении интенции автора до слушателя, оказании на него эмоционального воздействия для формирования социальной позиции и ценностной ориентации слушателя, что отражается в подборе лингвосемиотических единиц дискурса. Песенный дискурс глубоко аксиологичен и субъективен, представляя ценности и антиценности англоязычной молодежной субкультуры через специфические образы, стиль жизни, своеобразие мироощущения.

Интертекстуальность песенного дискурса проявляется в наличии общих параметров лирических текстов: двухчастной структуры (куплет-припев); единой темати-

ки (любовь, дружба, свобода, достоинство); устойчивого набора метафор (вода – жизнь *all my life has been drained from me*, осень – старость и смерть *The fall and my time has come*, дорога – свобода *On a lonesome highway I'm flying to get free*), использования прецедентных текстов в качестве цитат и аллюзий (*To be or not to be*, *Black Sabbath*; *Like Jesus to a child*, etc).

Жанровое пространство англоязычного песенного дискурса организовано тремя направлениями: *рок*, *поп* и *рэп*, интегрирующими признаками которых являются базовые характеристики молодежной субкультуры (полифункциональность, нонконформизм, стереотипизация, маргинальность и агрессивность), модели актуализации песенного дискурса, роли участников, универсальные функции песенного дискурса (развлекательная, фатическая, интегративная, информативная, экспланаторная, дидактическая). Для разграничения песенных жанров используются тематический и структурный критерии.

Поп-музыка, в основе которой лежат джаз, фолк и танцевальная музыка, выделилась в жанр песенного дискурса в 40–50-е годы XX в. В поп-текстах представлена триада «автор – исполнитель – слушатель», дополненная такими персоналиями, как продюсер (*production director*), мелодист (*melodist*), аранжировщик (*arranger*), звукорежиссер (*sound supervisor*), режиссер (*stage producer*), стилист костюмов (*designer*) и гример (*make-up artist*). Колороморфная и символическая специфика одежды поп-исполнителя проявляется в экстравагантном (*loud catchy clothes*) сочетании разнообразных цветовых гамм, стилей (от спортивного до классического), декоративных элементов. Структура произведений поп-жанра песенного дискурса отличается традиционностью и каноничностью, состоит из зачина, кульминации и концовки, представленных 2–3 куплетами

и повторяющимся припевом, отличающимся мелодией и ритмом.

Рок-музыка, объединившая несколько направлений музыки, появилась в середине 60-х годов XX в. и отличается исполнением произведений «вживую» (*live playing*) рок-группой, состоящей из гитариста (*guitar player*), бас-гитариста (*bas-guitar player*), барабанщика (*drums player*), вокалиста (*singer*) и клавишника (*keyboards player*). Топос этого жанра закреплен за клубными выступлениями; концертами и фестивалями на открытых площадках (*open-air festivals*). В рок-жанре функции автора и исполнителя совмещены. Колороморфная и символическая специфика участников рок-жанра состоит в преобладании темных цветов (*dark colors*), использовании декоративных элементов в виде букв древних алфавитов и рунических знаков (*ancient alphabets letters, runes*), символов смерти (скелеты – *skeletons*, кладбища – *grave yards*), огня (пожар – *fire*, свеча – *candle*), движения (мотоциклы – *motorbikes*, гоночные автомобили – *racing cars*).

Структура произведений рок-жанра песенного дискурса отличается размытостью границ зачина, куплета, концовки, а также включением в нее кульминационного момента – двух- / четырехстрочной рифмы, дополнительно акцентируемой замедленным музыкальным темпом. Припев в этом жанре обладает функциональной значимостью, поскольку в нем эксплицируется призыв к действию в форме глагола в повелительном или сослагательного наклонении.

Рэп-музыка появилась в середине 70-х годов XX в. в среде афроамериканцев и латиноамериканцев. Рэп интегрирует начитанный ритмичный текст с четко обозначенными рифмами и ритмичной музыкой, создаваемой ударными и электронными инструментами (*electronics*). Жанр рэпа типичен для клубных выступлений, часто дополнен танцевальным сопровождением (брейк-данс); в нем совмещены функции

автора и исполнителя, едины образы слушателя и исполнителя. В рэп-жанре отсутствует четкая структура песенного текста, который представляет собой непрерывный рассказ длительностью от 7–8 минут до получаса, но обладает смысловой завершенностью, включая зачин, припев и концовку.

Понятийно-ценностная составляющая англоязычного песенного дискурса представлена тремя группами концептов:

– *поведенческими*, семантика которых дополнена призывом к определенному стилю поведения. Базовыми концептами этой группы являются *нонконформизм (non-conformity)*, *пассивность (drift)*, *вызов (challenge)*, *эпатаж (epatage)*;

– *эмоциональными*, которые представляют культурные универсалии с ценностной и образной составляющими. Базовым эмоциональным концептом выступает *любовь (love)*, периферийными – *свобода (freedom)*, *смерть (death)*, *вера (faith)*, *одиночество (loneliness)*;

– *социальными*, актуализирующими социально-статусные и материальные ценности. Ядерный концепт – *расизм (racism)*, периферийные – *власть (power)*, *собственность (property)*, *деньги (money)*, *статус (status)*, *благополучие (well-being)*.

Основная функция песен поп-жанра – эмотивная, что отражается в тематической специфике и вербализации концептов эмоциональной группы, в частности концепта *любовь*: *Come down love; I want to know what love is; Thank you for loving me; Crazy in Love*.

Основная функция песен рока – апеллятивная, ориентированная на вербализацию концептов поведенческой группы, в частности концепта *нонконформизм*: *He's a well respected man about town, Doing the best things so conservatively*.

Основная функция песен рэпа – эксплаторная, ориентированная на раскрытие социальных концептов, в частности, концепта *расизм*: *All I see is racist faces*, девальвации ценностей культуры конформистского обще-

ства, в частности концептов *деньги (money)*: *I once knew a buddy, his name's William, his primary concern was making a million ... the illest money hustler*), *статус и благополучие (status & well-being)*: *Superstardom's like post-mortem... I've been chewed up and spit out and booted off the stage but I keep rhyming*).

Лингвосемиотическое пространство англоязычного песенного дискурса представлено вербальными, невербальными знаками и знаками смешанного типа.

К *вербальным* знакам англоязычного песенного дискурса относятся:

– дескрипторы, организованные в виде градуированных оппозиций качественных прилагательных, отражающих степень внешней привлекательности объекта (*beautiful – pretty – nice – good-looking – unattractive – ugly*); степень внутренней привлекательности объекта (*genius – bright – clever – foolish – stupid; gentle – kind – tolerant – good – hard – intolerant – rude – cruel – savage; fearless – courageous – brave – faint-hearted – cowardly*);

– знаки-персоналии, обозначающие представителей молодежной субкультуры: (*boy/girl, man/woman, buddy, guy, hero, soldier, black, brave, me, you, I, we, us, together*), круг близких людей (*lover, boyfriend/girlfriend, baby, darling, honey, sweetheart, dear, he, she*), представителей конформистской культуры (*racist, world, white, they*);

– инструментативы, включающие номинации: музыкальные инструменты (*electric/acoustic guitar, bass, banjo, sitar, drums, flute, whistle, microphone*), автотранспортных средств (*car, motorbike, wagon, racing*), элементы одежды и атрибутики представителей молодежной субкультуры (*jeans, leather, boots, belt, tie, braces, ring, bangle, chains, pendant, earring, bag*);

– локативы, представленные географическими названиями (*America, Amsterdam, Atlantic City, Belfast, California, Hollywood, Idaho, London, Michigan, Mississippi, Montana, New York City, Paris*), номинация-

ми объектов природы и дорожного движения (*air, fire, field, sun, rainbow, rain, wind, lightning, thunder, puddle, snow, fog, smog, smoke, river, ocean, lake, city; road, crossroad, avenue, Broadway, street, traffic lights*), условий жизни афроамериканцев (*slums, mud, sewage, trash, garbage, dirty, muddy, scruffy, skuzzy, smoggy*);

– апеллятивы, призывающие к социальным действиям, реализуемые лексемами *come on, go ahead, go on*, повелительным наклонением сказуемого (высокая степень обязательности); конструкциями с глаголами *let, shall* (низкая степень обязательности);

– пермиссивы, предполагающие вариативность действия благодаря модальным глаголами *can, may*, а также конструкциям *it's OK, it's all right*;

– лимитаторы, выражающие запреты, налагаемые на действия представителей молодежной субкультуры и актуализируемые негативными конструкциями с модальными глаголами разной степени строгости запрета: *must not; can not; should not*;

– квалификаторы как знаки идентификации молодого человека с субкультурой, указывающие на возраст субъекта (*youth, teenager, teen, youngster, adolescent, young, new generation*), проявление в нем базовых признаков молодежной субкультуры (*other / different, opposed, rude, fearless, similar, unusual*);

– перцептивы, вербальной экспликацией которых выступает инвективная лексика: *fuck* и его производные, *bitch, son of a bitch, ass, asshole, bastard, whore, sheet* и др.

К *невербальным* знакам англоязычного молодежного песенного дискурса относятся топоморфные, колороморфные знаки, символические артефакты, паралингвистические знаки.

Топоморфные знаки включают названия стадионов (*Stanford Bridge, Old Trafford, Wembley* в Англии, *Hampden Park, Ibrox* в Шотландии, *Millennium* в Уэльсе),

клубов (*The O2 Arena, Brighton, Ministry of Sound, The End Club*), фестивальных площадок (*Woodstock, Glastonbury, Creamfield*), ассоциирующихся с местом проведения выступления.

Колороморфные знаки обеспечивают зрелищность реализации песенного дискурса с помощью мощных осветительных приборов (софиты – *floodlight projectors*, рампы – *footlights*), сменяющих друг друга спектров: белого, желтого (постоянное освещение сцены), красного (подсветка задней части сцены), синего и зеленого (выделение исполнителя или отдельного музыканта, лазерные лучи, направленные в зрительный зал). Стремясь к привлечению внимания массового слушателя, песенный дискурс ориентируется на модные цветовые тенденции в конкретный период времени, исключением являются универсальные черный и красный цвета как базовые колороморфные знаки песенного рок-дискурса (черный цвет как символ традиционного, мрачного, обреченного мира; красный цвет как цвет крови, проливающейся в борьбе за освобождение от традиций и норм конформистского общества.

К символическим артефактам относится *костюм участников дискурса* (*clothes, dress-up, threads, togs, trags, rags, thugs*). Паралингвистические знаки (позы и жесты), используемые в англоязычном песенном дискурсе, подразделяются на аттрактивные, апеллятивные, фатические, авторитарные.

К знакам *смешанного* типа, ритуалам, относятся концерты, сущностными характеристиками которых являются сценарность и повторяемость последовательности действий: приветствие (*greeting*); «разогрев» (*warm-up setting*), выражение благодарности (*thanking*), исполнение известных произведений (*hit-set*), «перепевка» с залом (*roll-call / singing along*), прощание (*saying goodbye*), выход на бис для повторного прощания.

Астафурова Т.Н., Акименко Н.А.

АНГЛОСАКСОНСКИЙ СКАЗОЧНЫЙ ДИСКУРС

Сказочный дискурс представляет одну из наиболее ранних форм художественной коммуникации, в которой нашли отражение наивное сознание и «древняя» картина мира. Сказка позволяет судить о специфике национального самосознания этноса, динамике развития мышления и выработанных им лингвокультурных ценностей. Сказочный дискурс понимается как коммуникативный процесс, вписанный в сказочный контекст, его результатом является текст, в котором находят отражение параметры категории сказочности, вербализующиеся на разных уровнях языка:

1) *чудо*, понимаемое как сверхъестественное действие, явление, событие, вызванное вмешательством высшей потусторонней силы;

2) *аксиологичность*, представленная ценностями и антиценностями социума;

3) *размытый хронотон*, обозначаемый устойчивыми словосочетаниями типа *once upon a time; when pigs spoke rhyme, when monkeys chewed tobacco, when hens took snuff to make them tough, etc.*;

4) структурная и семантическая *умеративность* как механизм специфической структурной организации сказочной предикативной цепи.

К конститутивным признакам сказочного дискурса относят эпичность, повествовательность, установку на вымысел, чудо, эстетичность, развлекательность, дидактичность. Под *эпичностью* понимается общезначимая и общенациональная тема народных произведений; *повествовательность* предполагает наличие в эпическом фольклорном произведении речи автора или рассказчика, представляющего весь текст произведения; *дидактичность* как морально-этические рекомендации присутствует во всех сказочных текстах; *эстетичность* формирует чувство

прекрасного у читателя; *чудо* рассматривается в качестве основного признака сказочного дискурса и не подвергается сомнению в сказках.

Взаимодействие конститутивных признаков сказочного дискурса позволяет выделить его ядерные и периферийные жанры в соответствии с реализацией в них категории сказочности на графико-фонетическом, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Ядерным жанром сказочного дискурса является сказка (анималистская, волшебная, бытовая), в которой отмечены все выделенные признаки сказочного дискурса. К периферийным жанрам относятся легенды, в которых отмечена качественная и количественная вариативность признаков сказочного дискурса.

В сказочных текстах аккумулируются ментальные стереотипы, актуализируется сказочная лингвoseмиотика, включающая знаки языковой и смешанной природы. К смешанным знакам относятся символические изображения в виде синтеза первой заглавной буквы сказочного текста и иллюстрации, а также разного рода стилизации шрифта заголовка сказочного текста. Языковые знаки – лексемы, обозначающие сказочных персонажей, признаки и действия, ирреальные и невыполнимые обычными людьми в обычных ситуациях, но реализующиеся, несмотря на это: *a fish that can speak twelve languages* (рыба, говорящая на двенадцати языках); *a goose that lays golden eggs* (гусь, несущий золотые яйца); *mirror in which you can see what anybody is thinking about* (волшебное зеркало, в котором отражаются мысли); *to take the form of the rabbit / hare* (превращение в кролика / зайца – о ведьме).

Графические средства актуализации сказочности проявляются в написании про-

писных букв заглавными, выделении слова курсивом, представлении первой заглавной буквы сказочного текста стилизованным шрифтом, ее синтезе с иллюстрацией, являющихся семиотическими механизмами создания сказочного эффекта. Лексические средства сказочности выявляются в *анималистских* сказках, в которых в качестве ценностных доминант выступают антропоморфные качества животных (сноровка, сообразительность, хитрость). Самой многочисленной группой антропоморфных животных является лексико-семантическая группа «birds» (*the magpie, the blackbird, the owl, the sparrow, the starling*), в то время как представителем диких млекопитающих является только лис (*the fox*).

Отличительными особенностями *кумулятивной* сказки, как разновидности анималистской, являются рифма и аллитерация в именах собственных, передающие ритм кумулятивной сказки и итеративность сказочности: *Titty Mouse and Tatty Mouse*. Наряду с домашними животными (*the pig, the dog, the ox*) персонажами могут быть и неодушевленные предметы (*the stick, the fire, the rope, etc.*). Хронотоп кумулятивной сказки ограничен жилыми объектами (*the house*), общественными местами (*the market, the churchyard*), временные характеристики представлены нечетко и размыто: *one day, one night, once upon a time, etc.* – жили-были...).

Лексические средства сказочности в *волшебных сказках* номинируют:

1) волшебные существа (*magic creatures*) – *spirit, ghost, demon, imp; giant, ogre; monster, dragon, etc.*;

2) сказочных героев (*fairy beings*) – *fairy, brownie, pixie, elf, goblin, etc.*;

3) волшебников (*magicians*) – *enchanter, sorcerer, witch, hag, etc.* Лексические единицы этой группы противопоставляются по гендерному и возрастному признакам.

К лексическим средствам сказочности относятся также многочисленные топонимы

(*the Land of Fairy, the Forest of No Return, Bridge of One Hair*), прозвища и онимы сказочных существ, принадлежащих земному и потустороннему миру (*the small people, Tom Thumb, the Warlock Merlin, the Green Lady, Jack the Giant Killer, etc.*).

Категория сказочности передается именами прилагательными и глаголами, фразеологическими единицами, обозначающими сверхъестественные качества, действия и события: *magic, wonderful, monstrous; bewitch, dis/enchant; when pigs spoke rhyme; a goose / hen that lays the golden eggs; before you could say Jack Robinson, etc.*

По сравнению с волшебными и анималистскими сказками, *бытовые* сказки максимально приближены к реальной действительности, в которой критика социального устройства осуществляется индифферентно, поэтому главными персонажами являются глупцы, действия которых высмеиваются. В этих текстах отсутствует сказочная лексика, описание нереальных действий и ситуаций при помощи нонсенс-словосочетаний (*a mare's egg* – яйцо кобылы, *the clicking toad* – тикающая жаба) создает особый сказочный фон и комической эффект.

Легенды также разнообразны по тематическому и лексическому составу, что объясняется популярностью этого древнего жанра. В наиболее древних легендах актуальны ситуации столкновения героев с феями и эльфами; ценности этого жанра связаны с религиозными воззрениями и суевериями: неизбежное наказание греха, злонамеренность нечистой силы. Хронотоп легенды соизмерим с реальным временем и местом: *More than a hundred years since... When I was a little boy... (хронос); Down in the West... Somewhere in the borders of the Tavy... (топос)*. Основным признаком легенды, позволяющим отнести ее к сказочному дискурсу, является наличие в них чуда, в реальность и возможность которого верят, в отличие от сказки. Лексико-семантическая группа *волшебных существ* в легендах расширяется за счет: прозвищ

демонов и дьявола (*Old Nick, the Old Man, the Old Nicky, the Old Boy, The Evil One, his Satanic Majesty*); непонятных явлений природы (*will-o'-the-wisp* – блуждающие огоньки). В отличие от волшебных сказок легенды далеко не всегда имеют счастливый конец. Хронотоп легенды тяготеет к постепенному переходу от неопределенного ирреального к более определенному. В легенде особую роль играют имена собственные, несущие информативную точность: духи обитают в определенных местностях (*the Boggart of Hellen Pot*), *the bargest of Grassington*, *the Lancashire witches*.

Сказочные прилагательные описывают неведомые чудесные или устрашающие явления и события: *marvelous, adventurous, wonderful, dreadful*. Сказочные ситуации номинируются глаголами, обозначающими: 1) действия полумифического персонажа (*Merlin*), творящего чудеса: *vanish, devise, disguise, etc*; 2) реакцию на волшебные события и их интерпретацию: *marvel, wonder, to expound, etc*.

В сказочных анекдотах параметры категории сказочности реализуются в меньшей степени, но в анекдоте, как устном фольклорном жанре, присутствует вымысел с целью создания комической ситуации (*the horse who played cricket*). Лексика анекдотов представлена самой разнообразной тематикой, в том числе и сказочной: *to run from a ghost; the bridge built by a devil; to go Somewhere Else (the Hell), etc*. Тексты анекдота различной тематики и временной отнесенности объединяет намерение участников уйти от серьезного разговора, предаться веселью и оценить анекдотическую ситуацию.

Синтаксические и стилистические средства сказочного дискурса проявляются в специфической структурной организации сказочной предикативной цепи: кумуляции, нанизывании, повторах разного вида (маятниковый, кольцевой, замедленный), в основе которых лежат структурная и семантическая

итеративность, степень которой реализуется в ядерных и периферийных жанрах дискурса по-разному: в ядерных жанрах преобладает трехкратная структурная итеративность, сказочные эпизоды повторяются через регулярный интервал; в периферийных жанрах повторы носят нерегулярный характер и структурная итеративность заменяется семантической.

Первым семиотическим знаком сказочного дискурса является заголовок, который способствует раскрытию замысла рассказчика, выполняет прогностическую функцию и включает: имена и прозвища персонажей (*Cinderella*); их особые качества (*Lazy Jack*); локативные характеристики (*The Wise Men of Gotham*); сказочные атрибуты (*The Magic Ointment*) и действия (*How Jack went to seek his fortune*).

Сказочные тексты преимущественно следуют сюжетному канону речевого жанра *повествования*: в зачине указывается хронотоп и основные персонажи, главные события происходят в основной части текста, в заключении описывается в основном счастливый конец. Специфика коммуникативных стратегий сказочного дискурса соответствует целям его жанра и коммуникативным потребностям языковой личности своей эпохи. Наиболее разнообразный спектр эксплицитных и имплицитных стратегий представлен в волшебных сказках с целью развлечения и убеждения адресата в неправдоподобной и неконкретной сказочной информации. В анималистских сказках стратегии автора соотносятся с аксиологией сказочности и дидактикой текста; в бытовых сказках преобладают стратегии косвенного убеждения адресата, и авторская оценка выражена имплицитно, адресат имеет большую свободу в выработке собственных суждений. В легендах стратегии убеждения и информирования адресата соотносятся с аксиологическим и пространственно-временным параметрами сказочности.

Астафурова Т.Н., Джумагалиева А.С.

ДИСКУРС АНГЛОСАКСОНСКОГО ЛАНДШАФТНОГО ДИЗАЙНА

Дискурс ландшафтного дизайна представляет собой лингвосемиотическую систему, вербализующую одну из обширнейших областей человеческого бытия, связанного с гуманизацией бытового окружения человека в соответствии с эстетическими и этическими нормами определенной эпохи и культурного региона. Дискурс ландшафтного дизайна представлен:

– вербальными знаками, номинирующими агентов (*знаки-персоналии*), объекты (*локусные знаки*), природные и искусственные, материальные и нематериальные ресурсы (*ресурсонимы, инструментативы, рекреативные локусы*) и процессы (*процессивы*);

– невербальными знаками (*колороморфные, топоморфные, фитонимы*);

– смешанными / креолизованными знаками, интегрирующими графический, вербальный и колороморфный компоненты, которые представлены в эмблемах, постерах, мемориальных табличках, мемориальных камнях ландшафтного дискурса.

Дискурс ландшафтного дизайна является поликодовым дискурсом, функционирующим в институциональном и личностно-ориентированном видах коммуникации. Институциональная интеракция охватывает разные сферы садово-парковой деятельности: инструктирование, описание проектов, выбор правильных растений, рассадку деревьев и цветочных клумб, полив и уход за садом, знакомство с разнообразием садовых форм других народов.

Наиболее частотным жанром *институционального* дискурса ландшафтного дизайна является *инструкция* по обустройству садового участка и уходу за деревьями и растениями, которая включает: 1) практические

советы по дизайну ландшафтного участка; 2) памятку по посадке и уходу за растениями; 3) справочник ландшафтного обустройства; 4) алгоритм ландшафтного планирования; 5) профессиональное руководство по планированию садово-парковой территории для специалистов в области садово-паркового дизайна. Инструкции по ландшафтному проектированию преимущественно ориентированы на садовода-любителя, поэтому конкретны и просты для реализации на садовых участках рядовых англичан; инструкции по организации садово-парковых ансамблей и общественных парков носят профессионально ориентированный характер, сложны, насыщены терминологией.

Личностно-ориентированный вид дискурса ландшафтного дизайна реализуется преимущественно в художественной литературе в жанре *описания*, поскольку объекты садово-паркового искусства (сады Стоу, Кью, Пейнсхил, парки Ланселота Брауна; топиарные сады, приусадебные пейзажи) используется английскими писателями для интерпретации и раскодирования других знаковых систем:

– антропоцентрической (как отражения нравственных основ и личностных характеристик героя через описание квалификативных, динамических и статических особенностей пейзажа);

– эмотивной (как эмоционального состояния и внутренних переживаний человека, коррелирующих преимущественно с открытой / закрытой пространственной перспективой ландшафта, его стилевым и колоретным своеобразием);

– аксиологической (как мироощущений человека, порождаемых национально-

культурными, духовно-религиозными и социально-политическими ценностями).

В английской садоводческой культуре нашли отражение два стиля садово-паркового искусства: *регулярный* и *пейзажный*. Регулярный стиль садово-паркового дизайна господствовал в стране со времен завоевания ее римлянами, и к концу XVII века сложились: 1) регулярные садово-парковые объекты (*herb gardens* – сады лечебных трав, *knot gardens* – узловые сады, *topiary gardens* – топиарные сады); 2) общественные парки (*bowling greens* – лужайки для игры в шар, *tea gardens* – чайные сады, *pleasure gardens* – увеселительные сады).

Дискурс ландшафтного дизайна реализуется преимущественно как институциональный тип коммуникации, как совокупность письменных и устных текстов, порождаемых в ситуациях регламентированного общения для удовлетворения требований клиентов в решении задач теоретического и прикладного характера. Когнитивную модель дискурса ландшафтного дизайна отличают следующие характеристики: *участники* – агент (ландшафтный дизайнер) и клиент; *хронотоп* – временные рамки этапов ландшафтных работ (проектирование, устройство инженерных систем, разработка дизайна участка и пр.), место деятельности – частные сады, городские парки, архитектурно-ландшафтные объекты; *цель* ландшафтного дизайна – преобразование природного объекта посредством интеграции участников дискурса в активную коммуникативно-практическую деятельность по обустройству пространственной среды обитания человека.

Тематика исследуемого дискурса ориентирована на рекомендации и советы по обустройству садового участка, в которых инструктивная функция представлена в инструкциях как основном речевом жанре институционального дискурса ландшафтного дизайна. *Инструкция* включает пять подтипов, различающихся объемом, ориентацией на разные адресные группы, терминологической слож-

ностью и детализацией действий. Так, *практические советы* по дизайну ландшафтного участка ("*how-to*" *information*) представляют собой краткие ответы на наиболее типичные вопросы начинающих садоводов; *памятка по посадке и уходу* за растениями (*instruction sheet*) предназначена в большей степени для цветоводов-любителей, дает краткие рекомендации по подбору видов растений для определенных типов почвы и особенностям ухода за ними, поскольку английские садики возле дома утопают в зелени и цветах; *справочник ландшафтного обустройства* (*guide*) предлагает систематизированный и сжатый материал по основным разделам пейзажного обустройства участка для непрофессионалов в этой области. *Алгоритм ландшафтного планирования* (*step-by-step actions*) описывает детальную последовательность действий садовода-любителя, стремящегося обустроить свой сад, максимально сохраняя природную естественность линий и композиций, для чего ему предлагаются подробные сведения об особенностях местной флоры и ландшафта, а также рекомендации по их облагораживанию, исходя из чувства меры и художественного вкуса; *профессиональное руководство* по планированию садово-парковой территории (*manual*) предназначено для специалистов в области садово-паркового дизайна, реализующих идеи соединения красоты с пользой, простоты с величием.

Лексическую насыщенность инструкции определяют специальные номинации, международные термины ландшафтного проектирования (*landscape design, divide, install, distribute, fertilize, illuminate, absorb, control, etc.*), термины английского ландшафтного дизайна (*vertical gardening, eyecatcher, green wall, purple patch garden, etc.*), единицы измерения (*inch, foot, acre, etc.*), аббревиатуры, сокращения и сложносокращенные слова: *UF cable* (кабель для подземной прокладки) и др. Наиболее активными частями речи являются глагол и имя существительное, преимущественно конверсивы, денотирующие

основные способы строительства, укладки материала или подготовки земли к посадке растений (*measure, chip, joint, broom, trowel, finish, plant, water, etc.*).

Синтаксические особенности инструкции по ландшафтному дизайну проявляются в использовании простых распространенных и сложносочиненных предложений, грамматических конструкций (инфинитивный и причастный обороты), модальных глаголов и их эквивалентов, глаголов в повелительном наклонении. Синтаксис инструкции отличает упрощенное построение предложений, трафаретность и малая вариативность синтаксических конструкций; структурную композицию – краткость и лаконичность, поскольку информация вербализуется в понятных каждому адресату текстах, эксплицитно реализующих функцию воздействия на формирование эстетического вкуса в садово-ландшафтном дизайне.

В дискурсе ландшафтного дизайна особенно важную роль играют колороморфные знаки с базовой семой «цвет», которая зафиксирована в номинациях многих элементов садово-паркового дизайна и растений: *yellow lady's slipper; white flowered geranium; blue cranesbill; black currant; red odontites; golden rhododendron; green amara.*

В смешанных знаках креолизованный текст постера, плаката, мемориальной таблички, эмблемы декодируется значительно легче благодаря интеграции текстового и графического элементов. Вербальный компонент постера может варьироваться не только в цветовом, но и в шрифтовом исполнении благодаря элементам параграфемии (шрифт, цвет, разрядка), супраграфемии (смена шрифта), пиктографемии (внедрение пиктограммы в букву).

Для обеспечения безопасности садово-парковых объектов предпринимаются разнообразные протективные меры, связанные с его защитой на уровне эзотерики и магии, посредством протективных знаков, деноти-

рующих садовые деревья, магические травы и цветы с протективным потенциалом. Так, кельты широко применяли кустарники и деревья в магических обрядах (Шкунаев, 1991): вереск (*heather*) утраивает силу, защищает от опасности; плющ (*ivy*) защищает сад от злых духов. Наиболее частотными элементами суеверий и предрассудков в сфере ландшафтного дизайна выступают преимущественно флороморфные знаки (магические травы – *magic herbs*) с высоким протективным потенциалом: от сглаза – базилик (*basil*); от негативного воздействия врагов – лаванда (*lavender*); от проклятия и порчи – репейник (*agrimony*). Британские садоводы традиционно следуют эзотерическим правилам, нейтрализующим суеверия относительно посадки и полива цветов.

Этнокультурные вкусы и пристрастия в садовом дизайне отражают мировоззрение англичанина, существующее в виде системы *ценностных* ориентаций, которые представлены в художественных текстах личностно-ориентированного вида дискурса ландшафтного дизайна. В художественной литературе этого времени нашли отражение либеральные взгляды, определившие фундаментальные принципы британского садового дизайна "*In all let Nature never be forgot*" (*Пусть гений места даст тебе совет*): формирование эстетического видения природы и сохранение натуралистичности пейзажа в гармонии природного и привнесенного человеком (А. Поуп); уважение к труду и самопожертвование во славу Сада, восхищение страной и ее природными ресурсами, восприятие пейзажа / природы как знака мироощущения героев и метафоры их души (Р. Киплинг); идентификация эмоционального состояния героев, их настроения и внутренних переживаний через описание пейзажа и архитектоники природного пространства (Дж. Остин); сохранение памятников ландшафтного дизайна, органичное сочетание прагматичности и красоты в компонентах садового ландшафта (Р. Дал).

Романова К. С.

АНЕКДОТ КАК ДИСКУРС

Анекдот – понятие, употребляемое в трех ипостасях. 1. Короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии в основном из жизни исторического лица или литературного героя. 2. Жанр городского фольклора, юмористическая, часто фривольная притча. 3. Краткий рассказ злободневного общественно-политического содержания с сатирической окраской. Отсюда наиболее общая типология анекдотов: литературные, исторические, бытовые, политические.

Дискурсивность анекдота проявляется во внутреннем конфликте его содержания. А. В. Карасик подчеркивает, что «двухплановость анекдота строится на противопоставлении действительности и придуманного, условного положения дел, при этом условность часто и высмеивается» [1].

О. А. Чиркова отмечает, что анекдот строится на семантическом контрасте: «Его герои попадают в критические условия, требующие поиска выхода из них. Там, где нет конфликтности, персонажи создают ее. Основа многих анекдотов – словесный или действенный спор, «поединок». Анализируя эффект, производимый анекдотом, исследователь также отмечает, что смех, слово, брань анекдота десакрализуют ситуацию, снижают, лишают прежней значимости и безусловности [5]. «Анекдоты разрешаются ударной репликой (punchline), представляющей результат или разрешение конфликта для слушающих или читающих», а в качестве сильной позиции текста анекдота выступает так называемый «пуант» – остроумный ответ, ударная фраза (основанная на игре слов) или эффект обманутого ожидания, т. е. неожиданное разрешение конфликта [2].

Особым временем существования и массового распространения анекдота в его

новом понимании, как жанра городского фольклора и как произведения преимущественно устной речи, следует считать установление тоталитарного режима в Советском Союзе, послужившего сильнейшим стимулом, толчком для развития этого уникального явления: «На протяжении семидесяти лет существования тоталитарного государства анекдот был своего рода клапаном, который позволял хотя бы частично ослабить идеологический пресс, давал выход стихийному протесту народных масс. В определенном смысле юмор компенсировал отсутствие возможных свобод» [3]. Не случайно за политические анекдоты люди подвергались уголовному наказанию, что также нашло отражение в анекдоте: «Почему у одних заключенных форма в вертикальную полоску, а у других в горизонтальную? Ответ: Вертикальная – у тех, кто рассказывал политические анекдоты, а горизонтальная – у тех, кто их слушал!» Именно на пересечении политического дискурса, художественного дискурса и дискурса комического находится анекдот как смеховой жанр. Коммуникативная цель политического анекдота – острая критика злободневных политических событий. Анекдот был своего рода видом политической рефлексии в условиях отсутствия политического общества и свободы слова.

Анекдот как способ некой культурной, политической, социальной рефлексии остаётся важным способом общения с властью. Фольклор в разных его формах (анекдоты, пословицы, и т. д.) и профессиональная деятельность рекламщиков, отражающая их идеи, слоганы, являются элементами общественного сознания, представляя собой различные дискурсы. Эти дискурсы могут находиться между собой в диалоге.

Примером этому может послужить диалог дискурсов народа и власть имущих по реализации демографического национального проекта. В последнее время появился анекдот: «Встречаются два приятеля. Один спрашивает другого: «А что ты сына не рожает, ведь дом дают в кредит?» А другой отвечает: «А дерево где взять?» Через некоторое время ответом на анекдотическую ситуацию является реклама банка, воздействующей на сознание людей со следующим слоганом: «Дом в кредит, дерево в подарок. Осталось родить сына». Тут же появляется анекдот как реакция женского варианта ответа на рекламу, отражающая реальное демографическое состояние общества, имеющее основательные диспропорции его гендерной структуры: «Дом в кредит, дерево в подарок. Осталось родить сына от соседа» [4].

Итак, анекдот – уникальное, чрезвычайно развитое и продуктивное явление национальной русской культуры, имеющее

собственную номинацию и собственные типологические черты: стереотипы формы, содержания и коммуникативного назначения.

Литература:

1. Карасик А.В., Карасик В.И. Непонимание юмора в межкультурном общении // Язык, коммуникации и социальная среда Межвузовский сборник. Воронеж. 2001. – 255 с.
2. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) Самара. Изд-во Самарского ГПУ 1999 г. – 264 с.
3. Курганов Е. Анекдот как жанр Спб.: Академический проект, 1997, серия «Современная западная русистика». – 123 с.
4. Романова К.С. Жизнь займы как соблазн дискурса / Соблазн дискурса и дискурс соблазна / Дискурсология: Методология, теория, практика. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера / Под общей редакцией О.Ф. Русаковой 21 ноября-14 декабря 2007 г. (серия «Дискурсология». Выпуск 5) Екатеринбург. Издательский дом «Дискурс-Пи». 2007. 156 с.
5. Чиркова О.А. Персонажи уходят из басен: истоки современного анекдота // Русская речь. – 1997. – № 4. – С. 102–107. – (Писатель и фольклор).

ДИСКУРС ИМИДЖА

Имидж (от англ. *image* – образ) понимается как целенаправленно формируемый образ (какого-либо лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. Имиджем также может быть представление, впечатление, мнение о лице, коллективе, учреждении, вещи и т. п., которое складывается об индивидуальном стиле, облике, характеризующем лицо, группу лиц, учреждение и т. п., часто целенаправленно создаваемые, иногда обманным путем. В частности, О.Ф. Русакова и В.М. Русаков определяют имиджи «как модельные образы, которые формируются путем скрещивания четырех проекций, исходящих от презентуемого субъекта и его адресной аудитории» [1].

В целях достижения эффекта сращивания в сознании адресной аудитории модельного образа с его реальным прототипом дискурс имиджа превращается в маску. Дискурс имиджа – это как раз та самая символическая маска, которая управляет внешним видом и поведением ее носителя. Символическая маска – это семиотическая программа, которой следует ее носитель или актер, исполняя те или иные знаковые фигуры, которые соответствуют заданному идеальному образу. Дискурс имиджа напоминает дискурс спектакля, в котором разыгрываются определенные ролевые амплуа. Иначе говоря, для того чтобы публика поверила в тот или иной имидж, необходимо данный имидж «разыграть», т. е. представить его в действии, в конкретных обстоятельствах

места и времени. Контекстуальный план дискурса имиджевого спектакля включает два вида контекста: скрытый от внешнего взора контекст (контекст смыслового ядра), и легко прочитываемый и просматриваемый контекст (контекст переднего плана). Первый вид контекста доступен пониманию только информированной, подготовленной публике, специалистам в деле имиджмейкерства. Второй вид контекста доступен для понимания абсолютному большинству представителей адресной аудитории. Символические фигуры и знаки переднего плана имиджа легко расшифровываются публикой, что доставляет ей определенное удовольствие от самой процедуры смыслопостижения, независимо от того, нравится или не нравится аудитории содержание открываемых смыслов. В социальном и коммуникативном плане особым образом может быть представлен требуемый имидж (согласованный с профессией, корпоративными установками, увлечениями), самоимидж (самооценка, самоидентификация) и воспринимаемый имидж (оценка и идентификация другими). Дискурсивность имиджа открывает возможности для увеличения аспектов рассмотрения имиджа как научного объекта. Можно сказать, что дискурс имиджа – это демонстрация символической маски-амплуа, соответствующей неким стереотипным представлениям об идеальном социальном типе. Или, другими словами, имиджевая маска – это ролевой типаж, в котором отражаются стандартные модели поведения и деятельности определенного презентуемого субъекта. Такое определение больше всего характеризует сферу политики, где имидж отражает не то, что человек собой представляет, не его дело, каким он занимается, а его видимость и то, как при этом «деле» он «выглядит», «смотрится». Часто несовпадение обычной и «политической» реальности таково, что вынужденный по воле политтехнолога на время перейти из одной реальности в другую человек не-

вольно теряется, начинает не понимать происходящего с ним и вокруг него, начинает терять свое достоинство. Формирование в человеке под влиянием общественного мнения и социальной среды внутренней осознанности своего положения в обществе выступает как достоинство личности. Отсюда, чем больше имиджа, тем меньше достоинства. Для каждого вида субъектов набор ролевых типажей не столь уж велик. Так, например, ролевой имиджевый набор руководителя предприятия, как правило, состоит из двух основных поведенческих моделей – авторитарная модель и демократическая модель. Имиджевый набор политического деятеля более разнообразен. Он включает такие ролевые типажы, как «реформатор», «диктатор», «спасатель», «освободитель», «фундаменталист» и др. Дискурс имиджа вырабатывает символический и социальный капитал личности или другого объекта им определяемым. Символический капитал имиджа представляет собой систему культурных кодов, необходимых для осуществления коммуникативно-информационного обмена. Социальный же капитал имиджа представляет собой систему социальных контактов, основанных на доверии, уважении и согласии участников коммуникаций. Более конкретные черты имиджевые типажы приобретают в процессе процедуры позиционирования, когда возникает необходимость противостояния конкурентам. Именно тогда дискурс имиджа становится ярким, запоминающимся, объемным по смысловой нагрузке. Процесс демонстрации имиджевой модели обладает теми же планами, что и дискурс публичной коммуникации. Визуальная аттрактивность (привлечение внимания) имиджа формируется путем создания индивидуального стиля (личностного, корпоративного, институционального). Составляющими имиджевого образа могут быть ритуалы, которые традиционно сопровождают появление на публике носителя

имиджа, а также фирменные символы, знаки корпоративного единения и т. д. Категория имиджа – многомерное и гибкое образование: сквозь призму дискурсивных имиджевых признаков происходит идентификация личности, транслируется её социальный статус, мир значимых для жизнедеятельности предпочтений.

Литература:

1. Русакова О.Ф. Русаков В.М. PR-Дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. С. 204.
2. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. 177 с.

ДИСКУРС ИМЕНИ

Имя – слово, личное название человека, которое давали при рождении. В более широком смысле имя – это название любого предмета или объекта.

Имя дается человеку в момент рождения или вскоре после рождения, и сам человек никак или почти никак не определяет, каково будет его имя. Имя, данное человеку при рождении, обычно одно, личное имя, оно существовало у всех народов и во всех цивилизациях и связано с культурой и бытом, поэтому дискурсы имени в первую очередь относятся к кросскультурной и субкультурной коммуникации. Имя обеспечивает идентичность человека, а второе имя – фамилия – связано с семейной идентификацией. В России принята форма тройственного именованья – по имени, отчеству – имени отца и фамилии, семейному имени. Обращение по полному имени, то есть по имени-отчеству, считается уважительным. Наряду с полным именем использовались уменьшительные имена, которые были производными от личного имени и прозвища. Уменьшительные имена носят ласкательный либо уничижительный характер. Дискурсивность имен проявляется в конкуренции между собой, предлагая в форме символически-знаковых образований (вербальных и невербальных) различные интерпретации феноменов, а в процессах и отношениях выступают различными спо-

собами позиционирования, репрезентации и идентификации социальных акторов. Главным адресатом дискурсного воздействия имени выступает общественное сознание, осуществляя обработку общественного сознания, внедряя в него определенные нормативные и ценностные установки, образы и картины действительности.

Имя имеет огромное значение в судьбе человека, его функция идентификации дает человеку ответ на вопрос «кто я?». Имя и фамилия усваиваются человеком как некое социальное знание в разное время в ходе его индивидуального развития. Затем в своей жизни человек зарабатывает через социальную деятельность и разного рода коммуникации авторитет своего имени, который определяет его место в исторической памяти.

Известный философ и богослов Флоренский П. А. описывает имена как типы личности. В психологии семьи принято считать, что нареченное имя способствует определенным сценариям жизни. В некоторых культурах, в том числе и в славянской, существовали традиции менять имя в особых жизненных ситуациях. Так, например, в ряде регионов России все новорожденные младенцы в первые дни жизни именовались Богданами до крещения, а во время крещения им менялось имя на выбранное из святцев. Смена личного имени практиковалась и при принятии церковного сана. В совет-

ское время стало привычным давать имя уже не в честь святых, а в честь известных людей, или даже событий. Психологически имя, данное в честь какого-то героя или, например, погибшего родственника, содержит определенные ожидания, обращенные к названному так, в результате чего человек вынужден жить «за себя и за того парня», что может привести к серьезным личностным проблемам. В европейских странах существовали традиции именовать старшего сына именем отца, что было связано с наследованием титулов и имущества. Если такой порядок нарушался, то это влекло за собой и экономические, и психологические последствия. Таким образом, дискурсы имени, с одной стороны, формируют и структурируют знаково-символическое пространство, а, с другой стороны, обитают и функционируют в данном пространстве. Дискурсное знаково-символическое пространство в свою очередь пронизывает все другие пространства социального мира – политическое, экономическое, социокультурное, информационное, где и функционирует имя того или иного человека.

Антропологи гораздо более подробно, чем психологи, исследовали имена. Известны данные о системах именования, в которых «подлинное» имя скрывается из опасения, что враг человека может обрести власть над ним, если узнает его настоящее имя – а это убедительно демонстрирует ту степень, в которой имя человека отождествляется с ним самим. Практически во всех культурах существуют прозвища, которые заменяют официальное имя. Как правило, прозвища присваиваются окружающими. Прозвища могут отражать выраженные черты личности, особенности его характера или внешности, достоинства или недостатки, а так же быть преобразованы из фамилий или личных имен. В художественном творчестве и искусстве часто используются псевдонимы,

псевдоимена, призванные скрыть настоящее имя, либо сделать его более благозвучным. С развитием Интернета и общения в социальных сетях в обиход вошли ники, сетевые имена, позволяющие сохранять анонимность пользователя. Таким образом, дискурсы имени формируют у социальных субъектов ментальные образы мира, как внешнего, так и внутреннего, и его оценочные матрицы.

Литература:

1. Флоренский П.А. Имена. (I–V часть «Вопросы литературы», 1988, № 1; «Социологические исследования» 1988 № 6 и 1989 № 2–6, 1990 № 2–6).
2. Ром Харре. Психология имен. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/_Rom_Name.php.
3. Де Гольжак В. История в наследство. Семейный роман и социальная траектория. М., Изд-во Института психотерапии, 2003. 233 с.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*НИ

Для заметок

Dotted lines for notes

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 или RTF.

2) Первая (титовая) страница должна содержать (на русском и английском языках):

- название статьи;
- фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания;
- контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
- аннотацию (до 300 печатных знаков);
- ключевые слова.

3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.

5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию и подрисовочные подписи). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат бумаги – А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.

6) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.

7) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.

8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.

9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.

10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9; 15]). За точность библиографии несет ответственность автор.

Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.